

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 4(8)/2005

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Круглый стол в редакции журнала
Мало что от Бога, много чего
от Гоблина

В.И. Ермолович

Ситуационный перевод или
ситуационный производ?

В.Д. Карболкин

Борьба с сепулькой

В.К. Ланчиков

Семь заблуждений
относительно заимствований

Т.П. Некрасова

О руссизмах в юридическом
переводе и не только

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 4(8)/2005

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Идея обложки:

Д.И. Ермолович

Адрес редакции:

105062, Москва,

ул. Покровка, д. 38а

105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23

Тел./факс: 916-67-03

e-mail: rvalent@online.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-187-9

Номер подписан в печать 22.12.05

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 53

Отпечатано в ОАО «КТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только
с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2005

В номере:

От редакции2

Лицо профессии

Жизнь, посвященная взаимопониманию (о Т.А. Кудрявцевой) ...3

Т.А. Кудрявцева. О положении с переводом художественной литературы4

Наследие

В.Н. Комиссаров. Слово о переводе. (Фрагменты книги)9

Восемь вопросов профессионалу

Отвечает Л.О. Гуревич21

Анализ практики

Ф. Метрес. Some Notes on Translating Arseny Tarkovsky's "Field Hospital"23

Т.П. Некрасова. О руссизмах в юридическом переводе и не только26

А как это по – русски?

В.Л. Ланчиков. Семь заблуждений относительно заимствований. (Окончание)32

Д.М. Бузаджи. На ту же тему...42

Заказчик – переводчик

В.И. Ермолович. Ситуационный перевод или ситуационный произвол?44

А.А. Шилов. «Предлагая, можем предложить», или Почему не заплатили переводчику50

Кинозал

Круглый стол в редакции «Мостов». Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина52

Д.И. Ермолович. Трагедия таланта63

Cum grano salis

В.Д. Карболкин. Борьба с сепулькой70

Я. Карчев. Расценки на перевод с английского на русский75

Издательство «Р.Валент» предлагает

А.А. Кафыров. Семантико-синтаксические процессы и перевод76

Об авторах

.....79

Журнал «Мосты» 2004–2005 гг.

.....80

От редакции

Новый год! Сколько бы ни было тебе лет, сладко, как в детстве, замирает сердце от этих слов... И пусть ты мудр и трезвомыслящ, ты все равно загадываешь в новогоднюю ночь, под волшебный звон бокалов, самое заветное свое желание.

С Новым годом, дорогие друзья! Пусть сбудутся ваши мечты! Пусть приносит вам радость каждый прожитый день, сколь бы ни был он сложен, – радость творчества, радость общения с людьми, радость преодоления трудностей! Вы выбрали замечательную профессию – она дарует тем, кто верно служит ей, долгие, наполненные истинным творчеством, годы жизни, острый ум, широкое мировоззрение и богатый язык.

Будьте счастливы и здоровы! Пусть в ваших сердцах живет любовь! Пусть будут здоровы ваши близкие!

Этот год был непрост, впрочем, как и вся наша жизнь. Были невосполнимые утраты, были ссоры, непонимание, бывали и поражения... Но мы учились – «молиться, надеяться, верить, терпеть, прощать, благодарить и любить всех».

Мы поздравляем всех переводчиков от имени нашей редколлегии, а нашу замечательную редколлегию – от имени издательства. Мы благодарим неутомимых членов редколлегии за увлеченность и истинное творчество, за принципиальность и трудолюбие, за то, что, поддержав наше начинание, от номера к номеру идут с нами плечом к плечу.

Наш журнал читают и ждут и в Москве, и в далеких уголках нашей родины, и в других странах мира. Переводчики искренне радуются, что существует их практический профессиональный журнал. Подчас бывает нелегко, но ваша вера в то, что мы делаем нужное дело, придает силы. Спасибо вам, друзья! Мы ждем новых авторов и новые материалы, и пусть не всё сможет быть напечатано – предложенные вами темы всегда дают импульс к размышлению, служат основанием для проведения Круглых столов и дискуссий. Давайте же работать вместе!

We try to bridge the communication gap!

Нам посчастливилось познакомиться с Татьяной Алексеевной во время работы над книгой бывшего американского посла Дж. Мэтлока «Рейган и Горбачев». Книга эта вышла в Америке, а теперь в переводе Т.А. Кудрявцевой — у нас в стране. Конечно, мы не только работали над книгой, но и беседовали на самые разные темы. Самая животрепещущая, пожалуй, — это состояние современного художественного перевода. Конечно, тот материал, который мы помещаем в «Мостах», приоткрывает лишь вершину айсберга проблем художественного перевода, и Татьяна Алексеевна обещала по возвращении из США продолжить разговор на эту, а также на другую не менее болезненную тему: «Редактор — переводчик». Татьяна Алексеевна передала издательству рукопись своей книги о превратностях переводческой судьбы — и мы восприняли это как знак высшего доверия. Нам кажется, что подобная книга станет еще одним доказательством того, сколь достойна и престижна профессия переводчика, если только он — личность и профессионал.

Жизнь, посвященная взаимопониманию

Имя Татьяны Алексеевны Кудрявцевой известно в нашей стране уже не одному поколению читающих хорошие книги. Именно благодаря ее переводческому таланту мы смогли познакомиться со многими замечательными произведениями литературы.

Татьяна Алексеевна Кудрявцева родилась в Ленинграде, поступила в Ленинградский университет и намеревалась стать специалистом по японскому искусству, но волею судеб стала переводчицей и специалистом по английской и американской литературе. В 1939 году, по решению Сталина, в Москве был создан институт для подготовки переводчиков, в которых остро нуждался Народный комиссариат иностранных дел, Внешторг и Генеральный штаб Советской Армии. Институт именовался Курсами переводчиков при ЦК ВКП(б). Студенты для этого института отбирали из разных городов. Из Ленинграда отобрали 6 человек, в том числе и Т.А. Кудрявцеву, так как она хорошо знала французский язык, который изучала с детства. Поступив в институт, она записалась на английское отделение. Позже Татьяна Алексеевна закончила ВИИЯ КА как переводчик с японского языка. В марте 1943 года из Москвы поступило указание срочно выпустить 8 студентов последнего курса и

направить в распоряжение Генерального штаба. Татьяна Алексеевна оказалась в числе этих восьми. Срочно были устроены выпускные экзамены, присвоено звание старшего лейтенанта, выданы дипломы... Впереди была долгая трудовая жизнь...

Татьяна Алексеевна работала в Наркомате иностранных дел, позже — МИДе, и в ТАССе, и в Гослитиздате, и в «Иностранной литературе». Ее только не побывала Татьяна Алексеевна, с кем только не свелась ее судьба переводчика, редактора, литературоведа! Она встречалась и с Черчиллем (переводила его помощнику-адмиралу), и с де Голлем, и с американскими послами А. Гарриманом, Дж. Кеннаном, Дж. Мэтлоком. Множество творческих встреч с замечательными писателями навсегда остались в памяти Татьяны Алексеевны — это встречи с Б. Пастернаком, с Л. Арагоном, Д. Стейнбеком, Д. Апдайком, Д. Олдриджем, Х. Гойтисоло, К. Фуэнтесом, Х. Кортасаром, Э. Базеном, Б. Клавелем, М. Дрюоном, Н. Саррот, Ж. Сименоном, А. Моравиа, Д. Брейном, А. Мёрдок, Ле Карре, Г. Грином, Г. Бёллем, У. Стайроном, Н. Мейлером, Г. Видалом и многими др. С некоторыми из них она дружила и дружит до сих пор.

В 2002 году Ассоциация американских издателей (Association of American Publishers), одна из самых мощных и престижных организаций США в гуманитарной области, которая ежегодно отмечает заслуги издательств, входящих в нее в качестве членов, вручила премию ААИ (AAP) за перевод художественной литературы, способствующей взаимопониманию между странами, Татьяне Алексеевне Кудрявцевой, переводчице Джона Апдайка, Уильяма Стайрона, Нормана Мейлера, Гора Видала, Маргарет Митчелл и других. Нельзя не вспомнить, что в том же году Т.А. Кудрявцевой за достижения в области перевода, способствующие сближению двух великих культур, вручили также премию Аме-

риканско-российского фонда культурного сотрудничества (учрежденного Борисом Ельциным и Биллом Клинтонем). Премия вручается один раз в два года. За десять лет существования Фонда ее лауреатами стали: Михаил Горбачев, Ван Клиберн, Игорь Моисеев и Метислав Ростропович, Джеймс Биллингтон директор Библиотеки Конгресса. На большой хрустальной стеле, которая стоит теперь дома у Татьяны Алексеевны, выгравированы названия основных переведенных ею книг, на постаменте — надпись: «За жизнь, посвященную взаимопониманию между двумя культурами путем создания литературного моста между Россией и Америкой».

О положении с переводом художественной литературы

Т.А. Кудрявцева

Поговорим о переводе художественной литературы — романов, повестей, рассказов. По моему глубокому убеждению, сегодня в этой области дело обстоит очень неблагоприятно. Издательства перестали думать о качестве того, что они выпускают, и в погоне за прибылью дают часто переводы непрофессиональным или неопытным переводчикам, а то и просто студентам, которые, работая за гроши, порой даже еще не умеют пользоваться словарем и понятия не имеют ни о стране, в которой происходит действие, ни об эпохе, если это роман исторический, ни о среде, в которой действуют герои (скажем, о музыке или об искусстве, или о мире финансов, или о технике) — весь расчет на сло-

вари. На это можно надеяться при переводе публицистики или при техническом переводе, да и то не всегда — надо все-таки понимать, о чем идет речь.

Ну а при переводе художественной литературы, помимо знания языка и реалий необходимо еще и соблюдать стиль автора: если он пишет короткими фразами, таким же должен быть и перевод. А если длинными, закрученными, — поломай голову, поспыхти, но вытяни фразу и сделай ее так, чтобы она читалась. Необходимо соблюдать ритм прозы, не сливать абзацы и не делать новых. У каждого писателя есть любимые слова и словечки, любимые выражения, которые повторяются на протяжении повествования, — надо найти им

эквивалент. И ни в коем случае не братья за перевод того, чего ты не знаешь. Книга, вышедшая в переводе, должна читаться так же легко или быть такой же сложной, как и оригинал.

А ведь теперь часто бывает, что книга, которой зачитываются в оригинале, которая является мировым бестселлером, валяется на полках наших книжных магазинов, потому что из-за плохого перевода ее трудно читать. Такая участь постигла многие романы английского писателя, автора бестселлеров Джона Ле Карре. Все его романы во всем мире признаны бестселлерами, а у нас востребованы лишь 2–3 его романа, остальные же переведены неуклюже и их трудно и неинтересно читать.

Другим примером неудачного перевода является роман американского писателя Дэна Брауна «Код да Винчи». Во-первых, никакого кода да Винчи не существует, а есть картина «Мона Лиза», на которой художник, сообразно роману, закодировал связь Христа с Марией Магдаллиной. Значит, уже само название переведено буквально и неверно. Должно быть «Закодировано да Винчи». Я читала этот роман в оригинале — у Дэна Брауна легкое перо, он хорошо, образно пишет. В русском же переводе спотыкаешься чуть ли не на каждой строке, потому что переводчик не потрудился — или не сумел — передать эту легкость стиля Брауна. Жаль, что такой роман, который, несмотря ни на что, широко читается у нас в стране, вышел в плохом переводе.

А как часто переводчик, не поняв чего-то или не желая утруждать себя, просто опускает текст — иной раз фразу или фразы, а иной раз целые страницы. Мне пришлось по просьбе издательства «АСТ» доперевести одну треть (!) романа Ирвина Шоу «Богач, бедняк», так как переводчица, не понимая текста, выбрасывала его страницами, что абсолютно непозволительно.

Работа переводчика художественной литературы имеет еще одну сложность: помимо стиля автора, надо уметь переда-

вать еще и его отношение к происходящему. Если у писателя в прозе бьется нерв — это должно ощущаться в переводе. Если авторское повествование лирично — и перевод должен быть лиричным. Если писатель смешит читателя, — и русский читатель должен смеяться, а если хочет вызывать слезы, — русский читатель должен реагировать так, как желает автор. Если автор с определенной целью прибегает к вульгаризмам — в тех же местах книга должна быть вульгарной и на русском. Зато если писатель выражается индифферентно, например в эротических сценах, так должно быть и в переводе, сколько бы переводчику ни хотелось показать свою осведомленность в данной области. Если действующие лица говорят на жаргоне, — надо постараться отыскать соответствующие слова и выражения и в русском языке, иначе авторская речевая характеристика будет в переводе утрачена.

Вышеизложенное может создать у читателя впечатление, что со смертью поколения кашкинцев у нас вообще не осталось хороших переводчиков. Это не так. Некоторым писателям везет, и их книги выходят в прекрасных переводах В. Голышева, В. Бабкова, А. Файнгара. Есть и другие хорошие переводчики.

В заключение хочется еще раз сказать, что перевод художественной литературы требует от переводчика больших знаний и умения. А от издательств — большей требовательности к качеству того, что они издают. От этого выиграет прежде всего читатель, но в конечном счете и само издательство, чьи книги, за которые ему не придется краснеть, будут лучше расхотены и, следовательно, приносить доход.

ЖЕНСКИЙ РОМАН СПАСЛИ ЖЕНСКИЕ СЛЕЗЫ

«Унесенные ветром» могли пролететь мимо России

Маргарита РЮРИКОВА «Новая газета» № 90 10.12.2001

Татьяна Алексеевна Кудрявцева вспоминает о том, с какими сложностями пробивался к российскому читателю роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»

— Татьяна Алексеевна, неужто в самом читаемом и «кассовом», не говоря уж о фильме, романе ЦК обнаружил то, что могло «испортить» советского читателя? Или были другие причины для нечтения?

— Эту книгу привез мне один мой знакомый из Америки. Она мне очень понравилась и лежала у меня примерно года три. До 1976 года. К этому времени за десять лет работы в журнале «Иностранная литература» у меня образовались крепкие и прочные связи в ЦК.

В частности, сложились хорошие отношения с заместителем заведующего отделом культуры Альбертом Андреевичем Беляевым. Он знал английский язык, и я иногда просила его прочитать сложную книгу, которую никак не могла пробить у главного редактора журнала Федоренко. И он часто мне помогал. Я подумала: а дам-ка я почитать ему «Унесенные ветром»...

В очередной свой приход к нему я сказала: «Вот почитайте. Прекрасная книга! Я хочу опубликовать несколько глав в журнале». Через некоторое время я спросила: «Альберт Андреевич, прочитали?». «Прочитал, — сказал он. — Вы что, с ума сошли?» «То есть?» — не поняла я. — «Да как же можно печатать такую книжку?» — «А что же в ней такого, из-за чего ее нельзя печатать?». «Слушайте, Кудрявцева, — Беляев был суров, — вы что, действительно ничего не понимаете? Вот тут, например, описываются отношения между хозяевами и рабами. Ведь это же идеализация! А вы хотите, чтобы я санкционировал или благословил издание книги, которая запудривает мозги нашему читателю». Я начала объяснять: «Вы понимаете, Альберт Андреевич, ведь это же домашние слуги. С домашними слугами у хозяев складывались совсем другие отношения, подчас очень добрые. А то, что вы имеете в виду, так это полевые рабы, и там были надсмотрщики и жестокое обращение». «Вы все-таки ничего не понимаете, эту книгу печатать нельзя, — твердо сказал он и продолжил: — А ку-клукс-клан? В книге это благородная организация, якобы созданная для того, чтобы защищать белых жен от черных рабов?» — «Ну, наверное, это так и было тогда». — «Но это же реакционная организация!»

— Вы пошли другим путем или «добивали» Беляева?

— Характер у меня упрямый, и я, конечно, стала долбить. Каждый раз, когда приходила к Беляеву по делу, я обязательно спрашивала: «А как насчет «Унесенных ветром»? Может, передумаете?». Я ему надала до такой степени, что в 1977 году он уже в отчаянии сказал: «Да пошла ты к черту! Печатай своих «Унесенных ветром», но только чтобы было хорошее предисловие».

Я сказала, что постараюсь уговорить Петра Васильевича Палиевского, который безусловно напишет блестящее предисловие. Тут же я побежала к директору «Худлита» Осипову и радостно сообщила, что есть решение ЦК печатать «Унесенные ветром». «Давайте составлять договор, —

сказала я, — и я сажусь переводить». «Сколько вам нужно времени?» — спросил Осипов. «Года полтора». «Да кто же вам даст столько времени? — ошарашил он меня. — Разрешение вы получили сегодня, и если мы не напечатаем книгу в течение года, то об этом разрешении все забудут. Я могу вам дать максимум месяцев восемь. Сейчас ноябрь, значит, перевод должен быть готов в июне».

Я понимала, что перевести такую огромную книгу за этот срок невозможно, и мне пришлось просить мою коллегу, талантливую переводчицу Татьяну Алексеевну Озерскую, взять на себя первый том, а второй переводила я.

И ровно в срок мы положили рукопись на стол Осипову. Но до этого в новогоднем номере «Известия» опубликовали большое интервью с Осиповым, треть которого была посвящена тому, что замечательный роман «Унесенные ветром» наконец-то станет доступен читателю.

— **Сегодня это считалось бы рекламой — нормальное явление нашей жизни, а тогда?**

— А тогда на следующий же день меня вызвали «на ковер» в Международный отдел ЦК, где показали телеграмму от Гесса Холла, секретаря американской Компартии, который высказывал возмущение тем, что братская Коммунистическая партия Советского Союза разрешила публикацию книги, против которой они выступают, устраивая пикеты у кинотеатров, где демонстрируется сделанный по этой книге фильм.

Ответственный сотрудник отдела, который со мной беседовал, сказал: «Ну как мы можем после этого издавать книгу?». И рукопись легла «на полку» на три года, и только чистая случайность дала ей ход.

Однажды у меня в журнале возникли большие разногласия с главным редактором Н.Т. Федоренко по поводу романа Дэвида Халберстема «Посол», и я предложила: «Раз вы не разрешаете его печатать, а я считаю, что вы не правы, давайте обратимся в ЦК». Он не мог сказать «нет», так как был уверен, что ЦК запретит. И я пошла в Международный отдел.

Роман мне разрешили печатать, но, перед тем как идти в ЦК, у меня был очень неприятный разговор с Федоренко, и я пришла туда в крайне нервном состоянии. Казалось, я должна была обрадоваться, что вопрос решился в мою пользу, но я вдруг разревелась.

Снизу и реву. Принимавший меня ответственный сотрудник спрашивает: «Татьяна Алексеевна, что с вами? Что мне сделать, чтобы вы успокоились? Воды принести...». «Да не надо воды, — прошептала я сквозь слезы. — Вот у вас телефон стоит, снимите трубку, позвоните Осипову и скажите, что вы не возражаете против издания «Унесенных ветром», а то ведь почти с каждой книгой приходится мучиться, чтобы ее напечатать на русском языке».

И вы знаете, он так и сделал, и роман «Унесенные ветром» вышел в 1982 году!

Когда это произошло, я позвонила ему и сказала: «Хочу принести вам экземпляр «Унесенных ветром» и поблагодарить за то, что вы сделали, потому что без вас она никогда бы не увидела свет». Он очень удивился: «Что?! Я-то думал, что она выйдет, когда я уже буду на пенсии...»

Из выступлений на презентации книги Дж. Мэтлока «Рейган и Горбачев»

Москва, Горбачёв-Фонд, 8 ноября 2005 г.

Мэтлок. Особенно спасибо всем, кто помог мне в написании этой книги, — президенту Михаилу Сергеевичу Горбачеву, который дал много интервью, Александру Александровичу Бессмертных, Анатолию Сергеевичу Черняеву и другим, которые очень помогали понять события со стороны Советского Союза.

Дайджест

Конечно, надо тоже поблагодарить Татьяну Алексеевну Кудрявцеву, которая перевела книгу. Ее перевод даже лучше оригинала.

Палажченко П.Р. Большое спасибо, господин посол. Поскольку вы упомянули Татьяну Алексеевну, я хотел бы предоставить слово Татьяне Алексеевне Кудрявцевой.

Предоставляю ей слово как коллега коллеге. Хочу сказать, что моя переводческая работа, работа переводчиков нашего поколения, по сравнению с работой Татьяны Алексеевны, которая перевела десятки выдающихся произведений американской и английской литературы на русский язык, конечно, меркнет.

Но, кстати, здесь, помимо меня и Татьяны Алексеевны, сидит третий переводчик — посол Мэтлок — переводчик, между прочим, произведений Лескова. Туренева на русский язык.

Кудрявцева Т.А. Есть объяснение тому, почему я взялась за перевод этой книги. В 64-м году делегация советских писателей ехала в Соединенные Штаты Америки. Господин Мэтлок и его супруга устроили для нас обед. Я была в составе этой делегации. После обеда Джек подошел ко мне и говорит:

— А знаете, я тоже переводчик.

— С какого же языка — на какой?

— Я перевожу ваши русские произведения, — ответил он. — И вот, кстати, я перевел «Соборян» Лескова.

— А вы не могли ничего найти полегче для перевода?

— Я люблю преодолевать препятствия. И поэтому мне было интересно переводить «Соборян». Вы не посмотрите мой перевод?

Я подумала: «Боже мой, что я буду делать». Потому что я была абсолютно уверена,

что это будет плохо. Он мне вручил рукопись. Я уехала в Штаты. Вернулась. Снова был обед у господина Мэтлока. И господин Мэтлок на меня вопросительно смотрел. Я поняла, что никуда мне не деться — надо смотреть перевод. Говорю:

— К сожалению, вы понимаете, меня не было в Москве. Сейчас я приехала. Возьмусь за ваш перевод и обещаю через неделю все вам сказать.

Не через неделю, а буквально через два-три дня я позвонила господину Мэтлоку и сказала, что на 250 или 260 страницах его перевода я нашла всего три ошибки. С тех пор мы дружим. У меня самое высокое мнение о способности господина Мэтлока переводить. Я слышала его переводы стихотворений Вознесенского. Блестящие!

Поэтому когда он сначала написал «Смерть империи», я перевела «Смерть империи», хотя я перевожу обычно только художественную литературу. Затем он написал эту книгу. И эту книгу я перевела с еще большим удовольствием. Почему? Потому что в этой книге вы чувствуете человека. Вы видите, как он общался с нашими людьми и со своими соотечественниками, как воспринимал те или иные события. То есть это не анализ политической ситуации, это не хроника, а это личные впечатления человека — участника всех тех событий, которые имели место.

Поэтому эта книга представляется интересной не только для специалистов-политологов, историков, но и для широкой аудитории. Потому что она очень личная. Вы видите в ней того, кто ее написал.

Я бесконечно благодарна господину Мэтлоку за эту книгу.

Слово о переводе

(Фрагменты книги¹)

В.Н. Комиссаров

Шестидесятые и семидесятые годы прошлого века были периодом расцвета отечественной школы лингвистического переводоведения. В эти годы увидели свет интереснейшие труды и учебники по переводу целой плеяды авторов. В.Н. Комиссаров опубликовал свои первые работы по переводу ещё в 1950-е годы, и к началу 1973 года, когда вышла монография «Слово о переводе», у него за плечами были не только научные и методические статьи, но и кандидатская диссертация, и лексикографический труд (словарь антонимов английского языка), и фундаментальный двухтомный учебник по переводу с английского языка на русский (написанный в соавторстве с Я.Н. Рецкером и В.И. Тарховым).

Монография «Слово о переводе», лёгшая в основу его докторской диссертации, явилась новым этапом в собственном научном творчестве В.Н. Комиссарова и настоящим событием в науке о переводе. Её отличала строгость и последовательность научного метода, свойственная attitude не всем переводоведам. Вилем Наумович стремился рассмотреть каждую переводческую проблему во всех аспектах и взаимосвязях. Он не просто цитировал интересные примеры соответствий, и подходил к анализу перевода с системным анализом, построенным на фундаменте общелингвистической концепции.

В огромной мере благодаря этой книге В.Н. Комиссарова лингвистическая теория перевода окончательно превратилась из дисциплины, которую кое-кто не воспринимал всерьёз, в авторитетную науку с чётко очерченными предметом, методами, задачами и проблематикой. Глубочайшую разработку получила в этом исследовании центральная проблема теории перевода — проблема эквивалентности. Крупным шагом вперёд стало выявление и описание различных содержательных уровней эквивалентности. Автор, пожалуй, впервые так подробно и убедительно объяснил, что эквивалентность многомерна, что она «лежит» в различных плоскостях, и показал переводчику, каким образом следует добиваться подлинной эквивалентности перевода оригиналу.

Фрагменты книги, приводимые ниже, посвящены эквивалентности на уровне языковых знаков, т.е. слов. Уже на этом уровне, как увидит читатель из анализа интереснейших примеров, анализируемых В.Н. Комиссаровым, проблема эквивалентности предстаёт как чрезвычайно многогранная. А ведь это только самый нижний уровень, на котором зиждется пирамида более высоких уровней сопоставительного анализа. Приготовься, читатель: слог Комиссарова не прост, а чтобы выкинуть в логику его построений, нужно сосредоточиться. Но, сделав это усилие, ты будешь вознаграждён тем знанием, которое разложит по полочкам твою, казалось бы, интуитивную переводческую работу.

Д.И. Ермолович

¹ Текст печатается по изданию: В.Н. Комиссаров. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). — М.: «Междунар. отношения», 1973. — С. 89 — 120.

Использованные сокращения: ИЯ — исходный язык, ПЯ — язык перевода.

Наследие

Передача содержания языковых знаков при переводе

(1) Эквивалентность при идентификации денотата.

Идентификация одного и того же денотата, теоретически, всегда осуществима при переводе. Любой денотат – это элемент объективно существующей реальности. Окружающий нас мир принципиально познаваем, и любые познанные элементы могут быть названы знаками любого языка. Отсутствие в каком-либо языке названий для определенных явлений окружающего мира не означает невозможности указать на эти явления с помощью языка. Идентификацию любого предмета или явления можно осуществить при помощи сочетания нескольких знаков, либо путем создания нового знака, содержащего указание на соответствующий денотат. Хорошо известна способность «отсталых» языков к обогащению и расширению словарного состава, как только появляется необходимость в назывании новых явлений.

Однако при воспроизведении в переводе указания на денотат все же возможны некоторые отклонения от равнозначности.

а) Отношения эквивалентности могут устанавливаться между неодинаковыми способами идентификации денотата. Денотат может быть указан путем индивидуального обозначения (имя собственное), обозначения класса предметов, к которому он принадлежит (имя нарицательное) или отнесением его к обозначению, данному в другом месте текста (местоимения). Как правило, при переводе указание на денотат дается тем же способом, как и в оригинале, например:

"Martin stood at the door." – «Мартин стоял у двери».

Однако в связи с правилами построения высказывания в ПЯ установление эквивалентности при переводе может потребовать изменения способа идентификации денотата. Вот несколько примеров из перевода романа С. Льюиса «Эроусмит» (пер. Н. Вольпин):

"To a passing nurse, the two youngsters would have seemed absorbed in hospital business. Martin stood by the door, she by her scrubbing pail."

«Старшей сестре, пройди она мимо, показалось бы, что молодые люди поглощены больничной работой. Мартин стоял у двери, его собеседница у ведра с водой».

"His voice was lively..."

«Голос Мартина прозвучал взволнованно...»

"Not so awful, but it's just as romantic as being a hired girl – that's what we call 'em in Dakota."

«Не так страшно, и романтики в этом ровно столько же, сколько в работе наймачки – так зовут в Дакоте служанок».

б) Указание на денотат в оригинале и переводе может осуществляться путем называния понятий разного объема. Называя явление действительности, Источник может включать его в различные множества, охватывающие большее или меньшее количество единиц. Так, один и тот же предмет можно назвать «стулом», «предметом обстановки», «вещью», «штукой» и пр. В каждом языковом коде существуют свои правила употребления названий разнообъемных множеств для указания на определенные денотаты, а также особый набор слов с очень широким значением, способных называть почти любой денотат типа: вещь, штука, существо, предмет и т. п. Например, в английском языке слово thing может использоваться для указания как на одушевленные, так и неодушевленные предметы, в то время как в русском языке перечисленные выше слова употребляются лишь для обозначения денотатов строго определенного вида. «Существо» может быть лишь «живым». «Камень» – это «штука», «предмет», но не «вещь», а «дерево» – это только «предмет». Поэтому отношения эквивалентности при переводе будут устанавливаться между классами денотатов различного объема.

"Even just lately things have been killed", he whispered. "All around – in the village – out on the downs. Sheep – young lambs – a collie dog." (A. Christie)

«И в последнее время кто-то убивает животных, – тихо сказал он. – В деревне, на полях – везде. Овец, ягнят, овчарку».

Несовпадение правил использования слов одного уровня в ИЯ и ПЯ нередко заставляет применять в переводе понятия иного объема даже при наличии в ПЯ соответствующего слова. Рассмотрим несколько

примеров из книги Р. Брэдбери «Марсианские хроники» (пер. Л. Жданова):

"The doors flew open. The windows flew up. The children worked off their wool clothes."

«Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера».

По-русски снимают не «шерстяную (теплую) одежду», а конкретные предметы: костюм, фуфайку и т. п.

"The heat pulsed among the cottages and bushes and children."

«Эной омывал дома, кусты, детей».

В оригинале сказано не houses, а cottages, а по-русски можно употребить лишь более общее слово, так как видовые подразделения русского «дом» оказываются слишком конкретными (ср.: «коттедж», «дача», «хижина» и пр.).

"The snow dissolved and showed last summer's ancient green lawns."

«Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава».

В русском языке существует сложное прилагательное «прошлогодний», но нет более конкретного «прошляолетний».

в) Выше уже описывались случаи, когда в ПЯ отсутствует знак, указывающий на соответствующий денотат. При этом отношения эквивалентности устанавливаются между указанием на денотат в оригинале и идентификацией денотата в переводе путем создания нового знака («стриптиз»), использования знака, указывающего на близкий денотат (witch hunter — «мракобес»), или использования сочетания знаков (Asia-Firster — «сторонник активной политики в Азии»).

(2) Эквивалентность при описании денотата.

При воспроизведении описания денотата эквивалентность, как правило, далека от равнозначности. Для описания одних и тех же денотатов разные языки выбирают нередко неодинаковые их свойства или стороны. Поэтому такие описания оказываются различными, и в результате каждый язык как бы создает свою «картину мира». Если по-английски муха «стоит» на потолке (a fly stands on the ceiling), то в русском переводе неподвижное положение мухи будет описываться уже

иным образом: «Муха сидит на потолке». Английское head и русское «голова» несомненно указывают в своих прямых значениях на один и тот же денотат, но для англичанина в описании этого денотата содержится отсутствующее в русском языке указание на то, что в голове помещаются зубы, глаза и язык, что делает возможным употребление в английском языке таких высказываний, как:

"You are not expected to say anything here and you can't keep too quiet a tongue in your head." (Ch. Dickens)

"I could hear his teeth rattle in his head." (R. L. Stevenson)

"I've got an eye in my head! I could bring down a running rabbit at fifty paces without a blink." (A. Cronin)

Как указывалось выше, описание и идентификация денотата в знаке тесно связаны между собой и часто идентификация невозможна без одновременного описания. Таким образом, оказывается, что указание на один и тот же денотат неизбежно сопровождается при употреблении соответствующих знаков ИЯ и ПЯ информацией различного содержания. При назывании процесса «плавание» в английском языке при помощи глаголов to swim — to sail обязательно указывается, что плавающий предмет самостоятельно передвигается по воде, а не просто плывет по течению. В русском переводе «Лодка плывет по озеру» эта особенность описания денотата не передается и перевод может быть истолкован как "The boat is floating (drifting) in the lake". При переводе с русского языка на английский глагола «плыть» неизбежно придется указывать в переводе признак, отсутствующий в содержании русского знака.

Как известно, на основании этих фактов возникла теория о принципиальном различии восприятия окружающего мира людьми, говорящими на разных языках. Согласно этой теории, «языковые картины мира» абсолютно несовместимы, откуда и следует принципиальная невозможность перевода.

При сопоставлении знаков разных языков различие в описании одинаковых денотатов представляется неоспоримым. Однако это различие не может быть препятствием для

передачи содержания знака при переводе. Прежде всего можно предположить, что во многих случаях особенности описания знака не осознаются говорящими. Вряд ли, говоря о том, что «муха сидит на потолке», мы осознаем в значении «сидит» какую-то иную информацию о денотате, кроме обозначения наличия предмета в данной точке, что полностью передается на английский язык глаголами *stands* или *is*.

<...> Участники акта коммуникации не обращают внимания на способ описания денотата, понимая его условность. Мы постоянно говорим, что солнце «всходит и заходит», отлично зная, что на самом деле это совсем не так. Сообщение в английском тексте *the sun rises and sets* коммуникативно эквивалентно русскому, поскольку различие в способе описания этого события явно нерелевантно.

Однако самое главное опровержение теории несовместимых «языковых картин мира» заключается и здесь в принципиальной познаваемости способа описания денотата в знаке оригинала и возможности воспроизвести необходимую информацию в тексте перевода. Иногда отсутствующий в знаке перевода признак привносится в сообщение значением других знаков (контекстом). Так, в русских переводах «Он плавает стилем брасе» и «Бревно плавает, наполовину погружаясь в воду» нет необходимости в особых средствах, чтобы передать различие в значениях английских глаголов *to swim* и *to float*. Дополнительные признаки, различающие описание данного явления в оригинале, с необходимостью вытекают из значений слов «стилем» и «бревно», хотя эти признаки не переданы в знаке «плавает», соответствующем словам *swims* и *floats* оригинала. В других случаях недостающая информация передается путем использования специального знака, дополняющего описание. Русским названиям цветов «голубой» и «синий» соответствует один английский знак *blue*. Часто различие между «голубым» и «синим» оказывается нерелевантным или выводимым из контекста и в английском переводе слово *blue* употребляется независи-

мо от того, какой из двух знаков имеется в русском оригинале: «голубое небо» — *blue sky*, «синее море» — *blue sea*. Однако всегда имеется возможность, в случае необходимости, указать необходимый оттенок цвета: *light blue* или *dark (navy) blue*.

Таким образом, несмотря на расхождения в содержании знаков двух языков, в способах описания одних и тех же денотатов имеются достаточные возможности для достижения эквивалентности, либо при нейтрализации различия, либо путем использования контекста и дополнительных знаков. При этом, несомненно, происходит некоторая потеря или изменение информации при передаче. Существует определенное смысловое различие между содержанием, эксплицитно выраженным знаками языка, и тем же содержанием, лишь имплицитно подразумеваемым, хотя и ясным из контекста. Точно так же содержание, передаваемое сочетанием двух самостоятельных знаков, строго говоря, не тождественно содержанию, репрезентирскому единым знаком. *Navy blue* — это не просто «синий», а еще и два знака, каждый из которых обладает собственным значением, а оно, в принципе, может быть выделено в акте коммуникации (например, можно обыграть слово *navy* и т. п.) и может потенциально сыграть самостоятельную роль в сообщении и т. п. Сочетание *small hours* имеет единое неренное значение («раннее утро»), не сводимое к значениям составляющих его слов. Но в следующем примере автор восстанавливает самостоятельное значение слова *small*:

"He supposed they did work some time or other; in the *small hours*, perhaps — *precious small hours!*" (J. Galsworthy)

— «Когда-нибудь, по-видимому, они работают; может быть, рано утром? Разве что уж *очень рано*».

Однако все эти несомненные смысловые различия малосущественны для процесса коммуникации. Как правило, они нерелевантны как для Источника, так и для Рецептора, и их нейтрализация (утрата) при переводе не играет сколь-либо значительной роли. Тем не менее, следует отметить, что установление переводческой эквива-

лентности в отношении описания денотата может сопровождаться некоторой потерей информации.

(3) Эквивалентность при передаче категоризации.

А. Лексические категории.

<...> Содержание лексической категории составляют общие понятия, выражающие реальные отношения, общие для всех людей. Такие категории, как понятие размера, начала действия, побуждения к действию, направления движения, несомненно, являются общечеловеческими, поскольку они отражают хорошо известные всем людям реальные факты. Поэтому информацию, составляющую определенную лексическую категорию, можно передать средствами любого языка. Так, категориальное значение «действие», передаваемое в английском языке суффиксом *-er*, совершенно точно воспроизводится в русских словах соответствующими суффиксами: *teacher* — «учитель», *smelter* — «литейщик» и пр.

Некоторые отклонения от полной эквивалентности возникают лишь тогда, когда способы передачи данного содержания различны в ИЯ и РЯ. Так, значение начальности, как мы уже видели, передается обычно в английском языке глаголом *to begin*, а в русском при помощи глагольных префиксов «за-», «по-» и пр. (ср. по-русские «Он начал смеяться» и «Он засмеялся»). Аналогичным образом значение каузативности, выраженное в английском языке каузативным глаголом *to make* в рамках трехчленной конструкции “*He made her laugh*”, передается по-русски при помощи соответствующего глагола: «Он смешил ее» или «Он рассмешил ее» (ср.: «Он заставил ее смеяться»). Как видно из приведенных примеров, в содержании лексической категории, выраженном разными способами, существуют определенные смысловые различия. Однако эти различия достаточно малы, и ими можно пренебречь.

Необходимая степень эквивалентности достигается и в том случае, когда в переводе подобное категориальное значение оказывается выводимым из сообщения, хотя и не выраженным особыми языковыми средствами.

They had their photo taken. — Они сфотографировались (по-видимому, кто-то их сфотографировал).
He had his hair cut. — Он подстригся (очевидно, его подстригли).

В подобных случаях между английским и русским языком существует различие в способах передачи каузативности, уже не зависящее от Источника. В приведенных выше английских предложениях каузативность должна быть выражена при помощи трехчленной конструкции, поскольку отсутствуют какие-либо синонимичные способы описания данной ситуации. Эта обязательность существует помимо намерения Источника и может быть коммуникативно нерелевантной. Именно поэтому в переводе оказывается возможным использовать иной способ выражения каузативности, не нарушая отношений эквивалентности. Разумеется, когда категориальное значение особо существенно для содержания сообщения, наибольшая степень эквивалентности достигается путем использования аналогичных средств выражения:

“*The American Newsweek would have its readers believe that the Negro workers in the Belgian Congo mines were living well.*”

«Американский журнал “Ньюсуик” хотел бы заставить своих читателей поверить, что неграм, работавшим в шахтах Бельгийского Конго, жилось хорошо (ср.: “... хотел бы убедить своих читателей...”»).

Б. Эквивалентность лексико-грамматических категорий.

Для многих языков представляется возможным выделить основные категории — «части речи»: слова-предметы, слова-события, слова-определители. Поэтому установление эквивалентности на уровне лексико-грамматической категории не представляет особой трудности. Иногда категориальное значение части речи играет существенную роль в содержании слова. Можно сказать, что кто-то убил собаку, но нельзя это назвать «убийством собаки». Одно дело сказать, что человек что-то «украл», и другое дело назвать его «вором». Слово-предмет (существительное) выражает постоянный и поэтому более важный признак, чем слово-событие (глагол).

Можно обнаружить случаи коммуникативной релевантности и различия между категориальным значением слова-предмета и слова-определятеля (прилагательное, наречие, числительное). «Красивая женщина» еще необязательно «красавица», «предательство» сильнее «предательского поступка». Большое значение имеет сохранение категориального значения при переводе в связи с необходимостью передать краткость и синтаксический рисунок изложения. Замена части речи нередко влечет за собой необходимость различных добавлений, делающих перевод громоздким и многословным. Заглавие известной книги У. Фостера "Misleaders of Labor" содержит существительное, образованное от глагола to mislead – «вводить в заблуждение», «вести по неправильному пути». В ней идет речь о правых лидерах рабочего класса США, предающих его интересы. Точная передача содержания слова misleaders возможна при условии замены при переводе существительного соответствующим глаголом, например: «Те, кто вводят в заблуждение рабочий класс» или «Те, кто предают интересы рабочего класса». Однако подобная замена разрушает выразительность заголовка, делает его многословным и невыразительным. Любой переводчик постарается при переводе этого заголовка сохранить «существительность» главного слова, даже за счет меньшей степени эквивалентности в отношении других компонентов его содержания.

Однако в подавляющем большинстве случаев эквивалентность на уровне категориального значения части речи коммуникативно нерелевантна. Поэтому нередко имеется возможность добиться большей эквивалентности на других уровнях за счет замены части речи при переводе. Необходимость такой замены может также возникать вследствие неодинакового распределения знаков различных языков между указанными классами. Во всех подобных случаях изменение лексико-грамматической категории не существенно для эквивалентности знаков оригинала и перевода. Вот несколько примеров из перевода книги Р. Брэдбери «Марсианские хроники».

"And then a long wave of warmth crossed the small town. A flooding sea of hot air; it seemed as if someone had left a bakery door open."

«И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку; вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни».

"... a soft ancient voice"

«... певучий голос древности»

"... little distant Martian bone town"

«... старинный марсианский городок вдали».

"The rocket stood in the cold winter morning, making summer with every breath of its mighty exhausts."

«В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз».

[В разделах (4) и (5) данной главы рассматривается эквивалентность при воспроизведении стилистической и эмоциональной функций знака. — Ред.]

(6) Эквивалентность при передаче указания на многозначность знака.

Прежде всего следует отметить, что необходимость воспроизводить при переводе этот элемент содержания оригинала возникает сравнительно редко. Обычно слово употребляется в оригинале лишь в одном из своих значений. После того как Рецептор выбрал из значений, репрезентируемых данным словом, то, которое воспроизведено Источником в данном случае, наличие у слова иных значений становится нерелевантным. В предложении "The Board decided to expel him" – «Совет решил его исключить» на степень эквивалентности слов Board и «Совет» не влияет существование у этих слов иных значений, не эквивалентных друг другу.

Задача воспроизведения многозначности слова оригинала возникает лишь тогда, когда эта многозначность используется Источником для передачи какой-то дополнительной информации.

"He says he'll teach you to take the boards and make a raft of them; but seeing that you know how to do this pretty well already, the offer... seems a superfluous one on his part..." (J. K. Jerome)

«Он кричит, что покажет вам, как брать без спроса доски и делать из них плот, но, поскольку вы и так прекрасно знаете, как это делать, это предложение кажется вам излишним».

Слова в тексте принадлежат владельцу досок, грозящему проучить человека, взявшего эти доски без спроса. Глаголы *to teach* и «показывать» использованы одновременно в прямом и переносном смысле. Эквивалентность в переводе обеспечивается благодаря существованию подобных значений как у английского, так и у русского слова. При этом условии указание на многозначность знака воспроизводится с достаточной полнотой:

"But their united sagacity could make nothing of it, and they went to bed – metaphorically – in the dark." (Ch. Dickens)

«Но даже их объединенная проницательность не смогла помочь им в этом разобраться, и они легли спать, – фигурально говоря, – в потемках».

Указание, что слово *dark* употреблено здесь в переносном смысле (*metaphorically*), может быть воспроизведено в переводе, если соответствующее русское слово обладает как прямым, так и переносным смыслом.

"If our cannon balls were all as hot as your head, and we had enough of them, we should conquer the earth, no doubt." (B. Shaw)

«Кабы наши пушечные ядра все были такие же горячие, как твоя голова, да кабы у нас их было вдоволь, мы, без сомнения, завоевали бы весь мир». (Пер. О. Холмской)

Существование у русского слова «горячий» переносного значения позволяет передать оба значения английского *hot*, реализуемые в сочетаниях *hot balls* и *hot head*.

Значительно меньшая степень эквивалентности достигается в тех случаях, когда соответствующий знак в ПЯ не обладает необходимой многозначностью. При этом приходится либо отказываться от воспроизведения этого компонента, либо воспроизводить его в содержании иного знака, т. е. за счет менее точной передачи других компонентов содержания оригинала. В обоих случаях эквивалентность может быть лишь относительной. Для переводов художественных произведений характерно стремление добиваться возможно большей эквивалентности последним из упомянутых способов.

"He ... said he had come for me, and informed me that he was a page. "Go 'long", I said, "you ain't more than a *paragaph*." (M. Twain)

Русское слово «паж» не имеет значений (или омонима), связанных с названием какой-либо части книги. Поэтому единственный способ передать игру слов оригинала заключается в использовании в переводе иного знака, который можно было бы отнести и к мальчику-пажу, и к части книги. Вот как решил эту задачу переводчик Н. Чуковский:

«Он сказал, что послан за мною и что он глава пажей. – Какая ты глава, ты одна строчка! – сказал я ему».

Потери информации при применении подобного приема могут быть довольно значительными.

"O ignorant young creatures! How little do you know the effect of rack-punch! What is the rack in the punch at night to the rack in the head of a morning?" (W. Thackeray, *Vanity Fair*)

«О неопытные молодые создания! Как мало вы знаете о действии аракового пунша! Что общего между вечерними напитками и утренними пытками?» (ОГИЗ, 1947).

Отдаленное созвучие между русскими словами «напитки» и «пытки» в весьма незначительной степени передает указание на связь между двумя омонимами *rack* в оригинале. <...>

(7) Эквивалентность при передаче ассоциативно-образной характеристики знака.

При воспроизведении данного компонента содержания знака при переводе можно отметить три различных степени переводческой эквивалентности.

а) Соответствующие слова в ИЯ и ПЯ могут обладать одинаковыми ассоциативно-образными характеристиками. Так, в английском и русском языках в значении слова *snow* («снег») выделяется признак белизны, *stone* («камень») отличается «холодностью», а *day* («день») – это что-то «ясное». И по-английски, и по-русски человек бледнеет, «как полотно» (*as a sheet*), сражается, «как лев» (*like a lion*), называет что-то недостижимое «зеленым виноградом» (*sour grapes*).

В подобных случаях при переводе достигается высшая степень эквивалентности в передаче этого компонента значения.

"She was dressed in white, with bare shoulders as white as snow..." (W. M. Thackeray)

«Она была вся в белом с обнаженными плечами, белыми, как снег...»

"And pride so moved within her that even her heart felt cold as stone." (J. Galsworthy)

«И гордость так всколыхнулась в Динни, что даже сердце у нее стало холодным, как камень».

"Oh, it's all getting just bright as day, now." (M. Twain)

«Ну, теперь все становится ясно, как день».

б) Аналогичной образной характеристикой обладает слово в ПЯ, описывающее иной денотат. Нередко обнаруживается, что в ИЯ и ПЯ один и тот же признак составляет образный компонент содержания разных слов. Так, в английском и русском языках имеются слова, используемые для выражения крайней худобы, большой силы или большой глупости, но эти слова описывают совершенно разные денотаты. Ср.: thin as a rake – «худой, как щетка», strong as a horse – «сильный, как бык», stupid as a goose – «глуп, как пробка» и т. д. В подобных случаях воспроизведение образного компонента значения при переводе достигается, как правило, путем замены образа:

"I never see such an old ostrich for wanting to gobble everything..." (M. Twain)

«Я еще не видел такой жадной оулы – все готов себе забрать...»

в) Признак, составляющий образный компонент содержания знака в ИЯ, отсутствует в ПЯ. Нередко бывает, что в ПЯ вообще нет образа на такой основе, на которой он создан в оригинале. В таких случаях эквивалентное воспроизведение этой части значения знака возможно лишь в рамках всего высказывания, т.е. путем сочетания ряда иных знаков.

"Want, colder than Charity, shivering at the street corners." (Ch. Dickens)

«Нужда, промерзшая до мозга костей, дрожала на перекрестках улиц».

Нередко воспроизведение данного компонента значения оказывается невозможным и в переводе образ утрачивается:

"Cat". With that simple word Jean closed the scene." (J. Galsworthy)

По-английски cat часто употребляется для характеристики злой или сварливой женщины. Русская «кошка» не имеет подобного компонента значения. В переводе приходится отказываться от образа.

« – Злючка! – отпарировала Джин, и это простое слово положило конец сцене».

Как и в случае многозначности знака, проблема передачи образной характеристики слова возникает лишь при условии воспроизведения этой характеристики в тексте оригинала. Такое воспроизведение имеет место лишь при использовании соответствующего знака в качестве метафоры или образного сравнения, что происходит сравнительно не часто. Как правило, слова, в которых обнаруживаются подобные компоненты значения, употребляются без воспроизведения образной характеристики (ср.: обычное употребление слов «щенка», «баня», «лед», «снег», «день» и т.п.). В таких случаях не возникает необходимости передавать данную характеристику в переводе, и она не оказывает никакого влияния на степень переводческой эквивалентности.

(8) Эквивалентность при передаче значения производного или сложного слова оригинала.

Как правило, «словообразовательный» компонент значения слова оказывается коммуникативно нерелевантным в большинстве случаев. Поэтому обычно эквивалентность между словами оригинала и перевода может быть установлена независимо от их морфемного состава.

"In it would be, perhaps, a priceless old chestnut wood wardrobe and a four-poster bed of an excellent period..." (J. Galsworthy)

«В ней как будто находились бесценный старинный ореховый гардероб, кровать с балдахином, также весьма, весьма почтенного возраста...»

Отношения эквивалентности в одинаковой степени устанавливаются между словами одного морфемного строения (bed – «кровать», priceless – «бесценный»), так и между структурно различными единицами (old – «старинный», wardrobe – «гардероб», four-poster – «с балдахином», chestnut wood – «ореховый»).

Однако морфемная структура слова может играть смысловую роль в оригинале и составлять часть содержания, которое необходимо воспроизвести в переводе. Эквивалентное воспроизведение подобного элемента значения будет возможно лишь при совпадении строения соответствующих слов в ИЯ и ПЯ.

"The Senator smiled. He looked surprisingly young to Erik, who had always assumed that the nation's elders were really old." (W. Wilson)

«Сенатор улыбнулся. Он выглядел очень молодо к большому удивлению Эрика, который всегда считал, что старейшины его страны и на самом деле были стариками».

Здесь достижение эквивалентности обеспечивается благодаря тому, что английское *elder* и русское «старейшина» имеют в своей структуре равнозначные корневые морфемы: *old* — «стар».

Таким же образом достигается эквивалентность и при переводе новых образований, значение которых выводится из составляющих их морфем:

"Feeling, as she said 'very townty', she prepared for the ordeal of disclosure by waterproofing herself and going for a tramp." (J. Galsworthy)

«Чувствуя себя, как она говорила, "слишком огорожанившейся", она решила перед испытанием решительного объяснения надеть плащ и немного побродить».

Поскольку случаи совпадения морфемного состава соответствующих слов в ИЯ и ПЯ сравнительно редки, эквивалентность подобного рода обычно при переводе не обеспечивается.

"His colleagues describe him as "both a gentleman and a gentleman"." (Daily Worker)

Игра слов в английском предложении, основанная на значениях морфем, составляющих слово *gentleman*, не может быть передана в переводе, например:

«Его коллеги отзываются о нем, как о мягком и благородном человеке».

"...he could not help knowing the depth of his father-in-law's affection and concern, and the length of his head." (J. Galsworthy)

Сочетание *the length of his head* имеет значение исключительно вследствие осознано-

сти значения отдельных морфем, составляющих прилагательное *long-headed* — «умный, проницательный». Поскольку русское прилагательное имеет совершенно иную структуру, игра слов будет при переводе утрачена.

«Он не мог не знать, как глубоко и тревожно любит его тесть и как он умен». (Пер. М. Лорие)

Когда игра слов, основанная на значении входящих в слово морфем, составляет главное содержание высказывания, для достижения эквивалентности при переводе она воспроизводится путем обыгрывания морфемного состава иных единиц в ПЯ. Это связано с потерями в воспроизведении других компонентов смысла, так что отношения эквивалентности устанавливаются лишь в отношении наиболее важного элемента содержания.

"By-and-by, he said: «No sweethearts, I b'lieve?» "Sweetmeats did you say, Mr Barkis?" (Ch. Dickens, David Copperfield)

В этом отрывке возчик Баркис осведомляется у маленького Дэви, нет ли возлюбленного у служанки Пеготи, но мальчик слово *sweetheart* воспринимает как *sweetmeat* — «конфета». Весь ответ мальчика имеет смысл лишь благодаря совпадению морфем в английских словах *sweetheart* и *sweetmeat*. Эту общность можно передать в переводе, лишь изменив содержание переводимых единиц, так как в структуре русских слов «возлюбленный» и «конфета» нет ничего общего. При этом может случиться, что в переводе совпадут не корневые, а аффиксальные морфемы, например:

- А нет ли у нее дружочка?
- Пирожочка, мистер Баркис?

Другой способ передачи «словообразовательного» компонента значения слова оригинала заключается в воспроизведении значений составляющих морфем в виде отдельных слов в переводе. Это дает возможность передать необходимую информацию, которая отсутствует в прямом соответствии русскому слову. Так, в романе Дж. Голсуорси «Белая обезьяна» Майкл Монт разговаривает с человеком, которого он хочет устроить на работу к себе в издательство.

"Do you know anything about books?" – "Yes, sir: I'm a good bookkeeper." – "Holy Moses! Our job is getting rid of them. My firm are publishers."

Обычное соответствие слову *bookkeeper* – «счетовод» не содержит в себе морфемы со значением «книга», и поэтому использование такого соответствия в переводе следает бессмысленным ответ Майкла. Наибольшая степень эквивалентности может быть достигнута переводом каждой части английского слова в отсылности.

- Вы что-нибудь смыслите в книгах?
- Да, сэр. Я умею вести конторские книги.
- Ах ты, боже мой! Да у нас надо не вести книги, а избавляться от них. Ведь у нас издательство.

Как видно из приведенных примеров, передача этого компонента значения знака часто связана с определенными потерями.

(9) Эквивалентность и сочетаемость слова.

При воспроизведении содержания слова оригинала в переводе нет необходимости передавать дистрибутивную характеристику этого слова, поскольку она релевантна лишь для построения высказывания в ИЯ. Тем не менее особенности сочетаемости слова оказывают большое влияние на степень близости перевода к оригиналу. Нередко бывает невозможно использовать наиболее близкие соответствия, вследствие отличия их дистрибутивной характеристики. А так как знаки любого высказывания в ПЯ могут сочетаться только в соответствии с их дистрибутивными характеристиками, то это обстоятельство накладывает серьезные ограничения на выбор эквивалентных единиц в переводе. Английское прилагательное *hopeful* обычно переводится на русский язык с помощью причастий «надеющийся» или «подающий надежды». Но если в оригинале кто-то говорит *in a hopeful voice*, то использовать наиболее близкое соответствие уже не удастся, поскольку «надеющийся» не сочетается в русском языке с существительным «голос». Придется довольствоваться эквивалентностью, достигаемой при описании значения *hopeful* с помощью группы русских слов: «голос, в котором звучала надежда».

Говоря о руководителях какой-то организации, оратор называет их по-английски *sincere and successful leaders*. Оба прилагательных имеют в русском языке достаточно близкие соответствия: «искренний» и «успешный». Однако, хотя по-русски можно «успешно руководить», быть «успешным руководителем» невозможно². В переводе приходится либо использовать менее точное соответствие, которое можно сочетать со словом «руководитель» (например, «способные руководители»), либо мириться с многословным описанием («добившиеся больших успехов в своей деятельности»). Вернемся к примеру из «Марсианских хроник» Р. Брэдбери.

"The heat pulsed among the cottages and bushes and children."

Pulsed – это «бился, пульсировал», но «зной, жара» не может «биться», да еще «среди домов, кустов и детей». «Пульсирует» по-русски «сердце, жилка» и пр., в крайнем случае «жизнь», и не «среди», а «где-то» или «в чем-то». Поэтому в переводе находим совершенно иной знак:

«Зной омывал дома, кусты, детей».

Еще менее полные отношения эквивалентности устанавливаются в тех случаях, когда в оригинале широкая сочетаемость слова используется в качестве особого приема так называемой «звизмы». Английские авторы часто используют этот прием для создания определенного юмористического или иронического эффекта, например:

"And now must come swift action, for we have here some four thousand words and not a tear shed and never a pistol, joke, safe, nor bottle cracked." (O. Henry)

Английский глагол *to crack* сочетается с «пистолетом» и с «шуткой», с «сейфом» и с «бутылкой». Отсутствие глагола с подобной сочетаемостью в русском языке само по себе ограничивает возможность эквивалентной передачи такого приема. Кроме того, в русском

² Приходится констатировать, что это утверждение утратило актуальность: калька с английского языка «успешный руководитель» воспринимается сегодня по-русски как приемлемое выражение. – *Ред.*

языке употребление зевгмы вообще не является литературной нормой и встречается крайне редко. Такие фразы, как: «Шли три студента, один — в кино, другой — в сером костюме, а третий — в хорошем настроении», воспринимаются как анекдотические примеры.

В связи с этим, а также учитывая незначительную смысловую (точнее экспрессивную) роль этого приема в английском языке, зевгма, как правило, на русский язык не переводится:

"Michael... suggested to the camera that it would miss the train. It at once took a final photograph of Michael in front of the hut, two cups of tea at the Manor, and its departure." (J. Galsworthy)

«Майкл... намекнул, что фотограф может опоздать на поезд. Тогда тот сейчас же сделал последний снимок: снял Майкла перед домиком, выпил две чашки чая и отправился восвояси».

Таким образом, дистрибутивная характеристика слова, не являясь сама по себе информацией, которую следует воспроизвести при переводе, играет существенную роль в установлении эквивалентности на уровне языковых знаков, поскольку выбор знака в переводе во многом определяется соотношением подобных характеристик слов в ИЯ и ПЯ.

(10) Эквивалентность в передаче антонимической характеристики слова.

Проблема воспроизведения в переводе антонимической характеристики слова оригинала возникает лишь при употреблении слова, обладающего подобной характеристикой, в антонимическом контексте, т. е. совместно со своим антонимом и в противопоставлении ему. Естественно, что наибольшая степень эквивалентности и здесь достигается при наличии антонимической характеристики у соответствующего слова в переводе.

"...insisted that the workers should look upon all the farmers, *small* as well as big, as their enemies." (W. Foster).

«...настаивали, чтобы рабочие считали всех фермеров — и мелких, и крупных — своими врагами».

"That was the question that tortured him, *by night and by day, asleep and awake.*" (M. Twain)

«Этот вопрос мучил его ночью и днем, во сне и наяву».

"Who am I to approve or to disapprove?" (M. Wilson)

«Кто я такой, чтобы одобрять или осуждать?»

При отсутствии антонимической характеристики у соответствующего слова в ПЯ иногда удается воспроизвести данный компонент значения, используя иную антонимическую пару.

"Americans... may be divided into two classes — Americans and Americans. In other words, some are nice and some are nasty." (J. Galsworthy)

«Американцев... следует разделять на две категории. Есть американцы и американцы. Иными словами — симпатичные и несимпатичные».

"And I came primed with much information and misinformation gleaned from the writings and sayings of friends and foes of the Soviet Union." (A. Johnstone)

«И я был достаточно напичкан правдивыми и ложными сведениями, почерпнутыми из письменных и устных высказываний друзей и врагов Советского Союза».

Разумеется, замена одной антонимической группы другой в переводе не всегда возможна. В этом случае эквивалентность основывается на контекстуальном противопоставлении соответствующих понятий.

"...Dinny felt a sort of admiration at the painful integrity with which he was grasping the shadow and letting the substance go." (J. Galsworthy)

Противопоставленность английской антонимической пары shadow — substance передана в переводе столкновением значений слов, не являющихся антонимами.

«...страдальческая наивность, с которой отец гонялся за миражем, упуская из виду существенное, не могла не вызывать в девушке известного сочувствия».

Когда антонимическая характеристика используется в качестве основы для игры слов, потеря информации при переводе часто оказывается неизбежной.

"Will you take some potato, Miss ah — Miss Blunt?" said Mr Crowley. (W. M. Thackeray)

Игра слов основывается на антонимичности английских прилагательных sharp — blunt. В тексте героиню романа Бекки Шарп вместо «Мисс Острая» называют «Мисс Тупая». Однако в русском переводе ее фами-

лия – «Шарп» не имеет антонимической характеристики, вследствие чего этот элемент значения будет утрачен. Можно лишь несколько компенсировать недостаточную эквивалентность, обыграв фамилию героини уже в русском варианте, например, назвав ее «мисс Карп».

Особо следует отметить использование антонимической характеристики слова для обеспечения переводческой эквивалентности при отсутствии прямого соответствия или невозможности ее применить. <...>

Особенно часто эквивалентность этого типа отмечается при переводе слов с отрицательными префиксами.

"Most of the Latin American governments have been *unable to do much to this end*..." (W. Foster)

«Большинство латиноамериканских правительств могло сделать в этом отношении очень *немного*».

"Besides, as we all know from our own experience, it is never *unpleasant* to talk about oneself..." (S. Maugham)

«Кроме того, как всем нам хорошо известно из собственного опыта, всегда приятно поговорить о самом себе...»

Таковы основные типы эквивалентных отношений, которые могут отмечаться на уровне языковых знаков. Следует подчеркнуть, что речь шла лишь о потенциально возможных отношениях между отдельными компонентами содержания знаков в текстах оригинала и перевода. При их описании мы отвлекались как от воздействия других содержательных уровней, так и от влияния условий употребления знака в конкретном акте коммуникации. Как будет показано в дальнейшем, эти факторы часто весьма существенно изменяют характер эквивалентности между отдельными знаками оригинала и перевода.

В украинских судах русскоязычным нужен будет переводчик

«Росбалт» 1.09.2005

На Украине с 1 сентября 2005 г. всё судопроизводство переводится на украинский язык в связи с вступлением в силу новых Гражданско-процессуального кодекса и Кодекса административного судопроизводства, сообщают украинские СМИ со ссылкой на информацию директора департамента Министерства юстиции Украины Сергея Чеховича. По его словам, русскоязычным участникам судебных процессов отныне придется прибегать к услугам переводчиков.

В связи с этим «новшеством» народный депутат Украины Леонид Грач уже заявил, что «таким образом нарушается статья 10 Конституции Украины, которой гарантируется свободное развитие, использование и защита русского и других языков национальных меньшинств».

Отвечает Леонид Ошерович Гуревич

Президент СПР

1. Почему вы стали переводчиком?

Не сказал бы, что в «нежном» возрасте мечтал быть переводчиком. Более того, в годы моего военного и послевоенного детства среди ребят ходила присказка: «на крайний случай остаются еще библиотечный, архивный или инъязы». Думаю все же, что все решило чтение, чтение и чтение. А потом и желание убедиться в том, что «большой мир» существует не только в книгах. Гораздо позже пришло понимание романтики, красоты и самоценности нашей труднейшей и не всегда (и не во всем) благодарной профессии.

2. Что вам дала профессия переводчика?

Она во многом определила и смысл, и содержание, и даже стиль жизни. Подарила мне моих друзей, соратников по инъязы, «Прогрессу», Праге, синхронным бригадам, по нашему Союзу.

3. Кто был вашим первым учителем?

Конечно, первые уроки жизни я получил от своих близких и учителей в школе. Чуть было не «сбила» меня с переводческого пути покровительница всех инъязовских поэтов Инна Шкунаева. Но все же своим профессиональным становлением я целиком обязан Наталье Борисовне Жуковой — талантливому педагогу и замечательному человеку. Впрочем, переводчик учится всю жизнь, и это вовсе не красивый штамп, а профессиональная необходимость. К тому же у нас был не только свой переводческий круг, свой постоянный «телефонный» семинар, нам повезло пройти уникальную академию перевода в «Прогрессе»!

4. Какие книги у вас всегда под рукой?

С самого «нежного возраста» я окружен книгами. Зачастую мой круг чтения определялся теми книгами, которые я переводил или о которых писал. Есть, конечно, любимые авторы и книги. Но все же главная книга (сейчас таких три) — та, которую перевожу.

5. Какие словари у вас под рукой?

Словари бумажные, хотя теперь появились и электронные. «Под рукой» словари Макарова, «Роберы», Ожегов. Для цитат и по другим случаям — чаще всего были классики литературы, марксизма, «Библия», законодательство.

6. Какой самый трудный случай в переводческой практике вы можете припомнить?

Работа на всемирной встрече мэров в Касабланке: пришлось вести от имени советской делегации переговоры с организаторами, дабы обеспечить русский синхронный перевод, «воевать» с нашими ораторами, сокращая их часовые хозяйственные отчеты, выступать на некоторых комиссиях вместо советских делегатов, переводить (одному) многочасовые споры «социалистических» делегаций (кому платить и сколько) и, наконец, обеспечивать вместе с

Восемь вопросов профессионалу

Александром Мосьяковым собственно синхронный перевод в составе международной команды синхронистов, которые ревниво следили за нашим переводом. Что касается переводов книг, наибольших трудов потребовал, пожалуй, перевод сравнительно небольшой книги академика Булыко «Глобальная экология».

7. Какой самый поучительный случай?

Все чему-то учило. Хотя сами понятия «поучение», «поучительный» не очень-то нравятся. Но все же главным в этом смысле считаю повседневное общение с моими товарищами по жизни, в том числе зарубежной, по переводу, по спорту.

8. Самый невероятный случай?

Невероятным до сих пор кажется сам факт превращения выпускника инъяза в переводчика высшей категории на французский язык. И еще недавний судебный процесс: переводчики России против чиновников государства. Мы выиграли!

9. Ваши пожелания молодым?

Помните о тех, кто торил вам дорогу.

Личный переводчик Хусейна снова в строю

MIGnews.com 22.10.2005

Знакомое лицо – большая редкость в недавно установленном политическом руководстве Ирака, но по крайней мере один участник недавних дебатов по проекту новой конституции был узнан зрителями всей страны.

Садун аз-Зубейди, некогда официальный переводчик Саддама Хусейна, часто мелькавший на телевизионных экранах во время встреч диктатора с иностранными сановниками, вновь возник из «небытия» после падения режима Саддама, опровергая слухи о его казни, бегстве из страны или переходе на службу к американцам.

Спустя почти 2,5 года после американского военного вторжения в Ирак аккуратный и учтивый дипломат, который считался одним из ведущих аналитиков внешней политики Ирака, теперь выступает посредником суннитов в переговорах по проекту новой конституции страны.

Хотя его нынешняя работа в качестве одного из законодателей-суннитов сводит его с американскими дипломатами в Багдаде, он остается непримиримым противником политики администрации Буша в Ираке и на Ближнем Востоке.

«Мы оккупированы великой державой, которая заботится совсем не об Ираке, а только о своих собственных интересах, – заявил он. – Никто в Ираке не испытывает идеологической гордости от того, что Америка пытается сделать здесь хорошего».

По словам аз-Зубейди, у него нет никаких конкретных планов на будущее, но он надеется остаться в дипломатическом корпусе или в университете. «Я – государственное животное и не могу работать на частный сектор», – признается 57-летний дипломат.

Аз-Зубейди также признался, что в настоящее время он работает над мемуарами, в которых большое место отводится встречам с Хусейном.

Some Notes on Translating Arseny Tarkovsky's "Field Hospital"

Филип Метрес

Despite its pitfalls and limits, translation has always been a necessary, vital, and sometimes transcendent *literary* activity. Just as when we gaze at photographic reproductions of classic paintings (*pace* Walter Benjamin), we can have an experience of art, so too, when we read a translation, we can have a primordial encounter with a version of "the work." We may miss the thickly applied gobs of paint of a Van Gogh, or the sullen glooms of Rembrandts, but we catch much of what's happening, we have an experience, we don't miss all its meaning. But too much talk of translation is about loss. Sometimes a misheard phrase in a song on the radio has saved me from hearing the actual, more disappointing one; sometimes, it's been the beginning of a new song.

In this essay, I'd like to demonstrate, through my translation of Arseny Tarkovsky's "Field Hospital," what I mean by the possibilities of translation as a kind of rebirth. Recently, when asked to discuss my process of translation of a single poem by Sergey Gandlevsky to a class of novice translators, I talked for nearly an hour, and barely scratched past the surface of the thing. Gandlevsky, who happened to be in the room during this exegesis, said that he felt as if he understood his own poem in a new way. There is no doubt that good translators take hard the losses that come with each translation decision, but certainly there are moments when the reverse occurs – when, in the new language, something new is born. Perhaps that is what a good translation can do; just as, when we speak a "foreign language," we need to create another voice, another self to inhabit that voice, a good

translation is another life for the poem. It is not identical to the original poem, but it is that poem if it had to travel overseas, settle among strangers, and get down to the business of communicating oneself, and living.

Now, such instant gratification that Gandlevsky afforded me is not forthcoming in the case of translating Arseny Tarkovsky. But Tarkovsky deserves his due. After all, Tarkovsky has not yet had a full-length collection of poems published in English translation. This seems fundamentally unjust, when new translations of eminently worthy poets such as Mandelstam, Akhmatova, Tsvetaeva, and other contemporaries emerge every decade or so. If only Tarkovsky had been a martyr, then perhaps he would be read in America! My cynicism aside, Tarkovsky's genius – his ability to compose modern lines of classical concision and beauty – makes him even harder to translate, since the effect of this ease attenuates in the sweated-over words of the translator.

Now, onto examining Tarkovsky's "Field Hospital," a stark poem about the poet's near-death experience from a war wound during the Second World War. First, the poem in Russian, and then my translation, stanza by stanza. What I would like to do is demonstrate how, in English, this translation aspires to poetry, and perhaps becomes its own poem, while carrying forth a basically accurate "reproduction" (to return to our visual art metaphor) of Tarkovsky's original. In this reproduction, I have attempted to retain the voice, tone, scene and movement of the piece, while adapting some formal elements to the American-English poetic context.

Полевой госпиталь

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черспами, чёрных
От снежных папок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По пасыпам не пролетали больше
Без фонарей, на серых лапах цара,
И ни вороньих свадоб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе.
Где я лежал в позоре, в наготы,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но двинулся и на оси пошёл
По круту дуги снежнотельного снега,
И шло у меня над головой
Семёрка самолётов развернулась,
И марши, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Гаотая твёрдый, слоюной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и ещё
Меня поили с ложки, и ещё
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошёл, и ранняя весна
На дыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зелёным.

1964

Field Hospital

The table was turned to light. I lay
My head down, like meat on scales,
My soul throbbing by a thread.
And I could see myself from the outside:
Alone, I weighed no more
Than a greasy market weight.

It was

In the opening, Tarkovsky sets the scene of a critically injured person, more meat than man, lying on a "table" (an operating table, or any table where the injured would be placed). Literally, we might read Tarkovsky's opening line as "They turned the table toward the light," but by eliminating the definite article "the," the line bathes the table itself in the light — as if the table itself were being transformed into light. In a poem about someone on the verge of death, the imagery of light and subsequent lines create that frequent image of those who have nearly died — that they can see themselves as if from above, their body more an object than a self, with the entire scene imbued in light. (Of course, there's a third meaning that echoes as well; in English, there is the cliché of "the tables were turned," which means that someone experiences a reversal, they "get a taste of their own medicine.") Further, the enjambment of "I lay/my head down," without a comma, plays two meanings — that he is laying his head down himself, and that he is lying, with his head down; in other words, in the translation, we are not sure whether he is giving up or too helpless to move. Finally, in the third line, I've adapted Tarkovsky's echo (which also exists in English) of the idea of someone's life "hanging by a thread." What I mean to propose here is that a good translation must also open itself to its own ambiguity; however, this ambiguity, this multiplication of possible meanings, does not mean that I condone ambiguousness or complete confusion. Rather, a good translation should be richly possible, should not exhaust itself in a single reading.

Overall, I should also note, Tarkovsky appears to be writing in a generally iambic pentameter line, with some lines going eleven syllables, and without any rhyme. My understanding is that this meter has a long heritage in Russian poetry, from Pushkin to Blok; in English, iambic pentameter without rhyme is

called “blank verse,” which many of the greats employed (Milton, Wordsworth, etc.). However, this poem’s lack of rhyme does more than follow a traditional pattern, it also seems to suggest the muteness of the traumatic situation near death. As a translator, I have not chosen to retain this “blank verse” line because of a profound difference between Russian and English in terms of syllabics; Russian words tend to have far more syllables than English, and thus, a Russian line translated into English will sound bloated if one attempts to retain the exact syllables. Instead, I often opt for the tradition of alliterative and syllabic verse, where one counts stresses, not syllables, and uses other “sound” devices to anchor the poem’s music. I can see now, despite the elasticity of my lines, that I’m leaning toward words that alliterate: “table was turned,” and “throbbing by a thread.”

[It was]

In the middle of the shield of snow,
Pocked in its western side,
In the circle of never-freezing swamps
Of the trees with fractured legs
And of small railway stations,
Their skulls split, their snowy caps
Blackened
Again and again.

In the “second” stanza (actually, strictly speaking, it’s the same stanza, since there is no space break, but he has broken the previous line to create a feeling of shift), Tarkovsky moves outside, toward the source of the light – the sun glinting off the snowy landscape, the Russian land as pocked and wounded and broken as the person inside the makeshift field hospital. I’m not quite sure how the snowy railway stations resemble split skulls, but somehow they do; it’s possible that he’s also showing damaged or bombed buildings. This problem underscores another typical problem of translation from Russian into American English; in general, English tends to require a greater adherence toward a kind of transparent visuality, whereas, in general, in Russian, there is a greater leniency regarding language that is not immediately understandable as visual image. Though both traditions have plenty of examples of abstract, paronymasiac, and surrealist poetry, the default position of English poetry seems to tend to be more visual, more photographic, than Russian. Here, the sound of the poem persists in its iambs

(again, even if the lines don’t add up to ten syllables), with attendant harmonies of alliteration (“split skulls”) and assonance (“fractured” “blackened” and “caps”)

On that day time stopped.

The clocks halted, the souls of trains
Upon the gray flippers of their vapor
No longer flew along the lampless levees. There,
Where no crow weddings, no snow storms,
No thaws broke this limbo,
I lay in disgrace, in nakedness,
In my own blood, outside the gravity
Of the future.

Here in the “third” stanza, Tarkovsky reveals the “limbo” of a timeless present, suggested in the opening, where no future is possible. In the second lines, I’ve tried to adapt an English equivalent for the Russian version of stopped clock: instead of “the clocks didn’t march,” an unusual phrase, I chose “halted,” which somehow retains that military metaphor, for a poem about war. What is particularly effective about Tarkovsky’s lines here is the parataxis, where each addition to the sentence adds a kind of dramatic tension to the overall sense of imminent death. Further, the use of syntactic repetition, as in “in disgrace, in nakedness, / in my own blood,” piles on the misery of the speaker’s situation (note too, that some assonance persists in the translation).

But then the shield of blinding snow
Started to turn on its axis.
And over my head buzzing low
Some seven planes turned back,
And gauze, like tree bark, grew
Hard on my body, and someone else’s
Blood was pouring into my veins,
And I breathed like a fish on sand,
Swallowing the hard micaceous air,
Cold, earthly, and blessed.

Here, indeed, is the actual end to this jagged four-piece stanza. Finally, the earth moves, and with that movement, the landscape itself starts to come alive. The conflation of the outer world with the inner world (rather than the reverse, as demonstrated by an American poet like Robert Lowell in “Skunk Hour”) – in other words, the Russian army’s gradual pushing back the front – seems to effect a change, or at least come simultaneous to, the poet’s own staunch bleeding. The axis, the planes, and suddenly the

chest itself all move (as if it were once totally still). The poet's body, like a tree, is soaked in hardened gauze. At this moment in the poem, I've opted to add rhyme and slant rhyme (snow/low/grew), and enjamb the line "on my body, and someone else's" to reassert that effect of transformation, of the poet's sense of his body as other, as "someone else's." Tarkovsky's genius seems to reveal itself in this word "micaceous," which gives one the sense of the glittering materiality of snow, like diamonds hovering in the air.

Now, the concluding stanza pushes forth the energy of parataxis, a parataxis of childlike delight (the profusion of "ands" and "alsos" — as if the story of his life were now able to move forward):

My lips were covered with sores, and also
I was fed from the spoon, and also
I could not remember my name,
But the words of King David came
Alive on my tongue.

And it was then
Even the snow went away, and early spring
Rising on tiptoes covered the trees
With a scarf of green.

Here, Tarkovsky evokes a childlike wonder at survival, his being reborn, through both parataxis and the image of being spoonfed and not

remembering one's name. As if by magic, this return to language — not his own, but Biblical language of King David's psalms — brings an end to the winter of dying, and ushers in early spring. It is as if, like Job (notice again how the poet's lips "were covered with sores"), the poet gets another chance to live, despite the devastation that he's suffered. As a final touch, my translation brings back a bit of rhyme (name/came) and near rhyme (trees/green), to evoke again that sense of miraculous transformation, of rebirth, of resurrection, that the poem dramatizes.

Part of translation is a scientific search for analogues and likenesses, through the mazes of dictionaries (both living and bound) and thesauri. But part of translation is beyond explanation; in the writing of this essay, I've found myself engaging in explication (this is what I think the poem means), theorization and self-justification (now why did I do that?!), and even some slight dabbling revisions (pace Bonnard). However, all is in vain if the English-only reader picks up the poem and doesn't have an encounter with the real. What Tarkovsky's poem dramatizes is what every translator needs to remember, in Bob Dylan's words, "That he not busy being born/Is busy dying."

О руссификациях в юридическом переводе и не только

Т. П. Некрасова

Спросите любого англичанина или американца, не соприкасавшегося с российской действительностью, что такое *charter capital*, и ни тот, ни другой на этот вопрос вам с ходу не ответит. Немного подумав, они, конечно, догадываются, о чем идет речь, хотя у них понятие, которое «зашифровано» в этом чисто русском изобретении (имеется в виду уставный капитал) называется иначе.

Общепринятыми английскими аналогами этого термина являются *authorised capital* и *nominal share capital*. Но именно *charter capital*

укоренился в российской переводческой практике настолько прочно, что уже давно воспринимается многими как юридический термин, не вызывающий никаких сомнений в законности своего существования. Практика показывает, что масса российских компаний, учредительные документы которых имеют перевод на английский язык, называют свои уставы *charter (charter capital, соответственно, — производное от charter)*. Вполне возможно, что этот вариант перевода был предложен первопроходцами в области делового перевода в

конце 80-х - начале 90-х годов, на заре рыночных отношений, когда опыта бизнес-перевода было еще мало, а темп жизни уже начал стремительно ускоряться, не позволяя долго размышлять, в том числе и над переводческими решениями. Имея, вероятно, два-три дня на перевод 50-страничного устава, они взяли первый попавшийся им вариант и спешно внедрили его в жизнь. Дальше перевод растиражировали, и новоиспеченный термин, вклинившись с их легкой руки в английский язык, пустил там корни и зажил, что называется, своей жизнью. Любопытно, что Русско-английский юридический словарь 2001 года издания под редакцией Уильяма Батлера, профессора сравнительного правоведения Лондонского университета, предлагает единственный вариант перевода термина *уставный капитал*, а именно *charter capital*.

Charter, конечно, может переводиться как *устав*. И Устав ООН — действительно *Charter of the UNO*. *Charters* имеют и другие международные организации. Учредительные документы Организации африканского единства и Организации американских государств называются *Charter of the Organisation of African Unity* и *Charter of the Organisation of American States* соответственно. Устав какого-либо административно-территориального образования тоже может быть *Charter*. Например, Устав Московской области, вполне корректно перевести как *Charter of the Moscow Region*. Но устав компании — это, как правило, *articles of association/incorporation* или *bylaws*.

Чтобы это утверждение не звучало гололовно, сошлемся на такое авторитетное издание, как *Black's Law Dictionary, Sixth Edition, 1990*, в котором содержится прямое указание на отличие *articles of association* от *charter*: "*Articles of association are to be distinguished from a charter, in that the latter is a grant of power from the sovereign or the legislature*". *Barron's Dictionary of Legal Terms* также определяет *charter* как "*document issued by the government establishing a corporate entity*".

Справедливости ради стоит оговориться, что утверждения эти верны скорее для Англии. Для США они верны лишь отчасти, поскольку в разных штатах учредительные документы компаний называются по-разному и *articles of incorporation* в некоторых штатах

могут именоваться *charter* (часто в сочетании со словом *corporate*). *Law.com Dictionary* определяет *charter* как "*the name for articles of incorporation in some states, as in a corporate charter*". Признает это и *Black's*, определяя именно *corporate charter* как "*document issued by state agency or authority (commonly Secretary of State) granting corporation legal existence and right to function as a corporation; or may mean document filed with Secretary of State on incorporation of a business; e.g., articles of incorporation*".

Поскольку речь зашла об учредительных документах, скажем о них еще несколько слов, немного отступив от темы руссификации.

Articles of association имеют в основном английские компании или компании, созданные в странах, законодательство которых базируется на английском праве, например, на Кипре. С учредительными документами американских компаний ситуация обстоит несколько иначе, и мы коснемся этого чуть ниже.

По российскому законодательству в состав учредительных документов компании, в зависимости от выбранной организационно-правовой формы, может входить учредительный договор. Его традиционно переводят как *foundation agreement*. Можно использовать и такие варианты, как *founding agreement* или *founders' agreement*, тем более что *foundation agreement* нередко встречается на англоязычных Интернет-сайтах как документ, на основании которого создается какой-то фонд (*foundation*).

Если же говорить о практике оформления учредительных документов западными компаниями, то помимо *articles of association* английские компании имеют *memorandum of association*, что является приблизительным аналогом нашего учредительного договора. *Memorandum of association* вполне допустимо перевести и как меморандум об учреждении компании, а вот меморандум об ассоциации будет уже языковой калькой, свидетельствующей об элементарной небрежности переводчика или просто о нежелании обременять себя поиском более подходящего варианта. Что касается американских компаний, то они, как правило, имеют *articles of incorporation* и могут иметь, а могут и не иметь такого документа, как *bylaws*. Обратившись в очередной (и не последний) раз к *Black's Law*

Dictionary, читаем: “*Most state corporation statutes contemplate that every corporation will adopt bylaws*”. В зависимости от этого будут переводиться и *articles of incorporation*. Если *bylaws* есть, тогда *articles of incorporation* можно перевести как учредительный договор. Если *bylaws* нет, то *articles of incorporation* могут, что называется, «сыграть роль» устава, хотя по объему (обычно это две-три страницы) этот документ, формально, на устав “не тянет”. Если говорить о содержании *articles of incorporation*, то, как указывает все тот же Black’s Law Dictionary, *articles of incorporation include corporation’s name, period of existence, purpose and power, authorised number of shares, classes of stock, and other conditions of operation*). Такие сведения могут включаться как в устав, так и в учредительный договор, что на законных основаниях позволяет при необходимости переводить *articles of incorporation* по-разному¹. А вот *bylaws*, которые, как пишет Black’s, *define the rights and obligations of various officers, persons or groups within the corporate structure and provide rules for routine matters such as calling meetings and the like*, это уже устав, что называется, at its purest.

Взятые вместе учредительные документы можно перевести как *constituent documents* (британский вариант) или *foundation/formation documents* (американский вариант). Есть еще один вариант – *instruments of incorporation*, но этот термин употребляется не столь часто, а если и употребляется, то скорее прозвучит в устах юриста, нежели его клиента, хотя и клиенту будет вполне понятен.

Говоря о документах, коснемся еще одного тонкого различительного момента, который может представлять определенные трудности в переводе.

Итак, правоустанавливающие и правоудостоверяющие документы. Есть ли между ними разница? На первый взгляд, прилагательные синонимичны и взаимозаменяемы. Но это только на первый, и, как оказывается,

¹ Например, когда нужно представить строго определенный набор документов иностранного юридического лица, скажем, в российские налоговые органы, у которых свои представления о том, какие документы должны быть у зарубежной компании, желаемой у них зарегистрироваться, и представления эти не всегда совпадают с тем, что предусмотрено правом страны происхождения компании.

поверхностный взгляд, простительный любому, кто не является юристом и...юридическим переводчиком. С юридической точки зрения это абсолютно разные понятия. Правоустанавливающие документы – это те, на основании которых возникает какое-либо право, а правоудостоверяющие – это те, которые всего лишь свидетельствуют о наличии права или подтверждают его наличие. Для наглядности приведем ситуацию купли-продажи, например, квартиры. Правоустанавливающим документом будет являться договор купли-продажи, а правоудостоверяющим – свидетельство о государственной регистрации права собственности. Если поглубже проанализировать эти прилагательные с точки зрения языка, выяснится, что они и лингвистически не совсем синонимы, поскольку устанавливать и удостоверить – действия все-таки разные. В этой связи не совсем корректно переводить правоустанавливающие документы как documents confirming / evidencing the right to...or title to (если имеется в виду право собственности) Это скорее подходит для перевода *правоудостоверяющих документов*, а для перевода *правоустанавливающих документов* можно предложить такой вариант, как *title documents*, но подойдет он только для тех случаев, когда имеется в виду право собственности, поскольку *title* – это *formal right of ownership* (определение из любимого мной Black’s Law Dictionary, который за годы работы в юридическом бизнесе стал для меня настольной книгой). У такого терминологического словосочетания как *title deed* еще более узкие границы применимости. Использовать его можно лишь в тех случаях, когда речь идет о передаче права собственности, т.е. правоустанавливающий документ можно перевести как *title deed*, если в соответствии с данным документом одно лицо передает свое право собственности на какое-либо имущество другому лицу. Помимо права собственности существует еще немало других прав – право аренды, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования и т.д. В таких случаях можно воспользоваться более широким термином *entitling documents* или дать описательный перевод *documents establishing the right to...*. Кстати, такой вариант, как *right-establishing documents*, –

чистая калька с русского (вот мы и возвращаемся к теме руссизмов), а поиск в Интернете на *right-evidencing documents* дал всего две ссылки на австралийское земельное законодательство 60-х годов.

В западной юридической практике встречается такое словосочетание, как *enabling documents*, в роли которых могут выступать и учредительные документы, и контракты, и доверенности, и разные другие документы. Я не уверена, существует ли столь же тонкая терминологическая разница, между правоустанавливающими и правоудостоверяющими документами в англоязычном праве, но для перевода *правоустанавливающих документов* в определенных ситуациях *enabling documents* вполне может использоваться. Говоря о правах, хотелось бы отметить еще один момент. Параллельно с проникновением руссизмов в английские переводы да и в сам английский язык, как в случае с *charter capital*, идет и гораздо более активно, процесс проникновения англицизмов в нашу речь и в наш язык. К этому явлению можно относиться по-разному, но важно помнить то, что, проникая в русский язык, иностранные заимствования порой приобретают в нем те значения, которых у них не было в родном языке, и при обратном переводе с русского на английский может возникнуть много путаницы. Например, слово *title* часто не переводят, а говорят *титул*, *проверка чистоты титула*, *порок титула* и т.д. В российском юридическом обиходе термин *титул* подразумевает любое право на что-либо, не обязательно право собственности (в отличие от английского *title*, означающего исключительно право собственности).

В Комментарий к Земельному кодексу РФ читаем: «Согласно п.5 комментируемой статьи граждане, имеющие земельные участки на титуле постоянного (бессрочного) пользования, имеют право приобрести их в собственность.» При переводе слово *title* здесь будет совершенно не уместно, поскольку имеется в виду *right of permanent (termless) use*. Этот вид права иногда еще переводят как

² Данный перевод (грамматически абсолютно корректный) не всегда может быть понятен носителю языка просто в силу специфичности российских правовых реалий, особенно в области земельных отношений, и может потребовать дополнительных пояснений.

perpetual (indefinite) use, хотя лично мне больше нравится первый вариант². Можно вообще отказаться от слова *right*, воспользовавшись выражением *to have something in use*.

Еще один прямо-таки бьющий в глаза руссизм — это перевод выражения *в лице .. (Компания ABC в лице Исполнительного Директора г-на Джона Брауна)* как *in the person of*. Сколько ни приходилось видеть договоров, переведенных нашими переводчиками с русского на английский, в подавляющем большинстве случаев *в лице* переводится как *in the person of*, что в корне неправильно и режет английское ухо еще сильнее, чем просто не всегда понятное *charter capital*.

Настоящий Договор заключен между компанией Ltd. в лице Исполнительного директора г-на N., действующего на основании Устава, и компанией Inc. в лице Торгового агента г-на A., действующего на основании доверенности от ...

Предлагаемый перевод:

This Contract is made (or entered into) by and between ... Ltd. represented by its Executive Director Mr. N., acting in accordance with the Articles of Association, and ... Inc. represented by its Sales Agent Mr. A, acting pursuant to a power of attorney dated...

В американском английском это предложение будет звучать несколько иначе (из-за разницы в названиях документов и в языковых оборотах, традиционно используемых в определенных языковых ситуациях):

This Contract is made (or entered into) by and between ... Ltd. acting through its Executive Director Mr. N, in accordance with the By-laws and ... Inc. acting through its Sales Agent Mr. A. holding a power of attorney dated...

Вариативность допускается в переводе выражения действовать на основании, что может быть и *pursuant to*, и *by virtue of*, и *in accordance with*, и *under*, может быть даже просто *on the basis of* - это вопрос вкусовых предпочтений (либо самого переводчика, либо его заказчика), но в подобных контекстах в лице следует переводить либо как *represented by* (британский вариант) либо *acting through* (американский вариант).

В переводах договоров встречается еще один руссизм, являющийся грубейшей ошибкой, которая может вызвать любую реакцию читающего носителя языка, от сочувственной ухмылки до истерического хохота.

Это перевод одной из сторон договора оказания услуг, именуемой «исполнитель», как *executor* или, что еще хуже, как *executorer* или, что в общем тоже никуда не годится, как *performer* (если только речь не идет об услугах лица творческой профессии, и то не любой). Несмотря на то что у глагола *execute* действительно есть значение *исполнять*, основные значения двух первых существительных, образованных от той же основы — *душеприказчик и палач*. Что касается слова *performer*, то глагол, от которого оно образовано, тоже имеет значение *исполнять*, и *исполнять обязательства или договор* можно перевести как *to perform obligations or a contract*, но вот образовывать *исполнителя обязательств или договора* путем прибавления к глагольной основе суффикса со значением деятеля нельзя: ассоциации слово *performer* вызывает не юридические, а эстрадно-театральные. Марлен Дитрих была a great performer, а *исполнитель по договору* будет либо *service provider* (если речь идет об оказании услуг) либо самый обыкновенный *contractor*. *Исполнителя* еще можно перевести и как *supplier* (например в *secondment agreements* — соглашениях о предоставлении персонала). Отсюда логически следует, что при обратном переводе *contractor* и *supplier* с английского на русский можно не ограничиваться традиционными переводами, а в зависимости от типа переводимого договора выбирать *подрядчика* для строительных контрактов, *поставщика* для договоров поставки и *исполнителя* для договоров оказания услуг самого разного характера. Кстати, договор оказания услуг — *contract for the provision of services* или просто *services contract* для краткости. Здесь с переводом сложностей не возникает. Сложности возникают тогда, когда нужно перевести *договор возмездного оказания услуг*. Если в силу соображений юридического характера необходимо передать идею возмездности, то просто *services agreement* не подходит, как не подходит и более развернутый вариант — вышеупомянутый *contract for the provision of services*. Возмездные услуги вполне корректно перевести как *compensated services* или *fee-based services*, но в названии договора *provision of compensated services* будет выглядеть тяжело и несколько громоздко, а *compensated provision of services* — и вовсе калька с русского.

В западной практике подобные договоры называются *contracts for the purchase of services*. При переводе же такого договора с английского на русский можно и даже лучше воспользоваться нашим аналогом — договор возмездного оказания услуг (ни договор покупки услуг, ни договор о покупке услуг, ни договор о приобретении услуг по-русски «не звучат».)

Возвращаясь к теме руссизмов, выделим несколько излюбленных речевых оборотов авторов юридических текстов, которые таит в себе опасность быть переведенными с большими стилистическими погрешностями, а то и просто ошибочно. Одним из них является *найти отражение в* (например, в законе). Самый примитивный вариант перевода — *to find its reflection in*. Звучит тяжело, с сильным русским акцентом, и сразу «выдаст» переводной текст. Если не хочется отказываться от образности данного глагольного выражения, можно сохранить при переводе глагол *to find*, но использовать его в сочетании с другим существительным — *to find its way (into the legislation)* — что будет очень даже по-английски. Если хочется сохранить идею отражения, можно, отказавшись от глагола *to find*, сказать *to be reflected in the law*. В качестве хорошего канонического варианта можно предложить *to be translated into law*. Самыми нейтральными переводческими решениями в данном случае будут *to be fixed/provided for in the law* или *to be prescribed legislatively*. Эти же варианты, несколько модифицированные, послужат хорошей службой и при переводе такого словосочетания, как *закрепить что-либо в законе*.

Приведем один пример:

Если выраженное президентом РФ намерение ввести 3-летний срок исковой давности для сделок, связанных с приватизацией (вместо действующего сейчас 10-летнего), найдет отражение в законе, это будет позитивный знак не только для предпринимателей уже вложивших средства в инвестиционные проекты, но и для тех, кто еще размышляет.

If the intention expressed by the Russian President of introducing a 3-year statute of limitations for privatisation transactions (instead of the current 10-year period) is translated into law, it will be a welcome development not only for businessmen who have already put their money into investment projects but also for those who are still considering this possibility.

Одним из наиболее часто встречающихся в юридических текстах прилагательных является соответствующий. Первый англоязычный аналог, который приходит на память, это, конечно, *corresponding*, но вписывается он далеко не во всякий контекст. Для адекватного перевода нужно перебрать всю цепочку английских аналогов, а включает она и *relevant*, и *appropriate*, и *suitable*, и *respective*. Иногда очень выручает слово *particular*, иногда весьма кстати оказывается *applicable*. Иногда по смыслу требуется *required*, иногда соответствующий означает *competent*. Случается, что при переводе на английский слово соответствующий можно вообще без особого ущерба для смысла всей фразы опустить.

Приведем несколько примеров:

Для получения лицензии соискатель лицензии представляет в лицензирующий орган соответствующие документы.

In order to obtain a licence, the applicant submits the required documents to the licensing authority.

обратиться в соответствующий орган – to address the competent authority

согласно соответствующим нормам кодекса – according to the applicable provisions of the code

А вот примеры безболезненного опущения слова «соответствующий»:

Чтобы воспользоваться налоговой льготой, необходимо подать соответствующее заявление в налоговую инспекцию.

In order to use the tax allowance, an application must be filed with the tax office.

Все платежи осуществляются Арендатором в рублях по курсу, установленному ЦБ РФ на соответствующую дату платежа.

All payments shall be made by the Tenant in roubles at the RF Central Bank exchange rate in effect on the day of payment.

В юридическом переводе достаточно часто приходится иметь дело с выражением риска, связанные с... Не будет ошибкой сказать *risks connected with...*, но лучше звучит *risks associated with...* или *arising from...*. Красным идиоматичным вариантом является *risks stemming from...*. Если в рамках одного и того же правового заключения рассматривается множество рисков, можно в целях избежания монотонности использовать такой оборот, как *risks inherent in...*

Как ни странно, но иноязычные слова, давно вошедшие в русский язык, тоже могут провоцировать руссизмы в переводе. Например, слово *реквизиты* (в конце договора обычно указываются адреса и банковские реквизиты сторон) очень часто переводят близким по звучанию английским словом, что совершенно неправильно. Правильно будет использовать традиционный для таких случаев английский оборот *addresses and bank details of the parties*.

Руссизмами переводы на английский грешат еще и в силу разницы в употреблении предлогов в двух языках: там, где мы используем один предлог, они используют другой, а там, где в русском языке обязательно нужен предлог, в английском может использоваться беспредложная конструкция.

Одним из наиболее, на мой взгляд, ярких примеров служит выражение *приобрести что-либо в собственность*. При переводе родной язык прямо подталкивает к использованию аналогичной модели в английском языке, в то время как в английском словарном аналоге этого выражения будет *to acquire ownership of something*. Еще один весьма наглядный пример: *предоставить что-либо в пользование* – *to allow use of sth or to provide sth for use*.

Огромное количество ошибок провоцирует и разница в предлогах, которые используются в русском и в английском со словом *требования*. По-русски *требования к* по-английски – *requirements for* или в определенных случаях *on*:

требования к организации производства биологически активных добавок к пище – *requirements for the production of biologically active food additives*

требования, предъявляемые к организациям-импортерам – *requirements imposed on importers*.

Конечно, при переводе на английский в некоторых ситуациях родной язык неизбежно мешает, но выскользнуть из-под его влияния все-таки можно, настроившись на волну другого языка с его лексическим богатством, его грамматическим строем, его образностью и традициями.

Семь заблуждений относительно заимствований

(Окончание)

В.К. Ланчиков

4. Чья деревня глобальнее

В спорах о языковых заимствованиях почти неизбежно звучит слово «глобализация». **«Чего вы хотите? Глобализация!»** Одни произносят это с торжествующей улыбкой, другие — таким тоном, каким в старинных мелодрамах врач у постели больного объявлял: «Медицина бессильна!».

Не стану касаться глобализации экономики — об этом пусть рассуждают экономисты. Но что до языка, культуры, тут я всё же осмелюсь высказать некоторые соображения.

Прежде всего, следует вспомнить, что корень слова «глобализация» тот же, что у латинского *“globus”*, «шар» — имеется в виду, разумеется, Земной шар. Естественно предположить, что речь идёт о процессе, к которому в равной или почти в равной степени причастны все страны мира или хотя бы их большинство.

Что ж, предположим — и обратимся к фактам.

Журналист объясняет: «Слово “интерактивный” — это от английского “interactive”». Даже самый снисходительный слушатель едва ли сочтёт эту справку *объяснением*. Казалось бы, упоминание латинских морфологических составляемых слова — *“inter”* и *“activ(us)”* — поможет лучше раскрыть суть явления. Но кому нужна какая-то замшелая латынь? И журналист хватается не за то, что лучше объясняет, а за то, что ближе лежит.

Ещё пример такого близкохватства. Некий политолог на упрёк радиослушателя, что

и сам он и другие гости программы злоупотребляют словами вроде «омбудсмен», оправдывается: «Мы говорим “омбудсмен”, чтобы подчеркнуть свою европейскость».

“Ombudsman” («парламентский уполномоченный, чиновник, назначенный парламентом, чтобы служить посредником между гражданами и официальными властями; уполномоченный по правам человека»¹) — слово шведское. Этот пост существует в Швеции с 1809 года. Британский парламент ввёл его в 1967 году. Однако в произношении и написании этого слова отечественные заимствователи пошли не за шведским языком («омбудсман»), а за английским («омбудсмен»). Если вспомнить, что и Швеция — страна, некоторым образом, европейская, доводы поборников «европейскости», по-европейски выражаясь, «не держат воды» (*do not hold water*).

К культуре стран Азии нас тоже стали приобщать при посредстве английского языка. В нашем журнале уже шла речь о том, как система транскрипции японских слогов на кириллицу, разработанная в своё время выдающимся лингвистом Е.Д. Поливановым, постепенно оттесняется передачей звуковой и графической формы этих слов в соответствии с «хэпберновским стандартом» — транскрипцией на латиницу, предложенной американским миссионером Дж. Хэпберном² («Тоши-

¹ Б. Локетт, «Английский язык: вчера, сегодня и завтра» — М.: «Русский язык — Медиа», 2003, стр. 374.

² В. Смоленский, «Суши или суси? Ответь шенявчанцам» — «Мосты», № 2, 2004.

ба» вместо «Тосиба», «Фуджи» вместо «Фудзи», «тамагочи» вместо «тамагоги»). Кто-то действует так по невежеству, кто-то — из высоких идейных побуждений («СИ говорят только посольские и кэзгбешники» — позиция, описанная в предыдущем разделе настоящей статьи), кто-то — по привычке к этому самому близкохвату.

Даже отечественная реальность, как мы уже видели, описывается при помощи англоязычных заимствований едва ли не чаще, чем инокультурная. Английскими же словами заменяются слова, пришедшие в русский из других языков («омар»-«лобстер», «девиз», «лозунг»-«слоган», «экран»-«дисплей» и т.п.). Если на минуту отвлечься от заимствований, вводимых в русский язык путём транскрипции, можно упомянуть отечественных экранизаторов пьесы Горького «Дачники», выказавших недюжинную продвинутость: они назвали свой фильм «Летние люди», то есть буквально перевели название, под которым эта пьеса известна в англоязычных странах ("Summer People"). Не первый случай, когда кто-то прикрывает чужой оригинальностью безнадежное отсутствие своей собственной.

Особо усердные переносители подхватывают даже заблуждения, отразившиеся в английском языке. Так происходит со словом «шизофрения» (в его переносном, психологическом значении) и его производными. Характерные случаи:

Я уверен, что в скором времени эта свобода самовыражения будет тихо свернута. Раздвоение в головах избирателей будет носить временный характер, на следующих выборах Кремль не допустит никакой право-левой шизофрении.

В кастовом чувстве, чувстве избранности всегда есть элементы раздвоения личности, т.е. шизофрении (...). В истории России во времена Петра начинается период, который вполне можно образно назвать шизофреническим. Произошло «раздвоение» Ивана на Иоганна и Ваньку.

Психиатрам, которых, вероятно, озадачит новаторское отождествление шизофрении и раздвоения личности, могу объяснить, что эта ошибка — следствие переосмысления злополучного слова по образцу английского "schizophrenia", действительно употребляющегося в широком (непрофессиональном)

обиходе в значении «раздвоенность, двойственность, внутренний разлад, противоречивость», например:

All his [PWhite's] best writing has a pioneer's sense of endurance that appears in much of modern Australian fiction and an ominous feeling that is very European. This impression of two conflicting cultures made him often seem the most schizophrenic of writers and it was both his triumph and limitation. (*The Guardian*, Oct. 1, 1990)

Those who look back with nostalgia at the gritty impenetrability of the Soviet era may regret some of the changes of the past decade, but there's no doubt that Moscow is buzzing. Crisis or no crisis, the clubs, restaurants and bars are packed (and not just with tourists). One sign of this peculiar social schizophrenia is that retired doctors beg outside popular watering-holes while the capital's gilded youth pursues its hedonistic search for pleasure inside. (*The Independent*, Nov. 6, 1999)

Английские и американские психиатры и журналисты нет-нет да и попытаются разъяснить, что это отождествление необоснованно:

After reading yet another reference in a newspaper to schizophrenia in the context of foreign relations (...), I feel as a mental health professional that there is a need to clarify this term. Schizophrenia is a mental disorder characterized by disorganized thought or speech, psychotic processes and auditory hallucinations. Although derived from the Greek word meaning "split mind", schizophrenia is now defined as an entirely different disorder from "split personality", which is now known as dissociated identity disorder.

Countries' relations with one another may be contradictory, paradoxical or inconsistent, but they are not schizophrenic. Offhanded references to schizophrenia are disrespectful to those who suffer from this disorder. (*The International Herald Tribune*, March 28, 1997)

Русский язык до недавних пор этой ошибки избегал. Но кто устоит перед соблазном наступить на грабли, если это грабли импортного производства?

Итак, древность, современность, Европа, Азия, Россия — всё представлено в сознании российского обывателя одним языком: английским. Выходит, что под звучным словом «глобализация» в случае языка и культуры скрывается нечто иное, чем взаимное сближение народов. Между прочим, когда этого слова ещё и в помине не было, Махатма Ганди говорил: «Я хочу, чтобы в мой дом ворвался

А как это по-русски?

культуры всех народов. Но я против того, чтобы хоть одна из них сбила меня с ног».

Можно возразить, что слово «глобализация» применяется не к собственно языковому процессу, а к его причинам: при взаимном сближении экономических и политических систем английский просто выступает как удобный язык-посредник. Действительно, есть все основания говорить о выдвигании английского в число мировых языков — языков глобального использования, к каким в Средние века относилась латынь, а в XVIII веке французский (хотя ни о какой «глобализации» тогда и речи не было). Но так уж повелось, что представители *одной* нации между собой обычно общаются не на международном языке (если он не превратился в своего рода социальный диалект), а на своём национальном. Конечно, при условии, что они им в полном смысле слова владеют, относятся к нему творчески и не без уважения.

5. Полотёр как агент влияния

Сказанное побуждает кое-кого бить тревогу по поводу **англо-американской** то ли культурной агрессии, то ли культурной экспансии. Мне кажется, это не более разумно, чем, забыв перед отпуском выключить дома свет, обвинять компанию, пришедшую счёт на астрономическую сумму, в намерении вас разорить. Какая, спрашивается, иракция могла заставить учителей переименовывать школьные сочинения в «эссе» (тем самым приравняв их к известному публицистическому жанру), а секретарей в штаб-квартирах компаний «писать минуты» (“write minutes”) вместо того, чтобы «вести протоколы»? Как отмечает М. Берди, что-то не слышно, чтобы руководству российских телекомпаний звонили из посольств США или Великобритании с требованием вставлять в передачи слова вроде «экзит-пол» или «хит сезона»³.

Но если бы «враги» и задались такой целью, слишком надрываться им бы не пришлось.

Рассказывает генеральный директор крупной компании:

³ M. Berdy, “Repelling the English Invasion” — “The Moscow Times”, Nov. 20, 2004

Когда мы начинали нашу первую рекламную кампанию, то довольно долго обсуждали, какие слова поставить в её основу. Нашей задачей было привлечь в наш торговый комплекс покупателей среднего класса и объяснить им, что Mega — это центр досуга и развлечений для всей семьи. Мы пришли к выводу, что словосочетание «совершать покупки» для россиянина связано с чем-то утомительным и долгим. А вот короткое слово «шopping», которое в принципе означает то же самое, ассоциируется у них с приятным и увлекательным процессом приобретения новых товаров. Это слово мы и решили использовать. В конечном итоге нашим слоганом стала фраза «Шopping для всей семьи». И покупателям это понравилось.

И понравилось, разумеется, без всякого давления со стороны Госдепартамента США.

Лет двадцать назад таким же образом вошло в русский язык слово «секондхэнд». Не то чтобы переводчики не нашли русского соответствия английскому “second-hand” — для них передача этого слова трудности никогда не составляла:

The king was warm and comfortable, now, for he had cast his rags and clothed himself in the second-hand suit which Hendon had bought on London Bridge. (M. Twain, “The Prince and the Pauper”)

Королю теперь было тепло и удобно, потому что он сбросил свои лохмотья и оделся в поношенное платье, купленное Гендоном на Лондонском мосту. (Пер. Н.К. Чуковского)

He wore second-hand kid gloves, in good repair. (M. Twain, “The Innocents Abroad”)

Его старенькие лайковые перчатки были вполне приличны. (Пер. И.Н. Гуровой)

There was a blue pongee suit in a window that she knew — by saving twenty cents a week instead of ten, in — let’s see — Oh, it would run into years! But there was a second-hand store in Seventh Avenue where — (O. Henry, “An Unfinished Story”)

В окне одного магазина она видела голубое платье из китайского шёлка. Если откладывать каждую неделю не по десять, а по двадцать центов... постойте, постойте... нет, на это уйдёт несколько лет. Но на Седьмой авеню есть магазин подержанных вещей, и там... (Пер. под ред. М.Ф. Лорие)⁴

⁴ Рискуя смутить покой легковерных любителей замечательной, приеду всё же примечание переводчицы романа Л.Н. Толстого «Воскресение» Луизы Мод к сочетанию “Talkooshy market” — так она передала русское «толкунный рынок»: “literally, jostling market, where second-hand clothes and all sorts of cheap goods are sold”.

Но с такими, пусть и точными, вариантами перевода много не наторгусь. И безвестные рекламных дел мастера — без всякой подсказки дяди Сэма и Джона Булля — пустили в ход почти тот же приём, к которому прибег в начале XX века простодушный кимрский полотёр, украсивший свой «офис» вывеской: «Ле полотёр. Дер полотёр. Здесь живёт полотёр».⁵

Рекламный фирмит со словами вроде «шоппинг» или «секондхэнд» хорош тем, что сверхъестественной изобретательности не требует. «Леполотёры» по опыту знают, что в сознании их клиентов заимствованное слово по сравнению с его русским синонимом указывает на более высокое качество. «Гостиница» — это просто место временного проживания, «отель» — нечто несказанно пятизвёздочное. (Попробуйте ради любопытства перевести “Sheraton” или “Carlton” как «гостиница “Шератон”» или «гостиница “Карлтон”» и посмотрите на выражение лица заказчика). «Арт-директор», если его назвать «художественным руководителем», обидится насмерть, а за «худрука» может, наверно, и в суд подать (это только английские сокращения вроде “PR,” “DJ”, “email” по-русски не оскорбляют ничьё достоинство)⁶. Как говорит героиня старого советского фильма: «Сервис — это культурное обслуживание».

Кстати о старых советских фильмах. Вот отрывок из некролога, опубликованного после смерти актрисы Марины Ладыниной в газете «Таймс» (15 марта 2003 г.):

During the Forties and early Fifties Ladygina appeared in a string of Soviet blockbusters, including the musical comedy *The Ballad of Siberia*, in which she played a blond soprano pursuing a war-hero pianist who has retreated from Moscow to the solitude of a snowbound hut in the hope of composing his masterpiece.

⁵ Е.И. Иванов, «Меткое московское слово» — М.: «Московский рабочий», 1986, стр. 178.

⁶ К.И. Чуковский ещё в 1914 году писал о сокращениях вроде «к.-д.» (Конституционно-демократическая партия) и «Юротат» (Южно-русское общество торговли аптекарскими товарами) как об «американизации речи». (К.И. Чуковский, «Эго-футуристы и кубо-футуристы» — в: Литературно-художественные альманахи издательства «Шилевник», книга 22 — СПб., 1914, стр. 112).

Упомянутые фильмы действительно соответствуют жанру, обозначаемому в английском языке как “musical”. Их успех действительно позволяет причислить их к категории, которая по-английски называется “blockbusters” (“something that is very successful, especially a film, show or a novel”). Но в России заслужить высокое звание «блокбастера» не так просто: невозможно представить, чтобы какой-нибудь владелец магазина видеопродукции поместил кассеты с фильмами «Сказание о Земле Сибирской», «Кубанские казаки» или «Свинарка и пастух» на полки с надписью «Мюзиклы» и «Блокбастеры». Видимо, эти заимствования в русском языке стали обозначать что-то иное, чем в английском. Это ясно хотя бы из того, что некоторые современные российские фильмы рекламируются как «блокбастеры» ещё до их выхода в прокат, когда говорить об их успехе вроде бы преждевременно.

Когда-то заимствованное слово «публика» быстро поставило на место слово «народ» (и это притом, что латинское “publicum” этот самый народ и означает). Как отмечал В.И. Даль: «У нас публикою зовут общество, кроме черни, простого народа». Отсюда —

Народу было много, именно народу, а не публики. (А.С. Суворин, дневник, 1893)

Горlinkка не пользуется особым значением в понятиях народных (...) но зато в публике нашей пользуется большою известностью. (С.Т. Аксаков, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», 1852)

«Публика, вперёд! Народ, назад!» — так воскликнул многозначительно один хожалый. (К.С. Аксаков, «Опыт синонимов публика-народ», 1857)

Но к приведённым выше доводам в пользу «шоппинга» стоит приглядеться повнимательнее. Сама постановка вопроса основана на весьма расхожей сегодня демагогической уловке. Когда формула: «Свобода там, где есть выбор!» превращается в заезженный до бессмысленности штамп, очень легко добиться от собеседника нужного ответа, поставив его перед надуманным выбором и предложив как альтернативу желаемому варианту что-то заведомо неприемлемое. По рецепту героини другого старого фильма: «Скажи мне, девочка, чего ты хочешь: чтобы тебе оторвали голову или ехать с нами на дачу?».

А как это по-русски?

На выбор предлагаются два варианта: «совершать покупки» или «шоппинг». В каком контексте опрашиваемые должны были оценить оба варианта, генеральный директор не уточняет. Но едва ли при отборе лексики для рекламы слово рассматривалось в высказывании официально-делового стиля — а сочетание «совершать покупки» именно в этой сфере тягостно и вне её выглядит действительно неказисто (кому придёт в голову в обычном разговоре объявить: «Пойду-ка я совершать покупки?»). Для рекламы оно не годилось бы даже в том случае, если бы его заставляли соперничать не с «шоппингом», а с бесхитрым «пойти в магазин»⁷.

Следует также обратить внимание на то, что на выбор в качестве якобы равноправных вариантов предлагаются разные части речи: существительное («шоппинг») и глагольное сочетание («совершать покупки»), и это тоже заставляет усомниться в объективности оценки рекламщиков. Неизвестно, что ответили бы опрашиваемые, если бы их попросили отдать предпочтение одному из грамматически равноправных выражений: «совершать покупки» и «совершать шоппинг».

И наконец, кто сказал, что рекламный девиз вообще должен содержать прямое указание на род занятий рекламодателя? Ведь в рекламном девизе «Маквелл хаус» — “Good to the last drop” — нет слова «кофе», а в рекламе компании «Эссо» — “Put a tiger in your tank” — слова «бензин». (Беру примеры из рекламной классики, не зная которую специалисты, вроде бы, не могут.)

Одно из двух: либо создатели рекламы попросту не умели добиться выразительности средствами русского языка, либо решили не мытьём так катаньём укрепить позиции любимого слова на букву «ш».

Но может быть, теперь уже я предлагаю надуманный выбор: обычно второе «либо» — следствие первого.

А что слово и в самом деле пришлось по вкусу аудитории — очень может быть. Её вкусы

⁷ Из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе К. Гарнетт: “Anna appeared not to notice Vronsky’s worried and inquiring expression, and began a lively account of her morning’s shopping” («Анна как будто не замечала лица Вронского, озабоченного и вопросительного, и весело рассказывала ему, что она купила нынче утром»).

и старания «леполотёров» взаимозависимы: их соотношение подчиняется закономерности, которую описал ещё Дж. Оруэлл в знаменитой статье «Политика и английский язык». Чтобы показать, как расхлябанность речи взаимосвязана с расхлябанностью мысли, Оруэлл привёл такое сравнение. Человек, которому не везёт в жизни, с горя начинает пить. Но, спиваясь, он теряет возможность распоряжаться своей судьбой, отчего дела его идут ещё хуже. Вконец отчаявшийся неудачник уходит в совсем уж глухой запой, и полный крах неминуем.

Списывать эту взаимную раскачку на «пронски врагов» не стоит. В конце концов, кимрскому полотёру взбрело на ум «блеснуть очаровательнее», когда ЦРУ ещё на свете не было.

6. Поборники прогресса перед судом инквизиции

Надо сказать, что высокотехнологичные методы превращения порося в караса (вроде внедрения «секондхэнда» и «шоппинга») отечественные заимствователи не сами придумали, а тоже заимствовали. Долгое время торговые комплексы в США назывались просто “shopping centers”. А поскольку это незамысловатое название не вызывает у американских покупателей того обильного слюноотделения, которое наблюдалось бы у российских при упоминании «шоппинг-центров», в середине 1950-х годов американские коллеги «леполотёров» принялись искать какое-нибудь более лакомое словцо. В конце концов они остановили выбор на слове “mall”.

История этого слова такова. “The Mall” — название улицы в Лондоне, ведущей от Трафальгарской площади к Букингемскому дворцу. Название это происходит от “rall-mall” — игры в шары, которой, как считается, забавлялся на этом месте король Карл II и его придворные (“mall” — сокращенное “mallet,” молоток, использовавшийся в этой игре). Сделавшись нарицательным, слово “mall” приобрело значение «место для прогулок, бульвар». Так, в Вашингтоне “The (National) Mall” — это музейно-парковая территория в центре города. (В словаре «Американа» этот микротопоним передан как «Эспланада». Сам автор её проекта Пьер Ланфан «ориенти-

ровался на планировку Парижа и Версаля и называл своё детище «Большим проспектом» <Grand Avenue>⁸).

Для рекламных целей — лучше не придумашь: хождение по магазинам изображается как этакий променаж для моциона, притом для американских покупателей слово "mall" звучало как намёк на что-то, по выражению Паниковского, «из ранней жизни», по-европейски фасонистое.

Российские коммерсанты-словотворцы, привыкшие перенимать американский опыт, в чём бы он ни состоял, и тут оказались верны себе:

Через четыре дня после презентации «Метро Кэш энд Керри» в городе открылась первая очередь ТРК «Парк Хаус» самарской группы компаний «Время».

Предваряли событие биллборды с надписью «Что такое молл?». Отвечая на этот вопрос, Сергей Гаранин, генеральный директор группы компаний «Время», заявил: слово «молл» подчёркивает разницу между ТЦ ярмарочного типа и объектами, построенными по европейским стандартам.

Если вдуматься, объяснение маловразумительное. Но слово «европейский» несомненно упомянуто всуе: «американский» было бы точнее (не исключено, что эта вольная или невольная подмена — уступка модному сейчас антиамериканизму). Первый крытый торговый комплекс, получивший название "mall", открылся в Миннеаполисе в 1956 году.

А в середине XIX века, чтобы «подчеркнуть разницу между ТЦ ярмарочного типа и объектами, построенными по европейским стандартам», в русский язык было введено слово «пассаж» в новом по тем временам значении — крытый торговый комплекс. И не только торговый: в петербургском Пассаже ещё в начале шестидесятых годов XIX века устраивались концерты, выставки, читались лекции. (Те, кто знаком с произведениями Ф.М. Достоевского не только по школьной программе, наверняка вспомнят его незаконченную сатирическую повесть «Крокодил, или Пассаж в Пассаже».)

Но кто сегодня польстится на «пассаж»? Слово до неприличия обрусело. На «тизер»

не тянет (справка для недостаточно продвинутых: «тизерная реклама» — по любезной подсказке одного издания — «реклама, содержащая интригу»). А без тизера — какие биллборды, какой промоушн?

У «тизеров», таким образом, есть недостаток: они быстро снашиваются («Только утро любви хорошо»). И вот на смену тизеру приходит супертизер, потом гипертизер, потом мегатизер — это всё не считая вставных номеров вроде свротизера. И одно из самых действенных средств в этой игре — заимствования: слова, на вкус аудитории, более престижные. Но мало кто сейчас знает, что у слова «престиж» тот же корень, что у латинского "praestigiae" — «призраки, морок, обман». А ещё — «иллюзионное искусство, ловкость рук».

Импортные «тизеры» широко распространены и в науке, и в искусстве, и в политике. Я обратился именно к рекламе, потому что её производители обычно описывают механику «тизинга» с такой откровенностью, которая полахивает стриптизингом.

В связи с этим вспоминается одно утверждение, часто звучащее в спорах о заимствованной лексике: «**Заимствования обогащают язык**». На первый взгляд — справедливо и невозвратимо. Я, например, очень ценю позаимствованное не так давно слово «креативность»: им удобно обозначать те явления, отнести которые к «творчеству» как-то неловко.

Я не шучу. Семантика каждого из разнообразных синонимов отчётливее всего проявляется при их сопоставлении в одном высказывании: «не глаза, а очи», «не народ, а публика», «не творчество, а креативность». Как у М.И. Цветаевой: «Чувствами Брюсов не жил (в крайнем случае — эмоциями)».

Перевести название пьесы «Дачники» как "Summer People" — для этого требуется *творческий* подход. Назвать экранизацию этой пьесы «Летние люди» — чистейшей воды *«креатив»*.

Если же отличие заимствованного слова от уже имеющегося в русском языке синонима оказывается таким неуловимым, что выразить его можно не иначе, как мимикой и жестом (так одна особа объясняла разницу между *идеей* текста и его «месседжем») или беспомощными ссылками на «европейскость» и «европейские стандарты», стоит задуматься:

⁸ Американка. Англо-русский лингвострановедческий словарь. Смоленск: «Полипрамма», 1996, стр. 563.

А как это по-русски?

а с какой же всё-таки целью заимствовались слово? «Скучали мы, что ли, без него? Приглашали мы его, что ли?» — как орал в Торгсине Коровьев по адресу сиреневого иностранца.

Кто-то, безусловно, приглашал — не само пришло и не «враги подкинули». А вот кто и с какой целью, я и пытаюсь разобраться в предыдущих разделах. И цель эта — явно не забота о родном языке, ясности изложения и точности мысли.

Притом это приглашение часто исходит от людей, чьи представления о родном языке... как бы это поделикатнее... Когда в феврале 2001 года была предпринята тщедушная попытка развернуть кампанию «Народный диктант» и московским журналистам предложили в добровольном порядке похвастаться своими навыками правописания — попросту говоря, написать диктант, — одна центральная газета вынесла на первую полосу аршинный заголовок: «ДИКТАНТУРА. Россия будут спасать русским языком». Горячо отстаивая право человека на безграмотность, редакторы даже изменили своей привычке по всякому поводу сверяться с «опытом цивилизованных стран», а то непременно узнали бы об орфографических олимпиадах (spelling bees), которые устраиваются для американских школьников. Упущен такой случай обогатить русский язык красивым европейским выражением «сепеллинг-биз»?

⁹ Сравните два утверждения. «Ещё в 30-е годы в русе стремлении к упорядоченности русского правописания *возникли первые шаги* <курсу мой — В.Л.> «орфографического режима», который стал продолжением режима XIX в. и развивался параллельно режиму политическому (...) Орфографический фашизм (...) стал причиной настоящего орфографического террора в школе: орфографическая ошибка была возведена «чуть ли не в ранг нравственной категории» (...) <В постсоветскую эпоху> графико-орфографическое однообразие эпохи орфографического догмата сменилось орфографическим плюрализмом» (Е.М. Григорьева, «Три века русской орфографии» — М.: «Элпис», 2004, стр. 224-225, 229) — «Americans have always placed a singular importance on spelling (...) After a period of eclipse the <spelling> bees were revived again in the 1920s as a way of encouraging the civic virtues of literacy among schoolchildren.» (G. Nunberg, «Going Nuclear. Language, Politics, and Culture in Confrontational Times» — N.Y.: Public Affairs, 2004, pp. 260-261.) Кто бы мог подумать, что у страны, считающейся колыбелью демократии, такие «совковые» орфографические замашки.

Видимо, слово «норма» вообще вызывает у релакции панический ужас: год спустя корректор этого издания писала:

Чересчур ревностное служение её (грамматики — В.Л.) букве — удел инквизиторов, в чьих горящих глазах мне чудятся огненные языки аутодафа и разящий молот ведьм.

Этот шиллеровский пафос понадобился для того, чтобы вступиться за выражения «большая половина» и «меньшая половина», гонимые кровожадными служителями «буквы грамматики».

Мне же в этой связи вспомнился не Торквемада, а Дон-Аминадо (псевдоним известного юмориста А.П. Шполянского) — вернее, начало его фельетона 1926 года: «Если принять одесскую систему деления некоего целого на большую половину и меньшую половину...». Именно так. В те годы упоминание о «большой половине» непременно сопровождалось добавлением: «как говорят в Одессе». Сегодня за такие смешочки неслогло прослыть изувером, мракобесом, а то и снобом (а это, говорят, страшнее «изувера»).

Я не стал бы здесь упоминать это издание и его корректоров, которые, страдая участью Джордано Бруно, внедряют одессызмы, если бы его авторы не приправляли свои статьи забористыми заимствованиями и не принимали порой учить читателей, как правильно писать слова «промоуши» (не «промоушен»), «мерчандайзинг» (не «мерчендайзинг») или «фандрайзинг» (не «фондрайзинг») и, помилуй Бог, не «фаундайзинг»). Но как-то не очень веришь наставлениям учителей, которые при одном слове «правописание» зывают народ на баррикады.

Между прочим, «фандрайзинг» — слово в своём роде замечательное. Первая его половина передана путём транскрипции («fund-» — «фанд-»), а вторая — транслитерацией («-raising» — «-райзинг»: транскрипция требовала бы «-рейзинг»). Всякий уважающий себя инквизитор скажет: либо «Дидерот» (как транслитерировалась фамилия французского философа Diderot в XVIII веке), либо «Дидро» (как транскрибируется она сейчас) — но уж никак не «Дидрот». Либо «фундрайзинг» (точнее даже «фундрайсинг»), либо «фандрейзинг», а то вместо этого безвестные благодетели обогатили русский язык мичуринским гибридом.

Обобщая эти наблюдения, позволю себе высказать смелую мысль. Может быть, прежде чем приниматься за обогащение русского языка, нынешние мастера слова дадут себе труд познакомиться с ним поближе? Это ведь ещё вопрос, нужна ли ему их неуклюжая благотворительность.

Хотя — если уж даже корректоры и специалисты по орфографии держатся шариковского принципа: «В настоящее время каждый имеет своё право», надежды на это мало.

7. История с географией

Британские и американские журналисты и культурологи чаще всего высказывают своё мнение о заимствованиях тогда, когда хотят образумить строптивых французов, не столь терпимых к однобокой языковой «глобализации». Набор доводов англоязычной стороны тоже не слишком богат, и было бы странно, если бы перемчивые российские теоретики не подхватили что-нибудь из этого репертуара. Но я лучше буду анализировать не их добросовестное изложение чужих мыслей, а систему доводов первоисточника.

В начале обычно напоминает, что и у английского языка немалую часть словарного запаса составляют именно заимствования из других языков. Как отмечает новозеландский лингвист Рей Харлоу:

English is perhaps the language which has the highest level of "borrowed" vocabulary, at least among the world's major languages.¹⁰

Отсюда нередко делается вывод, что эта покладистость английского языка и есть то преимущество, благодаря которому он вышел в число мировых.

The infectiousness of the language reflects its adaptability and flexibility. In comparison to French or German, English is a permeable language, open to new influences and usages. This is one of its traditional strengths as an international language. (*The Times*, March 24, 1995)

Today, after 1,500 years of promiscuous acquisitiveness, the vocabulary of English is vast (...) Its depth and precision have helped make English the foremost language of science, diplomacy and international business — and the medium of T-shirts

¹⁰ R. Harlow, 'Some Languages Are Not Just Good Enough' — in 'Language Myths,' Lond.: Penguin Books, 1998, p. 52.

from Tijuana to Timbuktu. (*The US News & World Report*, Sept. 25, 1995)

Действительно, за полтора тысячелетия язык населения Британских островов обогатился многими заимствованиями. Набег скандинавов и подчинение Англии власти датского короля пополнили его лексический состав заимствованиями из скандинавских языков. Норманнское завоевание даже положило начало эпохе двуязычия, когда язык исконного населения воспринял огромное количество французских слов. Но едва ли ссылка на эти исторические события убедит представителей тех культур, которые сегодня ропщут на засилье английских заимствований. Скорее, напротив, послужит им ещё одним козырем.

Да, за полторы тысячи лет любой язык обростаёт несчётным множеством заимствований. Если же ограничиться более коротким — и более близким — историческим промежутком, можно привести более показательную статистику. Два года назад британская лингвистка Сьюзи Дент, оповываясь на данных «Оксфордского словаря английского языка», подсчитала, что за всё XX столетие лексический состав английского языка увеличился на 90 000 единиц (включая случаи, когда уже существовавшее в языке слово приобрело новые значения). Заимствования из других языков составили всего 5% от этой цифры. Остальные 95% — это слова и словосочетания, созданные из отечественного лексического и морфологического материала: так сказать, «мокроступы» по-английски¹¹.

Любопытно было бы сравнить эти цифры с соответствующими данными по русскому языку, но мне такая статистика не попадалась. Хотя если вспомнить благоговенные перед всякого рода импортом, по этому показателю мы запросто можем обставить любую «цивилизованную страну». Особенно если учесть тенденции последних лет. Можно не сомневаться: если бы небоскрёбы и пылесосы стали известны у нас только в последние десятилетия, русский язык обогатился бы «скайскрейперами» и «вакуум-клинерами». (Одна торговая компания попыталась было хоть отчасти поправить этот недосмотр и объ-

¹¹ R. Young, "English Growing by 900 Words a Year" — *The Times*, Oct. 9, 2003.

А как это по-русски?

явила о продаже «вакуумных пылесосов». Это, должно быть, те, которые по европейским стандартам...)

Персонификационная жадность непрощенных просветителей иной раз побуждает их вводить заимствованное слово повторно — в новом значении:

Сегмент экологически чистых продуктов, которые называют «органическими» ("organic"), последние два года демонстрирует стремительный рост. Ритейлеры радуются развитию высокомаржинальной категории, однако отмечают, что для специализированной экологичной розницы российский рынок ещё не дорос (...) Добиться успеха в «органической» рознице можно только в случае поддержки и промоушена идеи органики на государственном уровне.

Как говорят в Европе: «Унс!» История распорядилась так, что в русском языке «пищевые продукты» (речь в статье именно о них) никакими другими, кроме как *органическими*, не бывают. Остаётся либо полностью переосмыслить сочетание «органические продукты» по английскому образцу, либо на веки вечные заковать слово «органические» (в значении «экологически чистые») в кавычки, чтобы отличать его от того же слова в привычном значении. Либо, краснея за свою нецивилизованность, заменить его этим самым «экологически чистые».

Есть, правда, четвёртый способ: даже графику не менять. Так сейчас тоже делают. Получается очень симпатично, и притом не сидешь в лужу, показав неумение транскрибировать (как в случае с «фандрайзингом»):

Основное отличие road-show от поездок во время премаркетинга — состав участников и объем распространяемой информации. Во время road-show на инвесторов пытаются произвести впечатление уже не аналитики, а руководство компании-эмитента¹².

Private labels, как правило, немного дешевле продающихся по брэндам аналогов в среднем и высоком ценовых сегментах и агрессивно дешевле (средняя разница в цене — 30%) в низком ценовом сегменте.

¹² Ср.: «С начала ноября финансовый консультант «Калины» — «Ренессанс Капитал» проводит road-шоу среди иностранных и российских инвесторов». «Road-шоу» вместо требуемого существующей сегодня в переводе нормой транскрипции «роуд-шоу» — всё равно что «Бродвей» вместо «Бродвея» (Broadway).

Зона street-retail в Екатеринбурге находится в районе параллельных улиц Малышева и Ленина.

Место расположения (location) — одна из важнейших составляющих успешного функционирования торгового центра, и с этим согласны все эксперты. Для каждого ТЦ location — постоянная величина, которую изменить нельзя.

Характерной чертой department stores следует считать большие площади — от 10 тыс. кв. м, которые они занимают в отдельных зданиях или больших торговых центрах — shopping malls.

В то же время в «самопрезентации» обе компании стараются сильно отличаться друг от друга. Pepsi ориентирована на новое поколение, и этой идее уже около 50 лет. Компания активно привлекает к участию в рекламе celebrities — звезд мирового футбола, поп-музыки. Coca-Cola же выстраивает имидж более универсального бренда.

Dress code мероприятия — smart casual.

А то — викинги с норманнами. Да мы сами себе и норманны и викинги!

Так что ссылки на всю историю английского языка — довод шаткий. Процессы, протекавшие в языке пятнадцать веков — не основание для оценки сходного процесса, который в другом языке продолжается менее полувека (примерный срок чуть ли не монопольного влияния английского языка). Двадцатилетний человек, у которого портится зрение и выпадают зубы, будет не прав, если станет утверждать мыслью, что с его девятнадцатилетним предшественником происходит то же самое.

Если же брать для сравнения не всю историю языка, а только сопоставимые с нашей ситуацией отрезки, надо вспомнить, что сегодня русский язык испытывает воздействие преимущественно одного языка — английского. В истории Англии такое однокольное влияние наблюдалось в основном тогда, когда его источником были либо захватчики (римляне, норманны и пр.), либо собственные колонии (Индия и пр.). Едва ли те, кто выискивают в истории доводы в пользу заимствований, рассчитывают на эту ассоциацию, но у многих она возникает. Поэтому американским и британским политологам, гадающим о причинах роста антизападных настроений в России, стоит поискать виновных не только среди страшных «почвенников» и коварных кремлёвских идеологов, но и в числе благообразных внедрителей «бэкграундов», «девелоперов» «афтершейвов» и «гламуров», потерявших чувство меры.

Но это — о Великобритании. В Соединённых Штатах — стране эмигрантов — иноязычные слова проникают в язык гораздо свободнее и размереннее. И приходят они, что немаловажно, из самых разных языков. Это, если вспомнить высказывание Ганди, не единоличное вторжение одной культуры, но пришельцы отовсюду. (Более подробно об этом писал П.Р. Палажченко в книге «Мой несистематический словарь», раздел “Foreign Words and Phrases”.)

Понятно, что это не та картина, которая создалась сегодня в русском языке. Поэтому у надежды на то, что язык сам наведёт порядок: отбросит ненужное, отшлифует значения заимствованных слов, так чтобы они вписывались в его лексическую систему и пр. — у этой надежды, порождённой оглядкой на американский опыт, чересчур радужный отлив. Кто знает, как приняли бы американцы массивное, из года в год продолжающееся вторжение, скажем, немецкой лексики в их родной язык. Вряд ли с тем же благодушием, которое нас призывают проявлять к потоку английских заимствований.

Вот только что слышал по радио без малого часовую программу о «формате стэнд-ап комеди в комеди-клубе “Питер-стейл”». («Питер» — это не Питер Пэн какой-нибудь, а Петербург. Такой теперь у Северной Пальмиры брайтон-бичский «стейл»). Пусть Москва не хвастает проектом района «Москва-Сити», «Спасо-Хаусом», «Президент-Отелем», «Кремлин-Квартетом» и «Арбат-Престижем». Замените во фразе, относящейся к теме программы, английские слова на итальянские и выдавайте их в разных сочетаниях в течение почти часовой программы по американскому радио. Причём повторяйте эту процедуру в каждой третьей перелаче. А слушателям внушайте: это-де ничего, английский язык — великий, могучий и здоровый организм, со временем всё переварит. А до наступления этого светлого будущего извольте быть «толсрантнее».

Мне почему-то кажется, что американским слушателям это не понравится.

Надежду на то, что «само рассосётся», не укрепляет и обращение к истории русского языка. Чаще всего в этой связи вспоминают эпоху Петровских реформ. Но, как и при

сопоставлении нынешнего положения в русском языке с ситуацией в англоязычных странах, сравнение хромает из-за недоучёта целого ряда важных обстоятельств — таких, например, как более отчётливые сословные различия в то время, определяющие различия между социальными диалектами: попав в речь одного сословия, заимствование не так-то легко и не так быстро становилось общим достоянием. Общенациональный язык представлял собой менее податливую для распространения заимствований среду. Чтобы в ней утвердиться, слово должно было принять законы, по которым она живёт. Язык в целом (не отдельные социальные диалекты!) не так радостно приветствовал тех, кто лезет в чужой монастырь со своим уставом. Первоначальное «collegium правительское» (согласование по среднему роду латинского “collegium”) заменилось на «правительская коллегия». Не слышно, чтобы сегодня кто-то смутила грамматическая нелепость ставшего уже расхожим сочетания «нечетные масс-медиа» (согласование по множественному числу исходного “media”).

Притом не следует забывать, что эти самые «медиа» именно «массе», чего также не было в Петровское время. Все примеры, приведённые в этой статье, взяты из изданий, выходящих такими тиражами, о каких в XVIII веке и помыслить не могли. Об Интернете тогда тоже, вроде бы, не слышали, а равно и о радио с телевидением. О «леполотёрских» наклонностях этих источников здесь уже сказано предостаточно, а что касается их влияния на язык, вспомним хотя бы нелепый перевод названия “World Trade Center” как «Международный торговый центр» вместо «Центр мировой торговли», пущенный в оборот журналистами, о чём рассказывалось в «Мостах» № 1.

Кстати, языковая позиция самого Петра I была не такой безоговорочно перенимательской, как сегодня рисуется кое-кому из желающих пофорсить в оперении «птенцов гнезда Петрова». Не вдаваясь в её подробный разбор, приведу лишь указание Петра одному из российских послов:

В реляциях твоих употребляешь ты zelo многие польские и другие иностранные слова и термины,

А как это по-русски?

за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов.¹³

Уповать на то, что язык — крепкий организм, который всё усвоит и персварит, и в доказательство ссылаться на отдалённые эпохи, по-моему, так же наивно, как убеждать экологов не тревожиться о состоянии природы, потому что в Средние века до глобального потепления дело не дошло.

На ту же тему...

Д. М. Бузаджи

Недавно в «Ведомостях» мне попались на глаза такие строки:

«Product placement – включение в художественное произведение изображения торговых марок и брендированных продуктов или упоминания о них... В западной практике product placement в крупных кино- и телевизионных проектах обычно сопровождается кампанией cross promotion (перекрестного продвижения), когда бренд и художественное произведение рекламируются совместно (как было с последним эпизодом «Звездных войн» и Pepsi), и киномерчендайзингом (когда изображения героев или символика фильмов становятся торговой маркой для выпуска разных товаров)» [Бренды «в нагрузку». Елена Виноградова, Ринат Сагдиев, Татьяна Романова // Ведомости (Москва). – 25.11.2005.

Как видно, написана статья весьма затейливо: тут и просто по-английски, и тоже по-английски, но кириллицей, и даже кое-где встречаются русские слова. Впрочем, журналистов, «сведений нахватывших тьму», сейчас немало, и я не задумался бы над этой стагеей, если бы не словосочетание product placement.

Вспомнилось, как в свое время ломали над ним голову на контрольной по переводу и перевели-таки как «скрытая реклама». Подумалось: какого дурака свалили, зря только

¹³ Цит. по: В. В. Виноградов, «Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков» — М.: «Высшая школа», 1982, стр. 69.

В заключение отдам дань традиции, о которой говорилось в самом начале статьи — непременно оговаривать: «Я не против заимствований, но...» Итак, я не против заимствований, если это не «леполотёрские» ужимки, не словесное шулерство, не прихоть «смешных гламурниц» (современный вариант мольеровских «смешных жеманниц»), не оригинальность с чужого плеча, известная под названием «креативность», и не следствие глухого лингвистического невежества.

время потратили. Так и надо было написать — product placement — и дело с концом.

Стал читать до конца и наткнулся на предубопытный комментарий:

«Словосочетание product placement не используется в договорах и других официальных документах. Поскольку его можно расшифровать как скрытую рекламу, которая в России запрещена законом, киностудии предпочитают учитывать полученные от рекламодателей средства в строках «благодарность в титрах» или «реквизит» или находить другие варианты».

А вот это интересно. Как сказано в специализированном словаре, скрытая реклама — это:

«использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции, а также в иной продукции и распространение иными способами рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителем воздействие на его восприятие, в том числе путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами. Действующим законодательством Российской Федерации данный вид рекламы запрещен» [Агеева А.Б., Агеева Ю.Б. Экономический словарь (для бухгалтера, аудитора, директора)].

В принципе то, что описывается английским термином product placement, сюда входит: это тоже вид рекламы, оказывающий неосознаваемое воздействие, хотя по сравнению с «25-м кадром» все гораздо проще.

Не будем комментировать российское законодательство, в котором, судя по всему, виды скрытой рекламы четко не определены. Важно другое: благодаря рекламному жаргону, а также не без помощи «продвинутых» журналистов, практика, де-юре запрещенная, обретает мудреное английское название (готов поспорить, что для многих читателей звучит оно как-то вроде «продукт плаcement») и вроде бы легализуется.

Решит, скажем, бороться со скрытой рекламой Федеральная антимонопольная служба, а кинопродюсеры посмотрят на нее честными глазами и помотают головой: product placement'ом грешили, было дело, а чтоб скрытой рекламой — Боже упаси!

Нельзя также сказать, что product placement тем отличается от скрытой рекламы, что первое у всех разрешено, а второе — нет. В Великобритании, например, product placement официально запрещен. Остается только посоветовать недобгадливым детям Альбиона потихоньку начинать его вводить, а на публике называть его хотя бы *skrytaya reklama*.

Маршалы без лампасов

Ну и странные же люди эти англичане и американцы! Употребляют слова совершенно не к месту. Спасибо, наши славные журналисты регулярно это замечают и подчёркивают в своих публикациях.

Вот, к примеру, рецензия на фильм из телепрограммы:

«Клерки». *Вопреки солидному офисному названию речь здесь идёт о недавних выпускниках колледжа, которые прозябают за прилавками магазинчиков в американском пригороде и коротают время, перемывая кости знакомым или издеваясь над клиентами.* («Известия», Программа ТВ на 5–11.12.05)

В самом деле, что это такое! Назвали фильм солидным офисным словом «Клерки», обманули, можно сказать, публику, а потом показывают глупости про каких-то продавцов!

А ещё мы недавно узнали, что в Америке есть **маршалы**. И не какие-нибудь, а воздушные. Правда, несмотря на громкое название, эти маршалы не носят лампасов, вышитых звёзд и всяких других регалий, которые мы ассоциируем с высшими военными чинами. Да и занимаются они какими-то странными делами. Вместо того, чтобы с важным видом, выпя-

Впрочем, зачем нам думать об Англии, когда землякам приходится неслабко? Недавно та же ФАС придралась к нескольким торговым компаниям (знаю: они теперь «ринтейлеры», но я по старинке) из-за того, что те рекламировали «беспроцентные кредиты». По закону выходит, что беспроцентным кредит быть не может, да и вообще — у торговли нет права выдавать кредит.

Компании, посокрушавшись, решили рекламу убрать. Кодекс, понятное дело, мы должны чтить, но есть другое, куда более креативное решение. Для официальных документов придется, конечно, придумать какие-нибудь «добровольные пожертвования». На плакатах же написать «Уникальный interest-free loan!», а публике растолковать, что это как беспроцентный кредит, но только не совсем кредит и с процентами. И волки сыты, и овцы safe.

От ред. Споры о языковых заимствованиях и в частности, о тех, о которых пишут авторы двух вышеприведенных статей, нескончаемы и весьма остры, поэтому решено провести Круглый стол на эту тему.

тив пузо вперёд, принимать военные парады, они в аэропортах за какими-то хулиганами бегают:

Сотрудники службы безопасности воздушно-го сообщения США (в Америке их называют «воздушными маршалами») расстреляли подозрительного пассажира, который угрожал взорвать бомбу, якобы находившуюся в его рюкзаке. («Известия», 12.12.05)

Девушки, мечтающие о браке с солидным американцем! Не думайте, что, выйдя замуж в Штатах за маршала или на худой конец за клерка, вы забудете о материальных проблемах! Увы, за этими красивыми словами скрываются простые охранники и продавцы!

Поймите, девушки, что наши журналисты никогда не смотрят в словарь дальше первого значения слова и не догадываются, что *marshal* — это чаще всего «пристав», «сотрудник правоохранительных органов», а *clerk* — обычно именно «продавец».

А вы, журналисты, зарубите себе на носу: когда вы переводите какое-то слово по созвучию с русским, не удивляйтесь, что в Америке «почему-то» называют этим словом совершенно не похожее понятие. Эй, журналисты, вы слышите?

Журналисты. Слышим, слышим. Теперь ясно. Вот только мы одного не поймём: почему в Америке маршалы без лампасов?

Ситуационный перевод или ситуационный произвол?

В.И. Ермолович

В журнале «Мосты» № 3 за 2005 г. была опубликована статья Я.В. Фоменко «Ситуационный перевод», в которой затрагиваются актуальные проблемы учёта ситуации в переводе. При том, что статья кажется мне, безусловно, интересной, есть несколько положений, по которым хотелось бы высказать своё мнение и в некоторых случаях критику.

Статья начинается с рассказа о растерявшемся молодом переводчике-стажёре, запинаясь, мямлившем с трибуны невыразительный и не всегда правильный перевод приветствий участникам миротворческого учения, за которым наблюдал преподаватель стажёра. Закончилась история тем, что командир миротворческой дивизии, не знавший английского языка, в сердцах заявил: «Ну уж если нельзя было посадить туда нормального переводчика!». Мне же вспоминается другой случай. На торжественный вечер встречи с американской делегацией, где работал приехавший с этой делегацией переводчик, прибыл один из местных чиновников со своим личным переводчиком, которому он и поручил переводить свое выступление. Молодой человек хорошо поставленным голосом, бодро и громко выдавал перлы вроде *average school No.45*, сообщая об успехах средней школы № 45 (вариант: невозможный в принципе, т.к. *average* означает «усреднённый», а «средняя школа» — это *secondary school*). Как и в первом примере, клиент (начальник молодого человека) английского языка не знал, но, в отличие от командира

миротворческой дивизии, остался очень доволен. Того же, что американцы тихо хихикали в кулак, он просто не заметил.

Какой же из этих двух переводов лучше? На мой взгляд, ни в том, ни в другом случае о переводе нельзя говорить вообще — работали недоучившиеся или недоученные переводчики. В первом случае (с учениями миротворцев) перевод явно не соответствовал коммуникативной ситуации. Однако следует отметить, что стажёра отправили на сцену, не научив его на ней работать. А ведь боязнь сцены — это болезнь не только молодых артистов, но и молодых (а иногда и не только молодых) переводчиков. Как мог преподаватель, знавший о торжественном характере мероприятия, отправить неопытного стажера на сцену, не научив работать «на микрофон» и не объяснив, что переводчик должен ознакомиться со всеми имеющимися материалами, в данном случае, с программой, которую он мог заранее перевести для себя. Во втором случае коммуникативный аспект, казалось бы, был сохранён, но что на деле остаётся от коммуникативного намерения, если содержание превращено в «угадайку»? Тем не менее переводчик во втором случае усвоил одно из правил профессии: будь уверен в себе (или, по крайней мере, кажись таким) и клиент будет считать, что ты — лучший.

Нельзя не согласиться с Я.В. Фоменко в том, что учёт ситуации общения необходим в переводе. Это отмечают практически все исследователи перевода. Так, В.Н. Комиссаров

пишет: «Переводчик постоянно вынужден решать, сможет ли воспроизведение языкового содержания исходного высказывания в переводе служить достаточной базой для правильного вывода о глобальном смысле, учитывая различия в фоновых знаниях и в обстановке общения у рецепторов перевода»¹.

Но как при этом определить тот порог, который обозначит пределы допустимого «соавторства» переводчика? В какой мере позволительно переводчику «редактировать» оратора в условиях той или иной ситуации? Должен ли устный переводчик быть нейтральным или эмоциональным, рвать на себе волосы и скакать по сцене, если это делает оратор? Что лучше – позволять оратору говорить длинными пассажами, пока не выговорится, либо прерывать его через каждую фразу? Дополнять или сглаживать его мысль, либо спокойно переводить вслед за ним ошибочные или, с вашей точки зрения, неуместные заявления?

Однозначный ответ на все случаи жизни невозможен так же, как и на вопрос: «Что лучше, красное или зелёное?» и т.д. Ответ лежит в конкретной коммуникативной ситуации, но определяется он переводчиком не по единственному усмотрению, а, насколько возможно, совместно с заказчиком, поскольку именно понимание и видение ситуации заказчиком в конечном счёте является решающим.

Остановлюсь на вопросе о том, должен ли переводчик быть эмоциональным. Г.В. Чернов, у которого я училась синхронному переводу и с которым затем много лет работала на одной кафедре, считал, что переводчик должен говорить тихим спокойным голосом, не пытаясь передавать эмоциональные и интонационные особенности речи оратора, поскольку эмоции оратора аудитория может наблюдать сама, а тихий и спокойный голос переводчика создаёт фон, не препятствующий ситуации общения. Такой подход разделяет сейчас большинство синхронистов, хотя приходится иногда быть свидетелем

того, как организаторы обращаются к увлечённому переводчику с просьбой не кричать в микрофон.

С другой стороны, достаточно частыми стали сейчас ситуации перевода презентаций, рекламных акций, проповедей, когда заказчик, наоборот, настаивает на том, чтобы переводчик (обычно в ситуации последовательного перевода) участвовал в создании эмоционального настроения зала. В таком случае, естественно, о нейтральности придётся позабыть и следует «играть в команде».

Мнение же об уместности «редактирования» переводимых высказываний представляется мне наиболее спорным. Не стоит забывать об опасности различного видения некоторых аспектов ситуации переводчиком и клиентом. «Корректировки», «адаптация», «передача... основной мысли... в ущерб деталям высказывания» – это инструменты, которыми в некоторых ситуациях переводчикам в той или иной мере приходится пользоваться. Однако это и скользкий путь к произволу и подмене мыслей и личности говорящего мыслями и личностью переводчика.

Сомнительным мне кажется утверждение о том, что «усилия переводить с сохранением максимальной полноты высказываний ораторов... вызывают некоторую досаду ораторов... появляется чувство языкового барьера». Подозреваю, что автор этого высказывания путает «сохранение полноты» с многословием самого переводчика. Многим начинающим переводчикам кажется, что чем многословнее и вычурнее их речь, тем она солиднее и тем в лучшем свете выступает и сам переводчик. В то же время существуют приёмы передачи всей полноты содержания более ёмкими и скупными средствами выражения. При переводе в условиях ограниченного времени переводчик прибегает к приёмам компрессии, отнюдь не означающей потери смыслового содержания или коммуникативной направленности речи.

В.Н. Комиссаров, отмечая допустимость компрессии при устном переводе, подчёркивал, что «речь не идёт о пропуске части оригинала, а о таком сжатии переводимого сообще-

¹ В.Н. Комиссаров. Теоретические основы методики обучения переводу. – М., 1997. – С. 32.

Заказчик – переводчик

ния, при котором сохраняются все важные элементы смысла»².

Когда же «передача коммуникативного намерения оратора... даже в ущерб деталям высказывания» преподносится как способ устранения языкового барьера между участниками процесса коммуникации, благодаря которому «процесс общения начинает идти гладко» – мы имеем дело с иллюзией перевода, который практически превращается в комментарий.

Подобным же образом приводимые в статье Я.В. Фоменко примеры перевода small talk, при всей их направленности на коммуникацию, являются не случаями собственно перевода, а скорее демонстрацией навыков общения, маскируемой под перевод. В статье представлен как достижение «нестандартный перевод» вроде: «Как спалось, господин генерал?» – “Looking great, general!” В оправдание столь вольного обращения с исходным текстом автор ссылается на «недавно прочитанное» американское руководство по тактике действий митотворческих сил, где рекомендуется говорить комплименты партнёру по переговорам.

Однако не будем забывать, что упомянутое руководство – возможно, и впрямь очень полезное – предназначено вовсе не для переводчиков, а для **полноправных** участников переговоров. Стави себя на их место, переводчик явно забывает о своей вспомогательной роли. Ему никто не давал права подменить собой не владеющего языком участника, а своими блестящими навыками ведения беседы – то, что на самом деле говорят партнёры по переговорам.

В подтверждение своей концепции Я.В. Фоменко ссылается не только на американское руководство по ведению переговоров, но и на различные работы переводоведов. К сожалению, делается это не вполне корректно. Вот, например, цитата из работы В.Н. Комиссарова: «в [некоторых] других случаях переводчику вменяется в обязанность обеспечить воспроизведение в переводе коммуникативного эффекта оригинала, того воздействия,

которое автор оригинала хотел оказать на получателей сообщения с целью вызвать у них определённую реакцию».

Всё правильно, но как это оправдывает, например, такой образец «ситуативного перевода», одобряемый автором статьи, когда ответ на вопрос: «Как вам здесь нравится?» – «Вчера было лучше» преобразуется в прямо противоположную мысль: «Ещё лучше, чем вчера»? Ведь В.Н. Комиссаров, подчёркивая необходимость достижения коммуникативного эффекта оригинала, никогда не призывал ради этого грубо исказить другие содержательные уровни текста. Напротив, он отмечал: «Содержание двух высказываний может быть **различным, даже если они передают одну и ту же цель коммуникации...** Для полного тождества их содержания необходимо ещё, чтобы полностью совпали составляющие их лексические единицы (слова) и синтаксические отношения между этими единицами»³ (*здесь и далее выделено мною – В.Е.*).

Более того, говоря о специфике устного перевода, В.Н. Комиссаров считал допустимым перевод, в меньшей степени ориентированный на более высокие содержательные уровни эквивалентности. Он прямо пишет, что «при оценке качества устного перевода учитывается специфика устной формы коммуникации: при непосредственном контакте коммуникантов **установление эквивалентности на более низком уровне** в ряде случаев не препятствует их взаимопониманию»⁴.

Не слишком подкрепляет предлагаемую в статье Я.В. Фоменко концепцию и следующая цитата из «Курса перевода» В.Г. Гака и Ю.И. Львина: «Нередко приходится отказываться от дословного перевода, даже если он не противоречит смыслу и нормам языка перевода, лишь потому, что в аналогичной ситуации говорящие на данном языке используют обычно иную форму». Далее автор статьи предлагает «экстраполировать» тезис В.Г. Гака и Ю.И. Львина на макроконтекст практического устного перевода, чтобы обосновать «большие переводческие трансформации текста ИЯ».

² В.Н. Комиссаров. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М., 1990. – С. 106.

³ В.Н. Комиссаров. Указ. соч., с. 69.

⁴ Там же, с. 108.

Возможность подобной экстраполяции мне лично не кажется логически обоснованной или сколько-нибудь убедительной. Ведь в приведённой выдержке из «Курса» В.Г. Гака и Ю.И. Львин говорится всего лишь об учёте узуса языка перевода, а никак не о смысловых переделках текста. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в «Курс перевода» и прочитать, что там написано дальше. А там говорится о том, что, например, фраза «Товарищ N, представил выводы мандатной комиссии» менее предпочтительна по сравнению с более привычной по-русски формулировкой: «Товарищ N, выступил с отчётом мандатной комиссии»⁵. Наблюдение это в большей мере относится к письменному переводу, так как у устного переводчика слишком мало времени для стилистической «обкатки» текста, и в устном переводе не только второй, но и первый вариант фразы был бы вполне приемлем, поскольку ни в чём не противоречит нормам русского языка. Таким образом, «экстраполяция» на устный перевод наблюдения, справедливого для письменного перевода, приводит к совершенно к иным результатам, чем утверждает Я.В. Фоменко.

Использование «ситуационных эквивалентов», ориентированных на узус, естественно, необходимо. Примеров здесь каждый переводчик может назвать множество — начиная с *I am hungry* вместо «я хочу есть», чему учат на первом курсе института, и заканчивая необходимостью переводить метры в футы и обратно, описывая рост человека, в англо-русской комбинации языков. В эту же категорию, на мой взгляд, попадает и перевод идиом, которые часто не имеют близкого семантического соответствия на языке перевода, и такое соответствие подбирается по принципу динамической или коммуникативной эквивалентности.

Нельзя не согласиться с Я.В. Фоменко, что перевод-комментарий, конечно же, неизбежен в случае, когда оратор использует образы вроде Крокодила Гены, Чебурашки и пр. Однако некоторые переводчики начинают

прибегать к комментариям и тогда, когда им почему-то кажется, что аудитория меньше их знает о каких-то политических событиях, физических явлениях или научных фактах. Я наблюдала как-то, как переводчик на техническом симпозиуме, отодвинув в сторону оратора, долго и подробно объяснял аудитории суть упомянутого оратором физического явления, причем у меня как раз не вышло впечатления, что такие пояснения действительно были нужны залу. В любом случае, именно для таких разъяснений и предусмотрено время для вопросов и ответов. Но вопросы должны задать из аудитории, если ей что-то непонятно, а ответ должен давать оратор, а никак не переводчик.

Обосновывая право переводчика на соавторство, Я.В. Фоменко пишет: «Ответственность переводчика перестаёт быть только символической в тех случаях, когда он видит, что его заказчик вероятно не до конца понял суть важного предложения противоположной стороны и торопится с определённым ответом. Автору статьи известен случай, когда переводчик, снизив уровень определённости в переводе ответа заказчика реципиентам, тут же обратился к нему с предложением вернуться к этому вопросу утром, когда он представит письменный вариант перевода того, что просят противоположная сторона».

На мой взгляд, если заказчик «не до конца понял суть важного предложения противоположной стороны» — это, независимо от предпринятых переводчиком мер по спасению ситуации, уже сигнал, что корень проблемы, возможно, как раз в том, что переводчик недостаточно чётко это «важное предложение» перевёл. Бывает, конечно, что говорящий сам не смог чётко сформулировать свою мысль, и если это не проходное высказывание, а действительно некоторое важное предложение, то переводчик вполне имеет право уточнить: «Простите, вы имели в виду то-то и то-то?»

В другом месте статьи Я.В. Фоменко приводит ещё один пример переводческого решения в духе «ситуационного» перевода: «...англичанин объясняет через переводчицу

⁵ В.Г. Гак, Ю.И. Львин. Курс перевода (французский язык). — М., 1980. — С. 11.

Заказчик – переводчик

обязанности независимого наблюдателя и шкалу оценки соблюдения демократических процедур. Его последние слова напутствия: *And be subjective!* были без малейшего колебания переведены как «И будьте объективными». «Субъективность» и «объективность» далеко не синонимы, но в данной ситуации именно это слово мотивировало людей на беспристрастность и независимость суждений, и такой перевод был по достоинству оценён коллегами-переводчиками. Интересно, что звук «s» в слове *subjective* переводчица даже не расслышала – ситуация помимо её сознания подсказывала ожидаемое слово. Такой перевод трудно назвать неточным».

На мой взгляд, напротив, случай, когда переводчица расслышала *subjective* как *objective* и соответственно перевела, не только можно считать неточностью, но и следует признать грубейшей ошибкой. В любом случае её вариант не был осознанным переводческим решением. Скорее, это пример того, что в переводе мы ориентируемся на вероятностное прогнозирование, которое чаще всего нас выручает, но может и подвести. Ведь оратор мог продолжить фразой, например, о том, что из суммы субъективных оценок и выветрится объективная.

Кроме того, в этой похвале некаженико чувствуется склонность недооценивать сообразительность аудитории. Если бы переводчица перевела «И будьте субъективны!», неужели же слушатели оказались бы столь недалёкими людьми, что не поняли бы, к чему их призывает оратор? А если бы им и требовалась подсказка, её можно было бы реализовать в переводе гораздо тоньше, чем «с точностью до наоборот», например: «И не бойтесь быть субъективными!», «Нам интересно ваше субъективное мнение» и т.п.

Что же касается перевода застолья, то, конечно же, я согласна с автором статьи, что в такой ситуации важна не дословная точность перевода, а интенсивность и настроение общения. Однако, когда вместо перевода шутки переводчик просит: “*Gentlemen, laugh*”, это уже равносильно выбрасыванию белого флага.

Наконец, сейчас всё чаще встречаются ситуации, когда клиенты – кто хуже, кто лучше – понимают язык перевода. Если бы в тех ситуациях, что описывает В.Я. Фоменко, заказчики в какой-то степени знали язык и поняли, насколько «точно» их переводят, можно себе представить их реакцию. Переводчику как минимум сделали бы выговор, а то и отстранили бы от работы за такую «динамическую эквивалентность».

Контроль за переводчиком может принимать разные, иногда весьма уродливые формы. Как-то, включив телевизор, я попала на передачу с некоего круглого стола по медицине. Передача была в разгаре, выступал иностранный участник, растерянная и уже полностью деморализованная переводчица пыталась его последовательно переводить, но буквально на каждом втором слове её обрывала ведущая (кстати, очень известная и яркая величина в этой области медицины), властно и громко «исправлявшая её ошибку», причем отнюдь не только в отношении терминологии, а просто заменяя один синоним на другой. Наверное, переводчица справилась бы гораздо лучше, если бы её так грубо и бесцеремонно не прерывали.

Более мягкий вариант ситуации – «подсказки». Оратор вроде бы понимает, что говорит под перевод, старается облегчить жизнь переводчику и произносит одно-два слова, выразительно останавливаясь в ожидании перевода, который старается контролировать в меру своих сил. Ему трудно понять, что переводить с нуля нельзя, и на основании двух слов бывает трудно построить начало или продолжение фразы – слишком велика вариативность прогноза, а выкрутиться позднее на изящную фразу при неудачном начале может быть сложно. Но добрый дяденька готов помочь, он даже готов подсказать слово из тех немногих, что знает на иностранном языке.

Я как-то была свидетелем такой ситуации: оратор после первых приветственных слов, произносимых в таком же «шалящем» режиме, сказал: «Я представляю здесь институт...» и замолчал в ожидании перевода. Синхронный переводчик, естественно, тоже молчит, поскольку перевод слова *институт* на

английский зависит от того, учебный он или научно-исследовательский. Оратор повторяет: «институт». Переводчик молчит – обратной связи-то нет. Тогда оратор ласково говорит: «Девушка, институты». Бывают и такие клиенты, кто может уловить только интернациональную лексику, ждёт её повторения в переводе и негодует, не услышав её. О «ложных друзьях переводчика» он, конечно же, не знает, и часто не ленится подойти и укорить переводчика за неточность и небрежность.

Но и в этом случае я воздержалась бы от рекомендации Я.В. Фоменко обязательно сохранять интернациональную лексику в переводе [«Для поддержания устойчивого впечатления у коммуникантов (заказчика и адресата) о том, что перевод постоянно осуществляется с высокой степенью точности, вся интернациональная, легко узнаваемая обеими сторонами лексика обязательно сохраняется в переводе»], по крайней мере, не советовала бы её сохранять в ущерб содержанию и смыслу. Это как раз та ситуация, где переводчик является профессионалом и экспертом и должен принимать те переводческие решения, какие считает правильными, без оглядки на то, что услышится в его переводе клиенту.

Ведь, если уж на то пошло, плохо знающему язык человеку может послышаться очень многое. Как-то я переводила бытовую беседу между русскими и американкой, которая в ответ на какую-то реплику сочувственно произнесла: "Oh, I know!" «Да, знаю», – не задумываясь, перевела я и тут же получила выговор от «клиентов»: «Ты что говоришь! Какое "да"! Ведь она же сказала "ноу"!».

А теперь давайте назовём вещи своими именами. Я.В. Фоменко рассказывает не об устном переводе, а о весьма специфической его разновидности – устном **военном** переводе, осуществляемом штатным сотрудником военной организации. Переводчик в этой ситуации ощущает себя не независимым посредником, а солдатом одной из сторон. Он за «наших» и видит свою задачу не в том, чтобы адекватно перевести сказанное, а в том, чтобы «наши» заняли выгодный плацдарм.

Он хоть формально и состоит при начальнике, но закрадывается подозрение, что этот начальник кажется нашему многознающему переводчику неумелым, непонятливым, недальновидным... Говоря словами Гаврилы о Самозванце в пушкинском «Борисе Годунове», «беспечен он, как глупое дитя...». Вот переводчик и действует, как мудрая нянька при неразумном дитяти, самостоятельно решая, что и как говорить от его имени.

С чисто терминологической точки зрения выделение «ситуационного перевода» в особую разновидность перевода кажется мне некорректным. Если в эту категорию включаются случаи, когда требуется обращать особое внимание на коммуникативную ситуацию перевода, то это требование предъявляется к переводчику всегда. Если же речь идёт о ситуациях, дающих переводчику, по его мнению, право на переделку текста в силу неких внешних целей и установок, то тогда обсуждается не собственно перевод, а иные формы языкового посредничества. Либо то, что в советские времена именовалось **партийным, или идеологическим переводом**. Возможно, что в практике военных переводчиков традиция такого подхода оказалась более живучей. Но, как бы то ни было, она мало чем отличается от переводческого произвола.

ПЕРЕВОДЧИКУ

Шиллер и Гёте... Но я их не вижу в твоём переводе.

Вместо обоих поэтов вижу тебя одного.

(М.Л. Михайлов, 1847)

«Предлагая, можем предложить», или Почему не заплатили переводчику

История в эпистолярном жанре

А.А. Шилов

Ситуация, о которой здесь рассказывается, имела место в действительности. Выдержки из писем (разумеется, электронных) полненькие. Изменены только имена участников: в этой истории важны не личности, а возникшая между ними коллизия. Но комментарии к этой коллизии я не делаю. Пусть их делают сами читатели, которые, возможно, ещё и извлекут из неё какие-то уроки.

Действующих лиц в этой истории четверо: два переводчика с английского — назовём их Сергей и Денис — и два переводчика с немецкого — назовём их Игорь Леонидович и Регина.

Завязка ситуации такова. Сергей получил заказ на письменный перевод от своего давнего клиента — крупной фирмы, поставщика телекоммуникационных систем. Заказ состоял из некоторого числа текстов по информационным технологиям связи. Среди английских статей Сергей обнаружил интервью на немецком языке, которым он не владеет. Можно было, конечно, связаться с заказчиком и предложить ему передать этот материал другому переводчику, но Сергей решил не усложнять фирме жизнь и поступил иначе. Он решил сам заказать перевод интервью специалисту с немецким языком и рассчитаться с ним самостоятельно — что называется, передать часть работы субподрядчику.

В поисках такого специалиста он обратился к Денису, попросив его порекомендовать квалифицированного переводчика с немецкого. Денис вспомнил о своём знакомом Игоре Леонидовиче. Он позвонил Игорю Леонидовичу и спросил его, не возьмётся ли он за предлагаемую работу. Тот согласился, но дальше выступать посредником Денис не

стал и передал координаты Игоря Леонидовича Сергею, чтобы тот договаривался с ним непосредственно.

Сергей созвонился с Игорем Леонидовичем и обговорил с ним сроки и условия работы. Заказ был направлен ему по электронной почте, и таким же образом Сергей должен был получить перевод. В обусловленный срок Сергей обнаружил в своём почтовом ящике письмо, но не от Игоря Леонидовича, а от Регины. Регина просто сообщала в этом письме, что направляет выполненный перевод интервью. Из письма, таким образом, вытекало, что Игорь Леонидович передал работу другому переводчику.

Дальнейшее — в письмах.

Письмо первое. Сергей — Денису

Денис, я получил перевод и пахожусь в состоянии некоторой растерянности. Боясь, что мне придется списать расценки. Я не могу считать это хорошим переводом. Буду сейчас сидеть и пытаться что-то из него слепить, не зная языка. Серёжа

Письмо второе. Денис — Сергею

Серёжа дорогой, мне очень жаль, что этот перевод тебя не устроил. Но надеюсь, что ты не видишь в этом моей роли, кроме той, что я постарался по твоей просьбе ввести тебя в контакт с немецкими переводчиками. Ну, что у меня было, то я тебе дал, хотел помочь из лучших побуждений. Я высказал тебе свое мнение об Игоре Леонидовиче как о человеке ответственном. Но я же не агентство, а он на меня не работает — поэтому гарантий, разумеется, я никаких дать не мог и надеюсь, что ты это так и понимаешь.

Поступай так, как считаешь нужным. Объясни все Игорю Леонидовичу. Меня ты этим никак

не обидишь. Я и ему никаких гарантий не давал и не мог дать, потому что заказ не от меня. Денис.

Письмо третье. Сергей — Денису

Денис, извини меня, пожалуйста, если ты подумал, что я предъявляю к тебе претензии. Просто я был несколько раздосадован. Я переговорил с Игорем Леонидовичем и поставлю перед фактом, что расценки придется снизить. Кстати, я уже почти закончил редактировать и обнаружил, что в таких случаях есть способ обойтись без «пемца»: заходишь в Altavista Babel Fish Translation (www.altavista.com, а дальше идиешь ссылкой Translate with Babel Fish), копируешь туда по абзацам весь документ и получаешь вполне понимаемый текст на английском языке, который уже можно переводить на русский! Попробуй! Сергей.

Письмо четвертое. Сергей — Денису

Денис, извини еще раз: я тебя не подставляю, если пошлю Игорю Леонидовичу письмо следующего содержания? (прилагается черновой вариант письма Игорю Леонидовичу, см. ниже Письмо шестое).

Письмо пятое. Денис — Сергею

Серёжа, у меня нет возражений против этого письма. Ты заказчик, и ты вправе решать такие вещи. А правку текста я бы советовал тебе показать в режиме "track changes" или "compare files", чтобы наглядно было. Денис.

Письмо шестое. Сергей — Игорю Леонидовичу

Уважаемый Игорь Леонидович! Мне очень жаль, что Вы решили передать перевод другому человеку, не согласовав этого со мной, хотя приняли обязательство на себя. Вынужден констатировать, что качество полученного от Регины текста не соответствует минимальным требованиям, предъявляемым к профессиональному переводу. Мне особенно удивительно, что Вы передали работу переводчику, который:

а) абсолютно не в курсе предмета, которому посвящено интервью. Чего только стоят варианты: «коммуникационная связь» вместо просто «связь» или уж на худой конец «телекоммуникации»; «телефонная сеть IP» вместо «IP-телефония»; «перевод телефонной связи в реальное время» вместо «передача речевого сигнала в реальном масштабе времени»;

«базирующейся на данном пакете программ передачи сказанного» вместо «системы голосовой связи на базе пакетной технологии» (!) и т.д.;

б) весьма небрежен в русском языке: согласитесь, три раза употребить производные от «предложить» в трёх строках — это уже слишком. Цитирую:

«Мы помогаем предприятиям в ответе на этот вопрос и предлагаем свою поддержку при планировании и реализации конвергентной сети. Предлагая такие продукты как сервер XXX линии XXXXX, мы кроме того можем предложить такие решения в данной программе, которые гарантируют пользователю высокую эффективность...»

Даже в самых простых предложениях сквозит явное нежелание потратить лишнюю минуту на работу о стилистике:

«Свою карьеру теперь достигший 46-летнего возраста менеджер начал в фирме "КЭП Джемини"»;

«...возглавлял группу, занимающуюся обслуживающими устройствами»;

«Передача информации представляет собой однако стандартную функцию, овладение которой необходимо предусмотреть».

Впрочем, лучшую и выравненную копию перевода я прилагаю к этому письму, чтобы Вы сами смогли оценить объём правки. В связи с вышесказанным я полагаю, что будет справедливым, если вопрос об оплате данной работы Ваша коллега поднимать не будет: мне пришлось просидеть над её правкой больше времени, чем если бы с самого начала взялся за перевод сам.

С уважением, Сергей.

Никакого ответа на это письмо ни от Игоря Леонидовича, ни от Регины не последовало.

С.А. Шилое, переводчик

Из сонника Миллера

ПЕРЕВОДЧИК

Быть во сне переводчиком — означает, что Вы предпримете дело, которое обманет Ваши расчеты на значительную прибыль.

Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина

«Круглый стол» в редакции «Мостов»

Участствуют Мишель Берди, Дмитрий Михайлович Бузаджи, Дмитрий Иванович Ермолович, Михаил Александрович Загот, Виктор Константинович Ланчиков, Павел Русланович Палажченко

В.К. ЛАНЧИКОВ. Возьму на себя смелость начать этот разговор, хотя в своём профессиональном качестве с кино я соприкасался, разве что переводя монтажные листы к документальным фильмам. Правда, с драматургическим диалогом дело имел. Но как «потребитель» я ещё в советское время обратил внимание, что в кинопереводе словно бы существовали совершенно отдельные критерии — не такие, как в художественном. Скажем, издательство «Искусство» выпускало сборники переводных сценариев и «записей по фильму» (в сущности, монтажных листов). Выполняли их большей частью не профессиональные переводчики, а киноведы. А, например, издательство «Прогресс» выпускало переводы литературных произведений. И то и другое — письменные тексты, и, наверно, поэтому так бросалось в глаза различие в качестве: первые были гораздо

буквалистичнее. Была, разумеется, крепкая школа дубляжа, но вот что странно: переводы литературных произведений обсуждались, оценивались, о них спорили, а кинопереводы принимались как данность.

Потом начался видеобум. И тут — не мне вам рассказывать — в перевод кинулись все, кто худо-бедно понимал иностранный язык. И трещина между практикой письменного художественного перевода и киноперевода стала ещё глубже.

Так что первое, о чём, как мне кажется, стоит поговорить, рассматривать ли киноперевод как нечто такое, что подчиняется общим нормам художественного перевода, или это совершенно иная отрасль, со своими отдельными законами и критериями оценки. Да, конечно, у киноперевода есть своя специфика: опора на видеоряд, на актёрскую игру. Но всё же в какой мере его нормы отличны от норм художественного перевода?

М.А. ЗАГОТ. Когда в нашей стране начался видеобум, имевшие к нему отношение переводчики работали в режиме синхронного перевода, и говорить о художественности звучащего текста можно было весьма условно. Лично мне киноперевод был интересен именно потому, что он находится на стыке художественного перевода и синхронного, а я всегда с большим удовольствием занимался и тем, и другим. Перевод кино или видео — это моя давняя любовь.

А что касается трещины, то если она и была, то скорее в теории. Я помню какие-то теоретические изыскания, в том смысле, что кинотекст — это даже не перевод, а несколько другая субстанция. Но переводчики-практики, работавшие с киноматериалом в 70–80-е годы, да и раньше, тогда над этим не задумывались. Это был период «кустарного романтизма», переводчики видео (их было немного, потому что требовался высочайший класс) работали безо всяких текстов, на вдохновении, с колоссальными затратами нервной энергии — делали все, что могли. И если не очень сильно врал и не сильно нарушал нормы русского языка, им уже можно было сказать «спасибо»: так как много способов посмотреть западные фильмы тогда не было. Но это были настоящие виртуозы, и фильмы с переводами, скажем, Алексея Михалева, к сожалению, очень рано умершего, и сегодня продаются где-нибудь на «Горбушке», как особый раритет.

Нынешнее состояние — это именно следствие видеобума, когда переводить начали все, появилась масса студий, которые занимаются озвучкой, и притом актеры, которые этот текст воспроизводят, пребывают в постоянном цейтноте: они впервые видят текст в студии, за пять минут до записи. Какая уж тут игра? Поэтому и получается всем известный телевизионный продукт.

Сегодня, говоря о кинопереводе, часто упоминают Гоблина. Я только недавно впервые посмотрел два фильма в его переводах: «Шрек» и «Буря в стакане» — эпизод «Звездных войн», который в оригинале называется

«Phantom Menace». То, что я увидел и услышал в последнем фильме, мне очень понравилось. Очень смешно. Правда, это не перевод, а авторская работа. Абсолютно корректная с точки зрения русского языка — такой один сплошной прикол. Там идет свой звукоряд, звучат «Любэ»... и т.д. На мой взгляд, здорово. Что касается «Шрека», это перевод, и вполне нормальный. Фильму «Буря в стакане» предпослано выступление переводчика, который — тоже в жанре прикола — с каменным лицом говорит, что он в своей жизни сделал только четыре смешных перевода, все остальные правильные. И дальше он приводит пример из фильма «Мертвец», который озвучен артистами, а затем дает свой вариант перевода, и его вариант явно лучше того, что пришлось читать артистам.

Д.М. БУЗАДЖИ. Маленькая ремарка. Гоблин сам пишет, что в смешных переводах основную часть текста пишет не он сам, а группа товарищей. Но это в данном случае неприципиально. Я смотрел вторую часть «Шрека», и выбор этот неслучайный. Во-первых, там нет мата, которым Гоблин передает каждое мало-мальски грубое английское слово (перевод бранной лексемы — это отдельная большая тема, и не хотелось здесь ее касаться). А во-вторых, на своем сайте Гоблин в дух и нрав разбивает официальный и пиратский переводы этого мультфильма, распекает их авторов за незнание английского языка, непонимание реалий и стилистическую беспомощность. Интересно стало, что он может предложить взамен.

Для начала надо сказать, что в «Шреке» у Гоблина получился именно перевод, а не игра в перевод и не прикол. Но это перевод, в котором абсолютно не чувствуется школы, зато очень много нахрапистости. Заслуга Гоблина в том, что он пытается думать, пытается сделать текст неходулылым, играть интонациями, но все время кажется, что происходит это стихийно.

Он много ерничает по поводу буквализма, но сам то и дело грешит буквальными вариантами. «Oh, come on! You could at least give them a chance», «Here's our chance. Let's go back

inside and pretend we're not home." Варианты здесь с учетом контекста могли бы быть такие: «Да ладно тебе! Попробовать-то можно?» и «Придумал: давай вернемся в замок и сделаем вид, что нас нет дома».

То же и со словечком just: он дотошно его сохраняет во всех случаях: «Нет, они просто хотят благословить тебя», «Она просто хочет помочь», «Я просто хотел, чтобы она была счастлива», «Все это просто глупо», «Не могу поверить, что ты просто откажешься от лучшего, что у тебя было». По-моему, не лучше, чем каюс-нибудь «Просто расслабься» из киноперевода.

Очень трогательный перевод фразы "Do I know you?" — «Мужчина, мы знакомы?» Вопрос «Мы знакомы?» — одна из любимых фраз кинопереводчиков. Создается впечатление, что люди обычно не помнят, с кем они знакомы, а с кем нет, и не упускают случая поинтересоваться у окружающих. Гораздо естественнее, например, — «Мы с вами раньше не встречались?» или «Кого-то вы мне напоминаете». Обращение «мужчина» тоже потрясающее. Там такая роковая царевна-лягушка глубоким контрастно обращается к королю, пришедшему инкогнито в бар, а в переводе Гоблин из нее делает почти что проститутку (как у Аверченко: «Мужчина, поелом в рестораник»).

Против отсебятин в переводе он тоже выступает, но и сам без нее не обходится. Вот, например, "The abs are fab and it's gluteus to the maximus here at tonight's Far, Far Away Royal Ball blowout!" Непростая фраза, осложненная

нарочитым столкновением языка рекламы со сказочным антуражем. Как вариант перевода можно дать «Грандиозный бал в Тридевятиом королевстве! Кругом стройные фигуры и ни грамма целлюлита». Но Гоблину было лень и он ограничивается беспомощным «Обстановка просто сказочная, Тридевятиое королевство замерло в ожидании». То есть переводчик идет по пути наименьшего сопротивления: где попроще — перевод слово в слово (по случаю других переводчиков можно отругать за отсебятину), где потруднее — сойдет и вольность (коллег по цеху не забыть пропесочить за буквализм).

Еще он утверждает, что «изготавливает» переводы, соответствующие нормам русского языка. Но каким нормам отвечает фраза «Полагаю, внуки от вас будут...» ("So I suppose any children I could have from you would be...")? Или «Мы теперь секс»? Я сейчас привел только самые характерные примеры и не касался смысловых неточностей.

В итоге создается впечатление, что ориентируется он на весьма невзыскательную аудиторию. Причем некоторые шутки из его «смешных» переводов (которые с переводом ничего общего не имеют) попадают и в «правильные». Вот хороший пример:

Поздний вечер. Шрек расстроен, смотрит на дождь. Его верный спутник Осел, пытаясь приободрить друга, напевает: "The sun'll come out / Tomorrow (с зевком)" Здесь начинает сказываться эффект выпитого им снадобья, потому что он делает паузу и с другой интонацией, в полузабытьи говорит: "Bet your bottom...". Шрек отвлекается от своих мыслей, удивленно переспрашивает: "Bet my bottom?" Тут Осел вскрикивает: "I'm coming, Elizabeth!" и засыпает.

"The sun'll come out tomorrow. Bet your bottom..." — это первые полторы строки из песенки Tomorrow из мюзикла "Annie". Полностью они звучат так: "The sun'll come out tomorrow / Bet your bottom dollar that tomorrow / There'll be sun". В мультфильме фраза оборвана, поэтому создается комический эффект: слово bottom, кроме «последний» означает еще и «нижний», а также омонимично

существительному «низ», «зад», «задница». Поэтому у Гоблина возникает такой диалог:

– Солнце взойдет... (на характерный мотив песни из наших «Бременских музыкантов») Спорю на твою задницу!

– На мою задницу?

– Я иду, Элизабет!

Нелепо и не смешно. Для американского зрителя юмор очевиден: даже те, кто не помнит песни, узнают выражение “bet your bottom dollar” и поймут, что Осел просто не закончил фразу, а Шрек не разобрался и решил, что “bottom” здесь употреблено в другом значении. А Гоблин, видимо, рассчитывает на горстку маргиналов, которые в этом месте счастливо ослабятся и тыкнут пальцем в телевизор: «О! Он сказал “задница”!» Но большинство в недоумении пожмет плечами.

Вариант здесь возможен такой:

Осел (напевая): Не хмурься, скоро лето! (зевок) Держи хвост...

Шрек: Чей хвост?

Вель нам нужен, во-первых, обрыв фразы, который бы воспринимался русскоязычным зрителем именно как незавершенность, а во-вторых, этот обрыв должен быть более-менее смешным. Мы вводим подразумеваемую рифму и более строгий ритмический рисунок. Все это вкупе с эффектом фразеологизма позволяет надеяться, что наш зритель поймет: Осел хотел сказать: «Держи хвост *тистатом*». Тем более что такая фраза уместна в данной ситуации.

Что касается последней реплики, “I’m coming, Elizabeth!”, то она позаимствована из комического сериала “Sanford and Son”, который шел в Америке в семидесятых годах. Там главный герой, чью усопшую жену звали Элизабет, периодически пантажировал сына, симулируя сердечный приступ и восклицая: «Элизабет, я иду к тебе!» В переводе эту роль вполне могла бы сыграть деланно-трагическая фраза вроде: «Спасите, умираю!»

Я уже не говорю о том, что речевые характеристики многих персонажей искажены. В итоге получается элакое лоскутное одеяло. Нет единого подхода, нет ощущения качества.

П.Р. ПАЛАЖЧЕНКО. Если вернуться к вопросу, который прозвучал в самом начале разговора, наверное, следует отметить, что в кинопереводе большая свобода, чем в переводе художественной литературы. Связано это с тем, что, например, при дубляже необходима хотя бы некоторая степень совпадения синхронности, даже совпадения движения губ, и ради этого переводчик должен, может быть, идти на более существенные вольности, чем в письменном переводе художественной литературы. Я эту мысль еще до конца не додумал, но мне кажется, что, вероятно, существуют и какие-то другие причины, которые должны в кинопереводе, скорее, толкать к этой самой вольности, а не к буквализму. И если буквализм имеет место, то это, скорее всего, от недостаточной квалификации, от недостаточного понимания, чем от программы «переводить как можно ближе к тексту». Я думаю, что переводить как можно ближе к тексту мало кто стремится. Мне кажется, это верно и в отношении киноперевода у нас и в отношении к кинопереводу на Западе. Когда смотришь в Нью-Йорке фильмы с субтитрами (там часто показывают иранские, французские, грузинские – самые разные), то видно, даже если не знаешь языка, что в субтитрах произведена явная компрессия. И это тоже, несомненно, вольность.

Отсюда можно идти или по пути перевода или по пути создания нового жанра. Если возвести вольности в новый жанр, который создал Гоблин, то надо, как говорил Пушкин, судить автора, по законам, которые он сам

над собой поставил. Так же как существует критика литературы, существует критика художественного перевода, может существовать и критика подобного жанра. Лично меня она не интересует, потому что жанр этот обладает определенным развлекательным потенциалом, но мне, к примеру, неинтересно критиковать, скажем, Евгения Петросяна и ему подобных по законам, которые они над собой поставили, хотя он человек талантливый, и так же неинтересно критиковать и Гоблина, хотя я вижу, что он тоже человек талантливый. Помимо прочего, мне это неинтересно потому, что мы все-таки говорим о переводе. Всякая критика перевода должны быть полезной для переводчика. А в данном случае речь идет не о переводчике, а о создателе нового жанра. Переводчик с самого начала ставит перед собой другую задачу. Это смешение затрудняет наш сегодняшний разговор. Надо, видимо, сначала договориться. Мы критикуем «Шрэка» по законам перевода или по законам некоего другого жанра? В «Шреке» Гоблин как раз претендует на перевод. И в «Шреке» его можно и даже нужно критиковать по законам перевода.

Д.М. БУЗАДЖИ. Мы как раз с этого и начали. Под маркой Гоблина выходят как «смешные», так и «правильные» переводы, причем вторых гораздо больше. О «смешных» мы сейчас не говорим. Это действительно особый жанр, к переводу не имеющий никакого отношения. А к правильным у меня интерес возник оттого, что несколько человек спрашивали, как я отношусь к его переводам. Пришлось посмотреть, ознакомиться с его взглядами.

Для анализа его переводов я применил критерии, которые обычно предъявляют к художественному переводу (разумеется, со скидкой на ограничения, которые накладывает видсоряд). А то интересная картина получается: сидит человек, утверждает, что делает «правильные» переводы, бросается такими словами, как «адекватность», «вольность», «буквализм», раздаст подзатыльники другим переводчикам, а сам оказывается как бы вне профессиональной критики.

Свою программу он строит на «трех китах»: полная передача смысла, естественный русский язык и пересдача английской брани (которую он почему-то переводит русским матом). Но все дискуссии вокруг его фигуры почему-то сводятся именно к вопросу: «Можно ли ругаться в переводе и если да, то каким именно словами?» А дело-то не в этом. Здесь он уже виртуозно научился отругиваться от критиков, которые по большей части не приводят серьезных научных доводов. Может создаться впечатление, что он делает превосходные переводы, вот только зажимают его ханжи и ретрограды. Поэтому я предлагаю: давайте для начала разберемся, что он за переводчик, выполняет ли он свою программу и понимает ли он вообще, что значат все эти переводческие термины. Ведь на поверку выходит, что у него «тех же шей да пожиже влей»: и смысл местами искажен, и язык не столько русский, сколько переводческий, и стиль хромает на обе ноги. Тогда становится понятно, насколько можно доверять его рассуждениям и по поводу брани в переводе.

Гоблин убежден, что все делает правильно. Причем на фоне ужасающего качества других кинопереводов его творения действительно иногда кажутся удачными. Поэтому все это говорится не для него самого, а как раз для тех, кто задает вопросы, кто хочет определиться с отношением к нему.

Надо научно и без лишних эмоций продемонстрировать, что Гоблин -- это не «новое

слово в переводе», не «первопроходец», но и не злодей и не бездарь. Он человек не без таланта, но хватающий по верхам. В его переводах больше цельности, но при этом налицо и весь букет типичных переводческих ошибок. Ругань в его переводах — это такой отвлекающий маневр: он эпатирует публику, чтобы скрыть за этой «подсечиной общественному вкусу» банальные пробелы в технике. Он с гордостью заявляет, что «академиев не кончал», а надо показать, что гордиться-то нечем: нехватка школы очень даже ощущается.

И, как мне кажется, неправильно поступают те, кто отказываются обесценивать переводы Гоблина всерьез. Потому что в отсутствие серьезной критики его уже начали называть «знаменитым переводчиком» и «экспертом». А люди, которые сами качество перевода оценить не в состоянии, верят.

МИШЕЛЬ БЕРДИ. Я хочу сказать насчет «вольности». Я выделяю пять типов киноперевода. Первый — это работа синхрониста, который, может быть, впервые вместе со зрителем видит этот фильм, и должен постараться как можно правильнее передать содержание. Второй тип — когда один актёр или сам переводчик озвучивает весь фильм. Это зависит и от страны — кто что любит: в Японии так, в США по-другому. В России, например, распространён третий вид — когда фильм озвучивают два актера — мужчина и женщина, — и

при этом слышен звукоряд оригинала. Четвертый — самый дорогостоящий вид дубляжа: полный дубляж, когда полностью озвучивают актёры, и нужно так изменить речь, чтобы постараться попасть в артикуляцию. Пятый вариант — титры. Это как раз тот вид перевода, которым я занималась в Штатах. Каждый из этих видов — тема отдельного разговора, у них разная степень «вольности».

А что касается Гоблина, то, может быть, на него и не обратили бы внимания, если бы не его претензии. Ну сидит себе человек, переводит. Но он выступает с программой: «Я знаю, как надо, я делаю правильно». Кроме того, всё же надо кое-что сказать о брани, о его подходе к её переводу. Вот он рассказывает в Интернете молодым переводчикам, что делает правильные, адекватные, несбуквальные переводы, что мат, по его словам, это адекватный перевод английских «four-letter words». Поэтому-то и надо говорить о качестве его переводов. Его программа и её результат — это действительно адекватный перевод или нет? Если нет, то он просто вводит начинающих переводчиков в заблуждение.

М.А. ЗАГОТ. Мне, например, кажется, что это хорошо сделанный рекламный ход. И он работает. Пиар. Вот такой правильный перевод. Такой вот новый термин, а пока разберутся, о чем тут идет речь, товар-то продается. Думаю, в большой степени дело именно в этом. А вообще переводчик он неплохой. Конечно, все, о чем тут говорилось, верно, но чувство родного языка у Гоблина есть.

П.Р. ПАЛАЖЧЕНКО. Способность, безусловно, есть. Мне тоже это показалось. Причем в обоих жанрах, хотя второй жанр, жанр прикола, мне абсолютно не близок. Я считаю его однодневкой. Будут, конечно, любители, но едва ли он долго просуществует. Но, благодаря этому жанру, человек себя пропиарил и, обладая чувством слова и некоторыми другими способностями, встал на несколько более

высокую ступень как переводчик, чем та, которую он заслуживает. Поэтому критика тех его переводов, которые претендуют на правильность и адекватность, с позиций нормального перевода, с позиций нашей переводческой школы, с позиций больших требований, чем просто: посмотрел — вроде ничего, — такая критика нужна.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Я не думаю, что у Гоблина вообще есть «правильные» переводы. С точки зрения техники переводческого ремесла. Гоблин на самом деле не очень квалифицированный и не очень добросовестный переводчик. Весь для того, чтобы разобраться в смысловых хитросплетениях того же «Шрека» и хорошо их передать, нужно потратить кучу времени и умственных усилий. Но мы были бы очень наивны, если бы полагали, что Гоблину это нужно или интересно. Он в принципе не может и не станет тратить своё время на то, чтобы копаться в смысловых нюансах и прибегать к разным переводческим приёмам для передачи аллюзий, игры слов, сложной фразеологии и других трудностей.

И на это есть две причины. Во-первых, при тех объёмах «продукции», которая выходит под фирменной маркой «перевод от Гоблина», о какой-либо кропотливой работе над переводом не может быть и речи. Эта работа поставлена на поток (неважно — им самим или его заказчиками), и ему надо гнать вал, а любые лишние раздумья ведут к потере темпа и производительности. А во-вторых и «в-главных», такие усилия в данном случае были бы излишни, потому что в системе координат Гоблина достоверное воспроизведение оригинала не играет никакой роли.

Я подозреваю, что все декларации Гоблина насчёт того, что он переводит «правильно», — это демагогия для внешнего потребления журналистов, так любящих его интервьюировать. Он над ними просто издевается, а они и поверили. В лукавстве этой демагогии он, скорее всего, прекрасно отдаёт себе отчёт. На самом деле такие понятия, как «точность» или «правильность» перевода не заботят ни его, ни его заказчиков, ни его потребителей.

Осознанно или интуитивно, Гоблин выполняет определённый социальный заказ на, скажем мягко, адаптацию текста кинофильма ко вкусам определённой части зрителей. Диапазон такой адаптации довольно широк — от смешной пародии до откровенного огрубления. Ну, есть такой запрос у некоторых людей: скучно им смотреть, как английская королева степенно вышагивает в нарядном платье, для них лучшим зрелищем было бы увидеть, как она свалится откуда-нибудь кубарем, задрав ноги и обнажив при этом панталоны, желательно рваные.

Вот и Гоблин создаёт не переводы, а, выражаясь по-научному, специальные адаптации — одни пародийные, другие облагороженные. Их успех у аудитории зависит не от того, насколько эта адаптация близка оригиналу, а насколько она получилась смешной, пошлой и (или) близкой к просторечию и жаргону. Для Гоблина совершенно естественно, когда он вкладывает в уста Прекрасного Принца выражение «Чисто для справки» (в оригинале «For your information»), а в уста принцессы-лягушки, пытающейся завязать разговор с королём, — обращение «мужчина». Было бы даже странно ожидать от него чего-то другого.

Поэтому и оценивать работы Гоблина по меркам смысловой и стилистической эквивалентности оригиналу, как мы это делаем в отношении истинного перевода, нельзя. «Произведения» Гоблина — это вообще не переводы, потому что в них изначально не ставится цели адекватно передать оригинал. Это в одних случаях пародия, а в других (я имею

в виду опусы с матерщиной) то, что я назвал бы переводческой порнографией. И именно в этом деле у Гоблина есть некоторые способности, хотя, если уж на то пошло, и не очень большие.

В.К. ЛАНЧИКОВ. Беда в том, что Гоблин пропиарил себя не только благодаря новому жанру. Тут и та сторона дела, о которой говорила Мишель. Если выбросить из его переводов всю матерщину, получится перевод такого качества, на котором имени себе не сделаешь. Я спрашивала студентов, которые задавали вопросы о переводах Гоблина, чем, кроме мата, они запомнились. Ничем. Вся «правильность» его переводов заключается в том, что он преподносит матерщину как полноценный эквивалент “four-letter words” и даже удивляется, почему до этого ещё никто не додумался. Вот и все его переводческие заслуги.

МИШЕЛЬ БЕРДИ. Да, на одном из интернетовских форумов вопрос о правильности или адекватности перевода русского и английского мата разбирается на 17 страницах, в которых все ссылки — на Гоблина. И тогда понимаешь, что этот человек для них — авторитет, что они представляют себе, что это — просто разные школы, где одна считает, что мат переводить нельзя, а другая считает, что можно. И это воспринимается как полноценный переводческий подход.

П.Р. ПАЛАЖЧЕНКО. Тут не только в переводе идёт борьба. И исход ее не предрешен. Если пятнадцать лет назад невозможно было представить себе, что в театральной постановке будет мат, то сейчас вполне возможно. Мне все-таки кажется, что не закрепится это явление в русской культуре, в русском кино в том числе, это не будет так широко, как это в американском кино. В первую очередь, потому, что американская obscene, непристойная лексика не до такой степени obscene. Так что если спор решится в сторону русской традиции — ну, с небольшими поправками, — то я думаю, что нечего особенно бояться. И подобная гоблиновской традиции переводить американскую obscene лексикой русским матом не закрепится. Вопрос будет решаться на более высоком, на общекультурном уровне. И я надеюсь, он решится в подтверждение русской традиции. В этом отношении я на стороне тех, кто говорит о сохранении мата в определенном гетто, о недопущении его в основную лексику. В английском этот вопрос тоже не до конца решен. С одной стороны — художественная литература, куда он допущен, а с другой стороны — газета, к примеру «Нью-Йорк Таймс», офирное телевидение — где этого нет.

М.А. ЗАГОТ. На мой взгляд, в вопросе о допустимости мата в русском языке Гоблин взялся не за переводческое дело. Язык развивается, а переводчик идет следом — по-моему, должно быть именно так. Сегодня у нас есть писатели, к которым лично я отношусь с уважением (Аксенов, Ерофеев, Сорокин), и вот они вставляют в свои тексты obscene лексику, и как-то у них это работает. Не так давно я был на концерте популярного и любимого в народе писателя и поэта Игоря Губермана, и он периодически вставляет матерные выражения, общаясь с залом и рассказывая какие-то истории или читая короткие стихи. Надо сказать, что каким-то чудесным образом у него это не звучит вульгарно. Может быть, потому что, в принципе, он производит впечатление

очень светлого и теплого человека — не знаю. Короче говоря, если такая лексика станет нормой русского языка, по инициативе людей, которые этот язык формируют (например, писателей), — переводчик сможет ею пользоваться. Но он не должен браться за формирование языковых традиций, тем более, в такой тонкой сфере. Все-таки переводчик должен знать свое место. А Гоблин этого не учитывает. И зря.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Есть некий парадокс. Вроде бы американцы всех переплюнули по употребительности матерных слов, захлестнувших не только литературу, но и кино. А русский мат всё равно разнообразнее, универсальнее и грязнее. Он гораздо более «бьёт по ушам». Может, поэтому в нашем отечестве и сохраняется ещё традиция держать его в свособразном гетто, особенно на киноэкране.

МИШЕЛЬ БЕРДИ. Да, молодые переводчики не знают, не понимают, что русский мат и “four-letter words” — разные вещи. По-английски эти слова часто бывают указателем на классовую принадлежность. Если в начале фильма «Четыре свадьбы и похороны» Хью Грант четырнадцать раз произносит “fuck” и этот фильм видела и одобрила королева Англии, то это ещё не значит, что в Англии у всех так принято. Тут обозначается социальная характеристика героя: британский интеллигент левого толка («левого» по западным понятиям). Для них употребление такой лексики стало характерно после контркультурной революции 1960-х годов. Кстати, если бы он выражался мягче — shit или damn — зрители ещё не поняли бы, что это типичный оксфордский лсвак. И при замене fuck на русское матерное слово — по методу Гоблина — этот признак пропадает. Получается какой-то беспредельщик.

Когда я только начинала учить русский язык, преподаватели нас сразу предупреждали: учитите, что соответствующие русские слова звучат гораздо резче. Функции, ситуации употребления тоже не всегда совпадают. Я не-

давно выполняла работу для одной организации, и мне из-за каких-то бюрократических формальностей эту работу несколько месяцев не оплачивали. Я написала человеку, который там работает, — до этого я виделась с ним только один раз. Он ответил: “Oh, fuck! The God damn banks. This is going to fuck up those idiots down in Claims.” Вполне интеллигентный человек. Но он понимает, что мы с ним «одной группы крови», что я не обижусь. И он пытается как-то разрядить ситуацию. Но представить себе, чтобы в таких же обстоятельствах так же выразился такой же человек в такой же российской организации...

П.Р. ПАЛАЖЧЕНКО. На русский язык fuckers здесь вполне достаточно перевести как уроды, даже и это будет грубовато. Скорее, дебилы.

В.К. ЛАНЧИКОВ. Сейчас готовится материал для «Мостов», где эта тема будет рассматриваться очень обстоятельно.

М.А. ЗАГОТ. Не так давно я купил на DVD фильм “Family Man” с Николасом Кейджем, которого очень люблю, и, потирая руки, приготовился наслаждаться. Перевод меня просто потряс своим «качеством»! Ошибка на ошибке! Видимо, с одной стороны, перевод делался со слуха, без монтажного листа, а, с другой стороны, работу доверили неподготовленному человеку. Результат удручает. Например, герой, преуспевающий бизнесмен, идет на работу, а в руке у него похрустывает

свежий номер "Wall-Street Journal" — а в переводе он «проходил по Уолл-Стрит Журнал». Нью-йоркский район Greenwich Village превратился в «деревню Гринвич». В оригинале: "And your wife decorated the office." Перевод: «А ваша жена — это украшение офиса». В оригинале: "Our life in a nutshell". Перевод: «Моя жизнь как ореховая скорлупа». "Is this ringing any bells?" — «Ты что, звонил в колокольчики?». "You drink bourbon but offer your clients scotch" — «Вы пьёте бурбон, а клиентам предлагаете виски». "On the one hand, you like expensive things. You are a scotch man, single malt" — «По одной причине: вы любите дорогие вещи. Вы шотландец, любите пиво». Я даже не хочу комментировать эти ошибки — они на уровне ученика седьмого класса средней школы. Но работу надо сделать быстро, а платить за неё не хочется. Кстати, вся эта белиберда звучит с хорошей «подачей», в исполнении профессиональных актёров.

П.Р. ПАЛАЖЧЕНКО. Это лицензионный товар, за который фирма платила немалые деньги. За права на фильм выкладывают около пяти тысяч долларов, а заплатить тысячу долларов профессиональному переводчику не могут. При том, что у этих фирм огромные доходы.

МИШЕЛЬ БЕРДИ. Я мало смотрю англоязычные фильмы в русском переводе. По телевизору — чаще всего «Секс в большом городе». Так вот, когда слышишь и английский и русский текст, как в переводе этого сериала, заметно, что даже неплохой переводчик сов-

сем не знает американских реалий. Что-то вроде тех примеров, которые только что привёл Михаил Александрович. На покупку этого сериала наверняка были потрачены большие деньги. Неужели не нашлось денег на то, чтобы пригласить более профессиональных переводчиков? Неужели переводчикам сериала трудно проконсультироваться насчёт реалий хоть у кого-нибудь из двадцати пяти тысяч американцев, которые живут в России? На зрителя начхать, и так сойдёт?

П.Р. ПАЛАЖЧЕНКО. Кстати говоря, здесь неточность уже в переводе названия сериала: речь идет не о всяком «большом городе», а о Нью-Йорке, который сами нью-йоркцы называют "the City".

В.К. ЛАНЧИКОВ. А чем это лучше ляпов при передаче аллюзий в переводе «Шрека»? Михаил Александрович, я помню, какое-то время в девяностых годах по НТВ показывали фильмы в очень качественных переводах — ваших, В.П. Голышева. (Говорю это не для того, чтобы, как часто сегодня бывает, создать вам рекламу: у вас, кажется, и так работы хватает). Между прочим, одно то, что после фильма звучали фамилии переводчиков, показывало, с одной стороны, уважение к их труду, а с другой — что переводчикам и телеканалу не за что краснеть. Если не секрет, что это был за «золотой век» и почему он закончился?

М.А. ЗАГОТ. Да, было такое интересное время в девяностых годах. Канал НТВ тогда работал очень активно и всюду приобретал для показа зарубежные фильмы. Причем, на том этапе речь шла о фильмах «первого ряда», фильмах из «золотого фонда» мирового кино. Конечно, переводить их было безумно интересно. Да, после фильма можно было услышать фамилию переводчика, что, безусловно, позволяло ему почувствовать значимость своей работы и, вообще, вырасти в собственных глазах. Хотя проколы были и там, потому что от случайных людей уберечься не удастся ни одной структуре. Тем не менее, на НТВ работала штатная группа

Кинозал

переводчиков, у нас была норма выработки: в месяц — шесть или восемь часов экранного времени, не больше. И зарплата по тем временам была вполне нормальная. Переводчику чаще всего давался монтажный лист, и ты с ним работал, как с художественным текстом.

Правительство Зимбабве обвинило создателей фильма «Переводчица» в заговоре против Мугабе
Newsru.com 7.09.2005

Правительство Зимбабве обвинило создателей фильма Сидни Поллака «Переводчица» в том, что картина снималась на деньги ЦРУ в рамках кампании, направленной против президента Роберта Мугабе, и соответственно Шон Пенн и Николь Кидман являются агентами ЦРУ не только в качестве персонажей фильма.

Такое недвусмысленное обвинение прозвучало из уст министра информации Чен Чимутенгвенде.

Мугабе находится у власти с 1980 года, и внутренняя оппозиция и зарубежные наблюдатели обвиняют его в том, что он несет ответственность за экономический спад и отход страны от демократических принципов, отмечает La Stampa.

В основе сюжета фильма классическая шпионская история: Кидман играет переводчицу Сильвию Брум, которая в кулуарах Генеральной Ассамблеи услышала разговор об убийстве одного из африканских лидеров, которое может привести к свержению правительства. В результате Кидман сама становится мишенью этого заговора. Пенн играет роль агента ФБР.

По словам Чимутенгвенде, фигура престарелого африканского лидера имеет очевидную схожесть с

Были и редакторы, которые за твоей работой следили и могли тебя поправить. Но потом зарплата стала понижаться. Дело подошло к девяносто восьмому году, и возник конфликт интересов. В итоге всех переводчиков вывели за штат, оплату совсем снизили... Почти все опытные переводчики с НТВ тогда расстались... В результате — имеем то, что имеем. Вообще, время, как известно, выдвигает своих героев. В свое время «звездой» видео был Леонид Володарский, сегодня это Гоблин. Ничего страшного я в этом не вижу и надеюсь, что скоро хороший и качественный перевод будет снова востребован, и серьезную работу будут поручать не случайным людям, а профессионалам, потому что халтура просто не будет пользоваться спросом.

Мугабе. По его словам, в центре истории престарелый африканский лидер, который должен выступить на генассамблее ООН, как и Мугабе в эти дни. «Это заговор ЦРУ, но мы его сорвем, как одержали верх над неокOLONиализмом. Мы нанесли поражение более сильному врагу, колониализму», — заявил министр.

Напомним, что «Переводчица» стала первым фильмом, съемки которого проходили в резиденции ООН в Нью-Йорке с предварительного согласия Кофи Аннана. Переговоры были непростыми: Аннан сначала не дал своего согласия, но потом, после разговора с Поллаком, изменил свое мнение.

Трагедия таланта

Перевод и переводчики в советском кино:
образы и сентенции. Статья вторая¹

Д.И. Ермолович

Среди лучших произведений советского кинематографа есть фильм, главным героем которого стал переводчик. Это фильм «Осенний марафон» режиссера Георгия Данелии, вышедший в 1979 году и затем удостоенный ряда отечественных и международных наград. В фильме снялось созвездие замечательных актеров: Галина Волчек, Марина Неёлова, Наталья Гундарева, Евгений Леонов, Николай Крючков и другие. Главную роль — Андрея Павловича Бузыкина — превосходно играет Олег Басилашвили.

Конечно, фильм в целом — не о переводческой профессии, а о душевной драме человека, который в свои сорок с чем-то лет вроде бы преуспел в жизни, но никак не может её упорядочить. Он мечется между женой и любовницей, потерял общий язык с дочерью, вынужден лавировать в отношениях с сослуживцами. Бузыкин не способен никому отказать в помощи и из-за этого не успевает сделать собственную работу. Его жизнь превращается в непрерывный марафон, в котором он даже толком не знает, куда бежит.

«Это они, а я только перевожу»

И всё же в «Осеннем марафоне» есть много интересных и глубоких зарисовок, показывающих профессиональную сторону жизни нашего героя. С первых же кадров фильма мы узнаём, что Андрей Павлович занимается художественным и поэтическим переводом. Вот он диктует строки стихотворного перевода машинистке Алле, своей любовнице (Марина Неёлова):

Бузыкин (диктует).

«А что природа делает без нас?
Кому тогда блистает снежный наст?
Кого пугает оголтелый гром?
Кого кромешно угнетает туча?
Зачем воде качать пустой паром?
И падать для чего звезде подучей?
Ни для кого, на всякий случай?»

Алла перестает печатать и встает из-за стола.
Бузыкин (недоумённо). Что? Что?

Алла (подходит к Бузыкину и обнимает его).
Как бы я хотела, чтобы у нас был ребёнок.

Бузыкин (испуганно). Зачем?

Алла. Он был бы такой же талантливый, как и ты.

Бузыкин. Талантливый не я. Это они, а я только перевожу.

Из этого диалога неискушённый зритель узнаёт, что Бузыкин талантлив (для некоторых, может быть, вообще является откровением, что в переводе нужен талант). А искушённый зритель понимает это уже по тем стихотворным строкам, что звучат с экрана. Без сомнения, это настоящая поэзия.

Сообщаю на всякий случай, что диктуемые в фильме Бузыкиным строки — на самом деле не перевод, а оригинальные стихи, написанные сценаристом картины Александром Володиным, выдающимся отечественным драматургом и поэтом. (Полностью данное стихотворение читайте во врезке на с. 69.) Надо, конечно, обладать немалой смелостью, чтобы, включив собственное сочинение в текст художественного произведения, прямо назвать его талантливым, пусть и устами одного из героев. Но думаю, что Володин отдавал себе отчёт в достойном качестве своих стихов.

¹ Первая статья опубликована в журнале «Мосты» №3, 2005 г.

Сделаю небольшое отступление: для меня огромное удовольствие как для читателя или зрителя, когда в книге или фильме утверждается, что герой сочинил (или изобразил, или сделал) нечто талантливое, и ты понимаешь, что предъявляемый образчик его творчества действительно хорош. Одним из ярчайших примеров в этом смысле является для меня пьеса Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Там не просто говорится, что Сирано — блестящий сочинитель и остроумец, там это действительно явствует из вложенных в его уста речей и реплик. А ведь сколько есть книг и фильмов, где словесно декларируется талант героя, а само произведение или никак не подтверждает этого, или не поднимается выше огорчительного посредственного уровня.

Но вернёмся к фильму «Осенний марафон». Отмечу, что Бузыкин, при всей своей одарённости, еще и скромн: талантливы «они» (то есть авторы), заявляет он, «а я только перевожу».

Ещё один тип переводчика

Бузыкин, владеющий английским и латинским, работает не только над собственными переводами. Он ещё помогает датскому профессору Биллу Хансену (на эту роль Даниеля пригласил немецкого журналиста Норберта Кухинке) с переводом произведений Достоевского на датский язык. Бузыкин добровольно взвалил на себя эту обязанность, хоть и тратит на неё уйму времени. Причина не только в его слабых характеристиках, но и в том, что он искренне хочет, чтобы Достоевский дошёл до датского читателя в неискажённом виде.

Вот Хансен явился к Бузыкину домой, чтобы узнать его замечания о своём переводе.

Бузыкин. Билл, я прочитал. В принципе, всё правильно. Но есть кое-какие неточности. Вот здесь. Насколько я помню, у Достоевского сказано: «За кого ты себя считаешь, фря ты этакая, облизыяна зелёная». У вас правильно — grøn abe, обезьяна. А у него же «облизыяна». Сленг.

Билл. Андрей, я думаю, что «облизыяна» — это неправильная печать.

Бузыкин. Нет, это правильная печать.

Билл Хансен — тоже переводчик, но совершенно другого типа. Это приехавший

Профессор Хансен: Я думаю, это неправильная печать.

на время в Россию иностранец, профессор университета. Фраза про «зелёную облизыяну» даёт нам понять, что он работает над романом «Униженные и оскорблённые». Действительно, на западе переводами художественной классики занимаются чаще всего университетские преподаватели (которые там почти все поголовно именуются «профессорами»).

Заметно, что Хансен не очень хорошо владеет русским языком и вряд ли обладает переводческой смекалкой, раз полагает, что *облизыяна* это «неправильная печать» (то есть опечатка). Зато у него, в отличие от Андрея Павловича, вся жизнь чётко расписана и распланирована, целенаправленности и успешности ему не занимать, и можно не сомневаться, что, запрягнув безалаберного Бузыкина в свою организованную работу,

Бузыкин — Хансену: Нет, это правильная печать.

Хансен сдаст перевод в назначенный срок. Может, это будет и не слишком выдающийся, но точный и педантично выверенный текст.

Политкорректность советских времён

Задержавшись из-за Хансена, Бузыкин торопится в издательство, где он надеется отдать в работу собственный перевод. Вот Бузыкин в кабинете заведующего редакцией Георгия Николаевича Веригина. Тот сначала хвалит полученную работу, но потом ошарашивает Бузыкина неприятной новостью.

Веригин. Хорошо, Андрей Палыч. Как всегда хорошо.

Бузыкин. Я рад.

Веригин. А я нет.

Бузыкин. Почему нет?

Веригин. Не пойдёт.

Бузыкин. Почему не пойдёт?

Веригин. Этот Саймон на прошлой неделе с какой-то расистской статьёй выступил. Вся прогрессивная общественность возмущается, протестует. А что ж мы будем его — рекламировать, переводить, а?

Веригин: Этот Саймон с расистской статьёй выступил, а мы будем его переводить?

Знакомая по советским временам ситуация: стоит зарубежному писателю сказать или написать что-нибудь крамольное с точки зрения советской пропаганды (пусть даже этого выступления или статьи никто в Советском Союзе не слышал и не читал), как объявляется негласный запрет на его творчество. Сколько

переводов, уже заказанных переводчикам и выполненных ими, погибло из-за подобной ерунды! Западные писатели, сами того не подозревая, иногда портили жизнь советским переводчикам и издателям в основном своими антикоммунистическими выступлениями. Однако в фильме этот нюанс смягчён: говорится о «расистской статье».

Парадоксально: просматривая этот эпизод сегодня, ловишь себя на мысли, что современной западной аудиторией эта ситуация не показалась бы дикой. Вполне можно представить себе, что в обстановке нынешней воинствующей политкорректности какое-нибудь американское издательство отказалось бы от публикации произведений писателя-расиста.

Но между издателем и Бузыкиным продолжается разговор ещё об одном заказе.

Веригин. Слушай, Андрей Палыч. У тебя «Разбитая луна» в каком состоянии?

Бузыкин. В разбитом.

Веригин. То есть как в разбитом? Постой-постой, у меня тут записано: десятое, Бузыкин, «Разбитая луна». Сегодня у нас какое? Девятое. Завтра у тебя срок.

Бузыкин. Нет, это мне не успеть.

Веригин. Ну, хорошо. Тринадцатого успеешь? Тринадцатого — крайний срок.

Бузыкин. Постараюсь. Надо будет ночью посидеть.

Веригин. Ага, посиди, посиди. Чем по бабам бегать. В нашем-то возрасте.

Можно только посочувствовать переводчику, который хронически не успевает с переводом. Увы, и в новый назначенный ему срок Бузыкин не уложился. Тринадцатого числа он сообщает позвонившему ему редактору, что перевод не готов.

Веригин. Ну, ладно, можете не торопиться. Что-нибудь придумаем взамен. Только вот я не знаю, что теперь со Скофилдом делать. Ведь та же петрушка получится.

Бузыкин. Нет, Георгий Николаич, Скофилд — это моё. Ну, это я... на коленях...

Веригин. Ну ладно, подумаем.

Итак, мы узнаём, что у Бузыкина есть любимый автор, Скофилд, которого он очень хочет переводить и просит не отдавать никому другому. Дальше мы увидим, что из этого получится.

Обучение необучаемых

Андрей Павлович не только переводит, но и преподаёт художественный перевод. В фильме откровенно показано, как трудно научить чему-то людей с посредственными способностями, да ещё имеющих о себе завышенное мнение.

Мы видим Бузыкина в аудитории.

Бузыкин (читает студенческий перевод). «Ну что ты так грустно и с упрёком смотришь на меня, малыш? Думаешь, мне легко было так поступить, парень?» — сказал он Смигу, а потом бегал от него и убегал». Да, Лифанов. Вы меня извините, но, по-моему, это просто подстрочник, а не перевод.

Бузыкин — студентам: Это просто подстрочник, а не перевод.

Автор сценария удачно подметил, как нелепо и искусственно звучат в переводах эти поставленные в конце вопроса обращения: *малыш, парень*. Незадачливые переводчики с английского почему-то не чувствуют, что, во-первых, так по-русски обращаются к человеку очень редко, а во-вторых, русское обращение гораздо чаще стоит в начале или в середине предложения, чем в английской речи.

Но упрямый студент Лифанов не принимает критики (знаю на личном опыте, как часто приходится с этим сталкиваться — причём, чем менее способен студент, тем больше он обычно спорит).

Лифанов. Андрей Павлович, я ведь новые формы ищу.

Бузыкин. Боюсь, что это не поиск, Лифанов, а элементарная небрежность. Вот здесь у вас написано «бегал» и тут же рядом «убегал». Неужели нельзя было придумать что-нибудь ещё? (Пауза. Обращается ко всем студентам.) Пожалуйста, прошу вас, придумайте слова, по смыслу близкие к слову *убегать*.

Студенты. Мчаться. Улепётывать. Уноситься. Драпать.

Бузыкин. Драпать. Хорошо. А как именно драпать? Ну, вы, Лифанов. Быстро? А ещё?

Лифанов. Ну, быстро.

Бузыкин. Быстро. Ковалёв?

Ковалев. Во весь опор, на всех парусах, во весь дух.

Бузыкин. Беянина?

Беянина. Стремительно.

Бузыкин. Ильинская?

Ильинская. Без оглядки.

Бузыкин (обращаясь к студентке, которая нетерпеливо тянет руку). Ну, давай, Наташа.

Наташа. Кувырком!

Вот тут я хочу немного покритиковать сценарий фильма с профессиональной точки зрения. Бузыкин поступает совершенно правильно, предлагая студентам искать синонимы. Но, к сожалению, одобренный им вариант — *драпать* — никак не годится для исправления неудачного перевода. «Он бегал от него и драпал»? Нет, здесь что-то не стыкуется. Так же как и сочетание *драпать кувырком*. Впрочем, отнесём это на счёт усталости Бузыкина, который при слове *кувырком* задумывается, вероятно, о том, что у него в собственной жизни всё идет кувырком.

«Шла бы гидом в Интурист, что ли?»

В фильме есть еще один колоритный персонаж. Это институтская подруга Бузыкина Варвара, тоже литературная переводчица. Но, в отличие от него, не обладающая никакими способностями к переводу. Она паразитирует на Бузыкине и только благодаря этому держится на плаву. Галина Волчек создаёт в этой роли богатый актёрскими красками образ, вызывая и отвращение, и жалость к этой нескладной тётке, явно ошибшейся в выборе профессии.

Телефонный звонок Варвары застаёт Бузыкина у Аллы.

Варвара. Ты будешь смеяться, у меня опять не приняли. Сказали, не соответствует стилистике. Стою, ничего не могу сообразить. Приезжай, Бузыкин, мне очень худо.

Бузыкин. Извини, но сейчас никак.

Варвара. Ну, попозже?

Бузыкин. И попозже никак.

Варвара. Ну, тогда всё, я просто погибла. (Кладёт трубку.)

Бузыкин собрался с Аллой в кино и поэтому в кои-то веки решил отказаться Варваре. Но он не может отогнать мысли о ней.

Алла. Не можешь же ты всю жизнь на неё ишачить!

Бузыкин. Нет, вообще-то она неплохая. Нелепая только. Из института её вечно выгоняли. <...> И на что она живёт? Не понимаю. <...> В этом году у неё только один рассказ напечатали. И то с трудом.

Алла. С твоим.

Бузыкин. Шла бы в Интурист, что ли? Гидом.

Вот это, на мой взгляд, совершенно гениальная фраза! Ну зачем человеку заниматься теми видами перевода, к которым у него нет способностей? Ну, пойдя, действительно, в пиццы или устроишься переводить однотипные деловые письма или контракты. Но нет, слишком многие переводчики воспринимают себя неадекватно. Лично мне была знакома студентка третьего курса, которая считала, что может переводить Ахматову на английский язык. На меньшее она была не согласна.

В советские времена получить заказ издательства на художественный перевод было чрезвычайно трудно. И всё равно такие графоманы, как Варвара, тоже печатались — кто правдами, кто неправдами. Ну, а сейчас для Варвар полное раздолье, — вряд ли издательство отклонит перевод по причине, что он «не соответствует стилистике оригинала». Одно утешение — в наши времена за перевод беллетристики платят мало, да и престижным это больше не считается, так что у Варвар стало меньше стимулов переводить романы.

«Может, я бездарная?»

Потерзавшись сомнениями, Бузыкин все же решается помочь старой подруге. Он отправляет Аллу в кино, обещая ей, что лишь ненадолго заскочит к Варваре, переведёт ей несколько фраз, а после сеанса будет ждать Аллу у кинотеатра возле афиши.

В следующем кадре мы видим, как Алла топчется у афиши, напрасно ожидая Бузыкина. А Бузыкин сидит у Варвары дома и, забыв о времени, работает над её переводом.

Варвара. Что, очень плохо, да?

Бузыкин (не отрываясь от работы). Ну почему?

Варвара. Ну, ты ж всё повычёркивал!

Бузыкин. Мелочи кое-какие. Например, «коза кричала нечеловеческим голосом». Это я не мог оставить.

Бузыкин — Варваре: «Коза кричала нечеловеческим голосом». Это я не мог оставить».

Варвара. Ну, а каким?

Бузыкин. Да никаким. Просто кричала.

Варвара (закуривая и тяжело вздыхая). Скажи, Бузыкин, может, я бездарная? А?

Вот это да! Неужели к Варваре приходит осознание собственной профнепригодности? Увы, если и приходит, то ненадолго. Да и Бузыкин по доброте своей не решается сказать подруге правду.

Бузыкин (разубеждающе). Не-ет.

Варвара. А чьи переводы лучше — мои или Шитовой?

Бузыкин (не задумываясь). Конечно, твои.

Варвара. А тогда почему... (Раздаётся звонок телефона. Варвара снимает трубку и слышит голос Аллы.) А, да. Одну секундочку. (Уходит с телефоном в другую комнату, понижает голос.) Нет, он ушёл домой. Не за что, родная. (Кладёт трубку. Наливает в рюмку вина. громко.) Бузыкин, хочешь рюмашку?

Бузыкин (из кабинета, продолжая работать). Не...

Варвара выпивает налитую рюмку и возвращается в кабинет.

Варвара. А я люблю, когда работаю. Допинг. (Смотрит на рукопись.) Бузыкин! Ты что, очумел? Ты что, всё заново начал? Зачем?

Бузыкин. Да не годится это всё.

Варвара. Ну, тебе не годится, а мне годится! Милый, время уж полпервого, а у нас, понимаешь, вагон работы!

Варвара: *Может, я бездарная, а?*

Нет, Варвара при всей её кажущейся нескладности обладает недюжинной хваткой. Она ловко отсекала от Бузыкина, который только и может её спасти, отвлекающие обстоятельства (звонок Аллы). А потом уж и начала подгонять Бузыкина: «Милый, у нас вагон работы!».

Бузыкин же снова становится жертвой своей любви к литературе и переводу. Он переписывает за Варвару рассказ целиком не потому, что так добр к ней, а потому, что просто не может ограничиться лёгкой поверхностной правкой и оставить перевод сделанным кое-как. Плохой или даже посредственный перевод противен его природе.

«И хорошо бы они вышли за космонавтов»

Ленинградские мосты разведены, бедный Бузыкин возвращается домой под утро. Спустя несколько часов ему, полусонному, звонит Варвара:

Варвара. Бузыкин, я перепечатала, сейчас всё получилось. Слушай. (Читает перевод). «Горестная жизнь плута. Земля была беспорядочно замусорена, уродлива. Консервные банки, клочья газет, мотки проволоки валялись на ней. Между черными покосившимися столбами были протянуты веревки. На них висело серое бельё. Старик в белой одежде внимательно вглядывался...».

Снова мы слышим добротный, сочный литературный текст. Талант Бузыкина ещё раз оправдал наши ожидания. Тут уместно добавить, что «Горестная жизнь плута» — это первоначальное название сценария А. Володина, по которому снимался фильм. Под плутом сценарист имел в виду Бузыкина, мечущегося между женой и любовницей. Но режиссёр и исполнитель главной роли подошли к этому персонажу иначе. Поэтому и фильм получил другое название.

Свет на замысел режиссёра и актёра проливает одно из интервью Олега Басилашвили. Артист рассказывает, что какое-то время не мог нащупать траектории образа Бузыкина, не видя в нём плута:

«Мне это было совсем не близко. Я подумал: вот у меня партнёрша, замечательная актриса Неёлова. Мог ли быть у меня с нею роман? Скорее всего — нет. Гундарева... Нет. А что же тогда такое для меня Бузыкин? И я понял: для Бузыкина самое дорогое — письменный стол, книжки. И чтобы никого не было! И сидит он, как Маршак, и получает удовольствие: это — моё... И ничего не надо никому доказывать! И можно делать книгу! И хорошо бы эти женщины вышли за каких-нибудь героев-космонавтов, устроили свои судьбы и оставили его в покое...»².

Мне кажется, в этом интервью недаром прозвучало сравнение с Маршаком — замечательным писателем и переводчиком. Истинный художественный переводчик, может, и несобязательно желает, чтобы его женщины вышли замуж за космонавтов, но у

² «Газета» от 12.02.2004.

него непременно есть переводимая книга, в которую он влюблён и которой не способен изменить.

Увы, у Бузыкина всё получается наоборот — ни жена, ни любовница никак не могут оставить его в покое, а вот с любимой книгой приходится распрощаться.

«А полы тебе помыть не надо?»

В институт к Бузыкину является Варвара.

Варвара (столкнувшись с Бузыкиным на лестнице). Слушай, ты знаешь... Я понимаю, это идиотизм, но ты знаешь, что мне сказал Веригин? Он сказал, что мои переводы лучше, чем твои. Ну, это умора.

Бузыкин. Поздравляю.

Варвара. Ты знаешь, чего я притащилась?

Бузыкин. Ну?

Варвара. В плане на Скофилда ты стоял?

Бузыкин (оторопело). Да...

Варвара. Ну... передали мне... Я хочу знать, как ты к этому относишься.

Бузыкин (полузакрыв глаза, предельно сухо). Я очень рад.

Варвара. Я так и знала. Бузыкин, у тебя совесть есть? Первый раз в жизни мне дали сделать что-то серьёзное. (Бузыкин молча идёт дальше по лестнице.) Ну, что мне — идти отказываться?

Бузыкин (останавливаясь). От меня-то что тебе надо? Дали — переводы. (Продолжает подниматься по лестнице).

Варвара. Но я не хочу, чтоб ты это считал свинством с моей стороны. (Нагоняет его и хватает за руку.) Бузыкин, мне это очень важно!

Бузыкин. Ладно. Это не свинство.

Варвара. Бузыкин, а ты уже начал, а? Может, у тебя остались какие-нибудь черновики, бумаги? Может быть, ты отдашь мне их — а, Бузыкин?

Бузыкин (разгорячившись). А полы тебе помыть не требуется? А то я вымою! Ты свисти!

Вот и получилось, что Бузыкин своими руками лишил себя перевода, к которому так стремилась его душа. «Лучшая подруга» не постеснялась урвать у него этот кусок. Да ещё и бесстыдно попыталась присвоить себе начатую Бузыкиным работу.

И вот теперь Андрей Павлович решил быть твёрдым. Мы снова видим его в ауди-

тории. Нагловатый Лифанов (в будущем, вероятно, — вторая Варвара) подходит к нему с зачётной книжкой.

Лифанов. Андрей Палыч, Андрей Палыч, напишите мне зачёт, пожалуйста. А то они мне стипендию не дают. А я сдам. Вот освобожусь немного и сдам.

Бузыкин. Хартия переводчиков, товарищ Лифанов, гласит, что перевод в современном мире должен содействовать лучшему взаимопониманию между народами. А вы своим лепетом будете только разобщать!

Конечно, цитируемая Бузыкиным «хартия переводчиков» — художественный вымысел автора сценария. Но эти слова достойны быть выбитыми на гранитных плитах, которые следует установить повсюду, где обучают переводческому делу.

Фильм «Осенний марафон» — это для нас, переводчиков и преподавателей перевода, ещё и знамя борьбы с агрессивной бездарностью. Сегодня такая борьба актуальна, как никогда. Очень хочется сказать: «Они не пройдут!».

Они всё-таки пройдут... Пройдут и пролезут. Но пусть хотя бы не все.

Александр Володин (1919–2001)

А что природа делает без нас?
Кому тогда блистает снежный наст?
Кого пугает оголтелый гром?
Кого кромешно угнетает туча?
Зачем воде качать пустой паром
и падать для чего звезде падучей?..
Ни для кого? На всякий случай?..
Вода бесплодно по берёзам льётся,
глухой овраг слепой водой залит.
В надежде роща только обернётся —
он тут как тут. Остолбенев, стоит.
Ну, пусть сидит. Пьёт водку и смеётся.
Но роща тут же примет должный вид:
осмысленно замельтешились сосны,
и лопухи, как никогда, серьёзны,
и, космоса превозмогая косность,
к нему звезда падучая летит.

Борьба с сепулькой

В.Д. Карболкин

Любите ли вы Станислава Лема — так, как люблю его я? Если да, значит, вам не надо объяснять, что такое сепулька. Если нет, рассказываю.

Великий звёздный путешественник Ийон Тихий однажды решил совершить полёт на планету Энтеропия в созвездии Тельца. Предварительно он обратился к «Космической энциклопедии», чтобы навести справки об этой планете, и прочёл там упоминание о сепульках. Это слово его озадачило, и он вынужден был обратиться к статье «сепульки». Вот что пишет Ийон Тихий о том, какие сведения он нашёл:

«СЕПУЛЬКИ — важный элемент цивилизации ордритов (см.) с планеты Энтеропия (см.). См. СЕПУЛЬКАРИИ».

Я последовал этому совету и прочел:

«СЕПУЛЬКАРИИ — устройства для сепуления (см.)».

Я поискал «Сепуление»; там значилось:

«СЕПУЛЕНИЕ — занятие ордритов (см.) с планеты Энтеропия (см.). См. СЕПУЛЬКИ».

Круг замкнулся, больше искать было негде.

Ийону Тихому можно посочувствовать, но его растерянность не идёт ни в какое сравнение со страданиями переводчика (особенно устного), которому попадётся подобная «сепулька». Я постоянно оказываюсь в положении такого страждущего, о чём и собираюсь здесь поведать.

Станислав Лем как в воду смотрел в своих «Звёздных дневниках Ийона Тихого», преду-

гадав склонность современного «хай-тека» к массовому изобретению слов-«сепулек». При этом каждая корпорация изошрется как может, совершенно не сообразуясь ни со словарями, ни с терминологией других компаний той же отрасли.

Лексическое творение, о котором я хочу рассказать, принадлежит одной из крупных телекоммуникационных компаний. Не стану называть её по имени, но намекну, что название этой компании очень созвучно русскому просторечному (и даже несколько вульгарному) синониму слова «грудь». Так вот, сегодня — то есть в день, когда я пишу эти строки, — мне пришлось поработать синхронистом на форуме этой компании. Я перевёл (вместе с коллегой, конечно) длинную презентацию зарубежного специалиста о новой продукции фирмы.

Презентацию в пауэрпойнтовском формате мне дали заранее, и я, будучи синхронистом добросовестным, решил её предварительно проработать. Ведь редко какой технический доклад можно перевести кавалерийским наскоком. Главная трудность — обилие сокращений и терминологических изысков, которые у всех современных компаний считаются сегодня хорошим тоном. Они сочиняют новые термины или придают неожиданные значения известным словам, по-моему, в гораздо больших масштабах, чем внедряют собственно технические новации.

Читаю я презентацию, и в ней выскакивает своя «сепулька» — слово fabric.

Первый раз — в заголовке слайда: Server Fabric Switch Applications, Markets

Так, выделяем главный объект: **server fabric switch**. Понятно, что это некий вид коммутатора. Коммутатор, судя по слайду, необходим для кластеризации серверов, то есть для их более кучного, так сказать, использования. Что же тогда имеется в виду под **server fabric**? Как понимать эту серверную «ткань»? Специализированные компьютерные словари такого слова не числят. А калька по общелексическому значению (*fabric* — *ткань*) здесь никак не годится.

Ладно, смотрим дальше. На одном из следующих слайдов говорится о некоей технологии, назначение которой формулируется так:

Replace the PCI bus inside the server and become the unified **fabric** for IO outside the server.

Ага, здесь *fabric* уже не в атрибутивной, а в полноценной субстантивной роли. Попробуем перевести в первой прикличке:

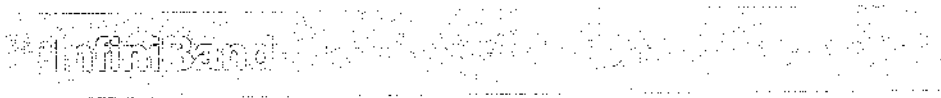
Заменить шину PCI внутри сервера и стать единой (тканью?) ввода-вывода для его внешних связей.

Теперь можно сделать вывод, что *fabric* — это усовершенствованный аналог компьютерной шины, т.е. некоей галереи для ввода и вывода данных. Но почему всё-таки *fabric*? И как это соотносится со значением *fabric* в первом примере?

Дальше это слово встретилось в следующих контекстах:

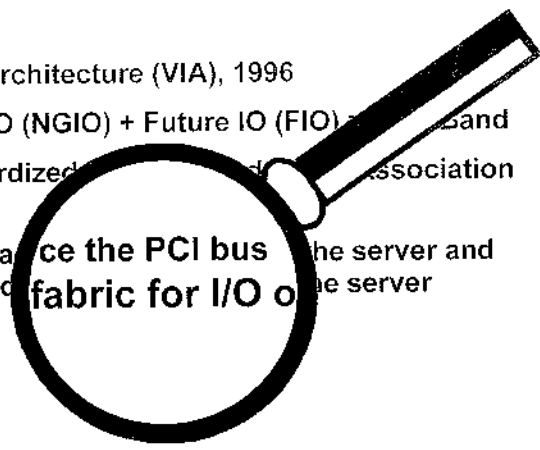
Infiniband provides single **fabric** for storage, network and IPC traffic.

Applications can reduce latency by leveraging remote direct memory access directly in the Infiniband **fabric**.

A Brief History

- Virtual Interface Architecture (VIA), 1996
- Next Generation IO (NGIO) + Future IO (FIO) + InfiniBand
- InfiniBand standardized by InfiniBand Trade Association (IBTA) in 1999
- Stated goal: Replace the PCI bus inside the server and become the unified **fabric** for I/O outside the server

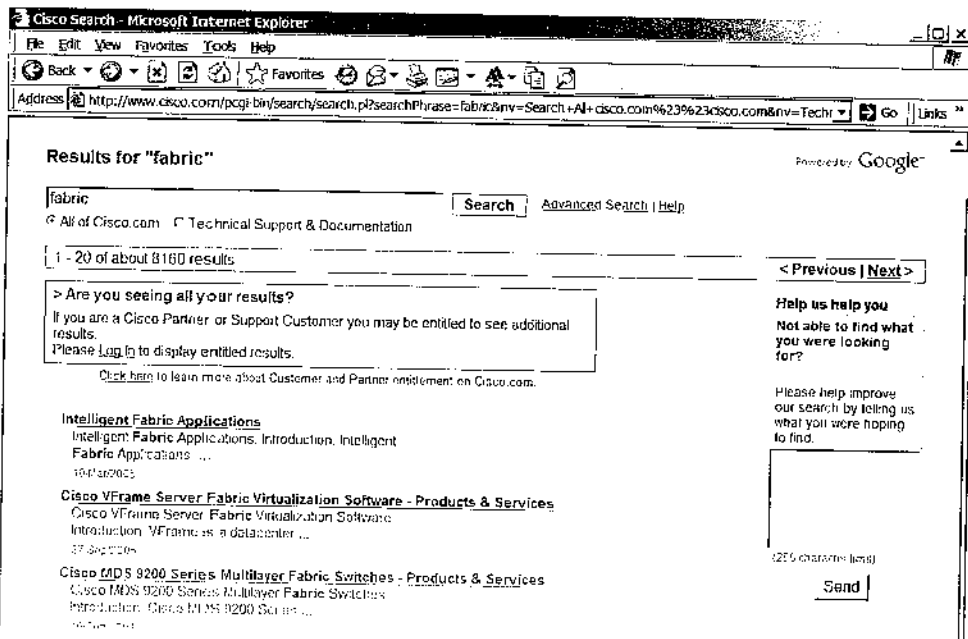

Cum grano salis

Our server **fabric** switching architecture consists of a series of building blocks.

Нет, всё же ни один из контекстов презентации не конкретизирует, что такое **fabric**, и не даёт хоть какой-то подсказки для перевода на русский язык.

Ладно, обратимся к первоисточнику – сайту упомянутой выше компании. Автора, как говорится, на сцену! Заказываем на этом сайте поиск материалов со словом **fabric** и получаем:

Что мы имеем? Новые контексты: Intelligent **Fabric** Applications; Server **Fabric** Virtualization; Multilayer **Fabric** Switches; Switch **Fabric** Module; **Fabric**-enabled Module...

Интересно здесь то, что наряду с **Fabric** Switch мы здесь встречаем и Switch **Fabric**... Другими словами, имеется не только «дверная ручка», но ещё и «ручная дверь»... Отмечу ещё и термин **fabric-enabled module**. Давно ли я читал, как страдают переводчики, работающие в органах ЕС, от тамошнего бюрократического жаргона вроде *enablement*? Похоже, технократы заодно с бюрократами.

Решил я углубиться в статью на тему “Intelligent Fabric Applications”. Читаю:

Intelligent Fabric Applications is an all-encompassing term referring to centralized storage features that take into consideration the value of data over

time, how quickly and at what cost certain data must be made available for end-user requests, and how long data must be retained before being deleted.

Пробуем перевести эту дефиницию:

«Интеллектуальные (тканевые?) приложения – это широкий термин, обозначающий функции централизованного хранения данных с учетом значения данных на протяжении периода времени, скорости и затратности предоставления определённых данных по запросам конечных пользователей, а также предписанного срока сохранения данных до их уничтожения».

В общем, сепульки – важный элемент цивилизации ардритов. Толкование термина, содержащего слово **fabric**, не содержит ни малейшего намёка на то, с какой вообще стати сюда внедрилось это слово.

А что, если предпринять вылазку на русскоязычный сайт фирмы? Взять, так сказать,

«языка». Схема разведоперации такая. Берём с англоязычного сайта название одного из устройств, включающее слово fabric. Ну, вот хотя бы это: MDS 9100 Multilayer Intelligent Fabric Switch. А теперь на русскоязычном сайте закажем поиск русских текстов с данным названием. Ну что ж, вылазка вроде бы удачная — «язык» пойман:

Компания объявила новую модель **многоуровневого интеллектуального коммутатора MDS 9100 Multilayer Intelligent Fabric Switch**.

Что ж это такое? «Язык» отказался давать сведения. В русском названии устройства переведены компоненты: multilayer — *многоуровневый*, intelligent — *интеллектуальный*, switch — *коммутатор*... А где же fabric? Перевод отсутствует! Его не смогли обеспечить даже люди, работающие в самой компании-производителе.

Просмотр других контекстов на сайте «родной» фирмы даёт аналогичные результаты.

Вот и получается, что fabric в терминологическом творчестве телекоммуникационной корпорации — это настоящая сенсация! Сама компания свой термин на русский язык не переводит. А от нас, видимо, этого ждёт.

Ладно, расширим поиск и «погуглим» в Рунете. Заказываю одновременный поиск слов fabric и *коммутатор*. Смотрю результаты.

На сайте одного из подразделений Hewlett-Packard линезреть то, чего всё-таки не ожидал. Видно, по наличности. Читаем:

Новые предложения включают первую в отрасли **коммутатор-фабрику** с поддержкой технологии InterConnect Fabric (ICF).

Какая прелесть! Fabric превратилось в фабрику! Нет, извините, дорогие хьюлетт-паккардовцы, хоть вас и уважаемая компания кормит, но на это я никогда не пойду! Всё-таки учил меня отличать подлинных друзей от ложных друзей переводчика.

Кое-кто не мудрствует лукаво и внедряет английское слово fabric прямо в русский текст:

Всякий раз, когда в fabric-сеть добавляется новый коммутатор...

Это 8-портовый коммутатор, поддерживающий топологию "fabric".

В то время, как аппаратные средства физически соединяют fabric...

Администратор сети создаёт внутри fabric зоны...

Эти примеры взяты с разных сайтов. Удобно, конечно, но это какой-то полуфабрикат вместо перевода: что могу, переведу, а что не могу, оставлю как есть. Так меня тоже не учьши.

Что еще имеется в Рунете?

switching fabric — узел коммутации...

Группа связанных коммутаторов носит название Fibre Channel Fabric...

Теплее, теплее... Из последнего примера можно вывести не такое уж плохое соответствие: fabric switches — *связанные коммутаторы*. Но вот переводить fabric словом *грунта* всё же не хочется: *грунта* — это слишком общее, расплывчатое понятие.

Одни из компьютерных Интернет-магазинов предлагают другой вариант:

Общей функциональной особенностью всей серии является **коммутирующая решетка (fabric)**.

Это уже очень неплохо! Впрочем, как тогда переводить fabric switch — решётчатый коммутатор? Звучит не здорово.

Что там у нас ещё? На сайте компании IBM, кажется, забрежал свет:

Матричный коммутатор MDS 9216 Fabric Switch.

Это уже не режет слуха. Стараюсь вникнуть в логику переводчиков. Видно, они исходили из того, что fabric представляет структуру ткани, в которой переплелись продольные и поперечные нити. Этакую плотную сетку. Но *сеть* — слово, и так уже слишком часто используемое в технологиях связи как соответствие для английских слов net, network и web. Поэтому данный русский термин уже «занят». А вот *матрица* (хотя и у этого слова есть регулярные эквиваленты — *matrix*, реже *grid*) используется реже. Это очень неплохое решение, тем более что от данного корня легко образуется и прилагательное (*матричный*), и существительное (*матрица*).

Cum grano salis

Да вот, и компания 3Com мыслит в тех же терминах. Нахожу у неё на сайте:

Коммутатор обладает функциональной совместимостью с распределенной **коммутационной матрицей XRN (XRN Distributed Fabric)**.

Ну что ж, остаётся подставить новонайденный эквивалент в сочетании, озадачившие меня в самом начале. Пробуем:

- server fabric – серверная матрица
- server fabric switch – серверный матричный коммутатор
- server fabric switching architecture – архитектура серверной матричной коммутации
- intelligent fabric applications – интеллектуальные приложения для коммутационной матрицы
- switch fabric module – модуль коммутационной матрицы
- fabric-enabled module – модуль с возможностью включения в коммутационную матрицу

Получается! И даже не так плохо звучит.

Уф! Кажется, на этом борьбу с сепулькой можно было считать законченной. Сколько я с ней сражался? Да целый вечер. Но я её победил, потому что был хорошо вооружён.

Ийону Тихому не повезло в том, что у него в распоряжении была лишь одна энциклопедия. В его времена Интернета не было... Простите, не будет. Ведь он же из будущего. Правда, не нашего будущего, а, скорее всего, альтернативного.

Но сепульки существуют и там, и тут. Хорошо всё-таки, что сегодня сепулька только

одна попалась. Это редкая удача. Обычно их больше.

Послесловие от редакции. *А на самом деле всё было совершенно не так. По своей безалаберности Виктор Карболякин никакой подготовкой к переводу не занимался, а презентацию начал смотреть за двадцать минут до начала работы уже в кабине. Его партнёр Серафим Подонригора, напротив, почти всю ночь изучал презентацию и пытался выяснить значение, заложенное авторами в слово fabric. Из-за этого он чуть не проспал и слегка опоздал к началу. Впрочем, несмотря на свою повышенную добросовестность, он оказался в том же положении, что и Виктор, ибо ограничился ресурсами компании-производителя и ничего там путного не нашёл.*

Посоветовавшись, коллеги решили следовать примеру упомянутой компании, то есть всеми силами избегать передачи слова fabric на русский язык. Однако полностью увернуться от этого ни тому, ни другому не удалось, и, когда не было другого выхода, оба говорили первое, что приходило им в голову. Все порождённые ими соответствия никуда не годились, но одни были просто смысловыми пустышками («схема», «структура»), а другие знаменовали собой полную капитуляцию перед ложными друзьями переводчика.

Уже придя домой после работы, Виктор Карболякин постфактум проделал тот путь поиска, который он описал в этой статье как образец подготовки к синхрону.

Информация любезно предоставлена конкурентами-зловыхателями.

www.mosty.ru

Украинский «инглиш»

Продолжаем публикацию образцов «инглишей», начатую в предыдущих номерах журнала. На сей раз предлагаем вниманию читателей текст объявления на украинском «инглише» из издающейся на английском языке в Киеве газеты «Киев пост» (Kyiv Post). В нём «элитные блондинки со всех концов Украины» предлагают себя «пылким мужчинам и гостям столицы». Приходится напрячь логическое мышление: то ли гостям столицы обязательно быть пылкими, то ли им необязательно быть мужчинами...

Расценки на перевод с английского на русский¹

Яков Карчев

Перевод с английского на русский – \$5/1500 зн. (= 1 стр., далее цена за стр.)

Перевод с английского на русский так, чтобы было понятно даже вам – \$40

То же, для тех, кто в танке – \$70

Для работника ГАИ – \$72

То же, с объяснениями энциклопедического характера (химическая формула лецитина, почему дует ветер, как заталкивают повидло в карамель) – \$70/час

Перевод с русского на английский с объяснением, почему именно так, а не иначе – \$100/час

С объяснением, почему не переводят вспомогательные глаголы – \$200/час

Перевод с английского на новый русский – \$100/стр. + за каждое «в натуре» – \$5, «корооче» – \$10, «барсетка» – \$35, «голимый» – \$50, «Вы» (с большой буквы там, где это противоречит литературной норме) – \$100.

Перевод с английского на одесский – А кто сплешивает?

Перевод инструкции к гербалайфу – \$800

То же и расспросы о моем здоровье – \$800 и упоминание о страшных побочных эффектах препарата

То же и предложение стать распространителем – \$1500

Перевод письма «Белого братства» к собратьям – бесплатно, с двухчасовой лекцией на тему «Особенности перевода терминов в литературе по сатанизму»

Проверка письма, переведенного Stylus (любой версии с любым количеством подключённых словарей) – \$1/слово

То же, свыше 5 Kb – \$5/слово

То же, с объяснением, почему так дорого – \$20/час

То же, с объяснением, почему ТАК не похоже на оригинал – \$30/час

То же, с объяснением, почему мы не пользуемся автоматическими переводчиками – \$100/час

То же, с объяснением основных принципов машинного перевода – \$500/час

То же, свыше 100 Kb (напр., документа к Photoshop) – \$1000/слово и убирайтесь к чертовой матери

Оригинал с опечатками – \$5 и опечатки в соответствующих словах перевода

Оригинал с орфографическими ошибками – \$20

Оригинал с грамматическими ошибками – \$30

Оригинал с ошибками всех видов – \$40

Неразборчивый оригинал – \$50

Тупой оригинал – \$60

Оригинал, в котором ничего нельзя понять – \$70

Отсутствие оригинала – \$75

Перевод и просьба «без картинок, чтобы понять, какую кнопку жать» – \$100

Перевод и просьба повторить тупой макет – \$250

После слов «да за такие деньги я и сам переведу» – \$500

Перевод в присутствии клиента – \$25

То же, с ответами на его вопросы типа «а стоит ли покупать курс Илоны Давыдовой?» – \$75

Перевод с заверением печатью фирмы – обычная ставка

С заверением у нотариуса – + 1\$

С заверением у дяди Васи – + 250 (г, не \$:) для дяди Васи

С заверением в КБ Миля – + \$700 после предоставления доказательства того, что оригинал написан в КБ Миля и вы имеете право его иметь

С заверением у папы римского – + пиво для папы

Перевод надписи на долларовой купюре – хм... \$!!

Обучение правильному произношению надписи на долларовой купюре – \$500

После вопроса об оплате бартером – \$10

Рекламой – \$20

Солью – \$30

Пивом – гм.

¹ Впервые опубликовано на общедоступных форумах Fidonet в 1997 г. Не сумев связаться непосредственно с автором, редакция сочла возможным напечатать этот материал в журнале как фактически ставший общественным достоянием.

Семантико-синтаксические процессы и перевод

А.А. Кафиров

Отрадно, что в наше время, когда крылатым стало выражение «Надо делиться!», в процесс обмена богатым наработанным опытом вливаются представители второго поколения отечественных переводчиков, такие, как Д.И. Ермолович, М.А. Загот, П.Р. Палажченко, А.П. Чужакин и автор рецензируемого учебного пособия И.В. Полуян.

Военный перевод, устный двусторонний перевод на переводческом факультете МГПИИЯ (им. М. Тареза (ныне МГЛУ)), синхронный перевод и письменный технический перевод на Курсах переводчиков ООН (организованных дуэтом российской педагогической и переводческой школы Зоей Васильевной Зарубиной), письменный перевод на английский язык на факультете переводческого мастерства МГПИИЯ – таков неполный «послужной список» педагогической деятельности автора, которую он, как и большинство его коллег, совмещал с переводческой работой «на стороне». С 1991 г. И.В. Полуян – «свободный художник».

В свое время я учился у Игоря Владиславовича синхронному переводу и хорошо помню, как после напряженной практической работы по переводу выступлений членов делегаций в ООН и последующего «разбора полетов» было приятно (и полезно) минут пятнадцать посвятить отработке очень конкретных навыков, таких,

например, как перевод предложений, содержащих количественную информацию – об увеличении производства зерновых (модная тогда тема) в несколько раз или сокращении преступности (тема актуальная и сегодня) на несколько процентов. Этот пример может показаться тривиальным, однако сплошь и рядом встречаются переводчики достаточно опытные, но не прошедшие хорошей школы или не изучившие английский язык в его естественной среде, которые не в состоянии дать правильный перевод на английский словосочетания «уменьшился в три или четыре раза». У нашего преподавателя была для этих целей маленькая тетрасточка, которая, полагаю, и легла в основу данного пособия.

В теоретической части, подводящей читателя к пониманию семантико-синтаксических процессов, положенных в основу упражнений в практической части, автор исходит из той мысли, что успешный перевод, т.е. определенные операции с парой языков, невозможен без понимания механизмов действия каждого из этих языков в отдельности. В силу понятных причин автор ограничивается «механизмом» английского языка как не родного для большинства читателей пособия и делает при этом ряд интересных наблюдений.

Первый примечательный факт, чье значение для перевода

Семантико-синтаксические процессы и перевод

Примечательный факт

И.В. Полуян

И.В. Полуян
Семантико-синтаксические процессы и перевод (с русского на английский и с английского на русский). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 240

трудно переоценить, заключается в том, что английский язык, будучи языком аналитическим, т.е. практически лишенным склонения и спряжения, вынужден для построения высказываний использовать порядок слов, фиксированный в моделях предложений (sentence patterns). Количество же наиболее часто употребляемых моделей ограничено приблизительно десятком. Возникает «крамольная» мысль: «А нельзя ли вообще обойтись этим десятком моделей?» Думаю, что нельзя, но стремиться к этому никому не возбраняется. Вообще, выбор модели предложения, особенно в переводе на английский язык, это самый первый и самый главный шаг в цепочке принятия решений, которой, собственно, и является процесс перевода.

Из этого центрального факта синтаксиса английского языка вытекает целый ряд других явлений: эти наиболее распространенные модели используются не только для передачи, так сказать, первичных отношений, таких, как «действие — действие» или «действие — место действия», для чего они, по-видимому, и были созданы в ходе развития языка (не будучи палеолингвистом, не дам «руку на отсечение» в подтверждение этого), но и для передачи других, менее типичных для них отношений, таких, как причинно-следственные. Кстати, это делает данные модели еще более универсальными.

Второй факт, очень важный для изучающих английский язык и для переводчиков, — это высокая частотность употребления в нем (автор ограничивается стилем публицистики) модели «подлежащее — сказуемое — прямое дополнение». В тех случаях, когда позиция подлежащего, дополнения или того и другого вместе заполняется так называемыми номинализациями (Nominals), эту модель можно рассматривать как результат сочетания других моделей, включая и саму себя. Это явление не чуждо и русскому языку. Например, предложение «Убийство президента Кеннеди всколыхнуло всю Америку» можно рассматривать как сочетание в одну каузативную конструкцию моделей «Президента Кеннеди убили» CAUSE (в результате чего) «Вся Америка всколыхнулась».

В английском языке такое сочетание моделей сопровождается рядом семантико-

синтаксических процессов — процессов взаимодействия лексики (вернее, «элементарных частиц смысла» или сем) с синтаксисом получающейся в результате модели, — из которых номинализация и вербализация достаточно хорошо известны людям, профессионально пишущим или говорящим на английском языке (писателям, журналистам, переводчикам), а другие — адъективация, адвербиализация и метафоризация — менее хорошо известны. Как конкретно это происходит, разложено автором буквально по полочкам и иллюстрировано убедительными примерами.

Как отмечалось в лингвистической литературе, тексты, особенно публицистические, а еще в большей степени аналитические или так называемые «философские», пронизаны причинно-следственными отношениями. Поэтому представляется вполне оправданным внимание, уделенное автором практически всему спектру средств выражения этих отношений в английском языке.

Интересным и плодотворным представляется подход автора к составлению системы упражнений, построенных в основном по смысловому, а не грамматическому принципу. При этом автор отбирает английские предложения, содержащие «единицы несоответствия» (его термин), т.е. синтаксические структуры, обороты, словосочетания и т.п., для которых нет «закономерных соответствий» в языке перевода, и с их перелачей на русский язык существуют определенные трудности. То есть трудности существуют лишь до поры до времени, а именно до того времени, пока учащиеся не возьмут их на вооружение, когда они станут вполне закономерными. В разделах, посвященных переводу с русского на английский, предложения подобраны таким образом, чтобы использовать в переводе оригинальные идиоматические конструкции, «заданные» в англо-русской части.

Около тридцати типов упражнений (перевод с английского языка на русский и с русского на английский, а также узкоспециальные тренировочные упражнения — drills) построены вокруг моделей предложений, содержащих указание на количество, время, место (способы членения английским языком последних двух категорий заслуживают

особого разговора) и иные категории – естественно, в их семантическом понимании. Часть упражнений посвящена таким частным вопросам практики перевода, как передача контекстуальных эквивалентов, извлечение субъекта из контекста при переводе на английский предложений, содержащих безличные, неопределенно-личные и возвратные конструкции, передача категории «общее – частное», актуальное членение.

Как любой другой вид практической деятельности, перевод, особенно устный и тем более синхронный, требует многократной «обкатки» определенных «ходов» и «приемов». Тренировочные упражнения – drills – посвящены выработке чрезвычайно полез-

ных, на мой взгляд, навыков образования английских номинализаций и вербализаций, развертывания английских номинализаций в английские предложения, свертывания (фактически перевода) русских предложений в английские номинализации.

Уверен, что в предлагаемой издательством «Р. Валент» книге каждый, имеющий отношение к иностранным языкам или переводу, – филолог, преподаватель практики или перевода английского языка, студент и начинающий переводчик, желающий повысить свою квалификацию, – найдет для себя много интересного.

Маргарита заговорила языком Коровьева

Д.И. Ермолович

Эта заметка – не о переводе с одного языка на другой. Она о такой простой вещи, как перевод косвенной речи в прямую.

Долго мы ждали экранного воплощения булгаковского шедевра – романа «Мастер и Маргарита». И вот в декабре, наконец, дождались. Фильм режиссёра Владимира Бортко за что-то хвалили, за что-то ругали. Это было предсказуемо – роман сложен для экранизации. Но вот чего никак нельзя было ожидать, это что экранизаторы вложат малограмотную реплику в уста интеллигентной булгаковской героини.

В лютый серии фильма Мастер рассказывает Ивану Бездомному о тяжёлых днях, наступивших для него после публикации отрывка из романа. Поток разносных критических статей вызвал у него нервное расстройство. Экранная Маргарита советует своему другу: – Брось всё, **уедь** на юг к Чёрному морю!

Должно быть, Мастер был и впрямь серьёзно болен, раз этот талантливый писатель не одёрнул и не поправил Маргариту, произнёсшую слово «уедь»! Как же случилось, что из кристальной булгаковской

прозы выскочило на экран безграмотное просторечие? Ведь нам так много говорили, что в фильме проявлено максимально «бережное» отношение к тексту литературного оригинала.

Смотрим в текст романа и читаем в главе 13:

«Она говорила, чтобы я, бросив всё, уехал на юг к Чёрному морю...».

Теперь ясно. У авторов фильма возникла проблема с переводом высказывания из косвенной речи в прямую и образованием некоторых грамматических форм. Напоминаю: повелительное наклонение от глаголов *ехать*, *поехать*, *уехать* и т.п. – **езжай**, **поезжай**, **уезжай**. А «едь», «поедь» и «уедь» – это нарушение литературной нормы, встречающееся в речи малообразованных людей. В таком стиле в романе изъяснялся лишь Коровьев и некоторые сатирические персонажи.

Чтоб Маргарита сказала «уедь»? Нет, как сказал Коровьев, «не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита», глава 13)

Берди Мишель – письменный и устный переводчик, специалист по межкультурной коммуникации. Автор рубрики “Word’s Worth” в газете “Moscow Times”.

Бузаджи Дмитрий Михайлович – письменный и устный переводчик, преподаватель перевода, аспирант кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГЛУ.

Гуревич Леонид Ошеревич – синхронный и письменный переводчик. Главный редактор журнала «Мир перевода». Президент СПР. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работал во французской редакции издательства «Прогресс», международном журнале «ПМС» (Прага).

Ермолович Валентина Ивановна – синхронный и письменный переводчик, преподаватель перевода, психолингвист. Кандидат психологических наук. Профессор кафедры теории, истории и критики перевода МГЛУ. Окончила переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Сотрудничает с международными организациями. Автор учебных пособий по переводу и научных статей по теории перевода.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Защитил диссертацию доктора филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работает в международных организациях. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Загот Михаил Александрович – профессиональный переводчик, доцент МГЛУ, член Союза писателей России, Союза переводчиков России. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза.

Карболкин Виктор Дмитриевич – переводчик-универсал. Переводит главным образом бумагу, продукты питания, старушек через улицу. Успешно обеспечивает себе жизнь переводами (от родителей-пенсионеров из деревни). Высшее образование получил, минуя этап среднего. Кандидат гендерных, политических, исторических, футурологических наук (нужное подчеркнуть). В свое время попал во МГЛУ; до настоящего времени МГЛА не рассеялась.

Кафыров Александр Александрович – советник по внешним связям компании British Petroleum. Окончил МГПИИЯ им. М. Тореза и Курсы ООН. Как переводчик работал на международных переговорах и в международных организациях, с которыми продолжает сотрудничество. Последние десять лет работает в нефтяных компаниях.

Кудрявцева Татьяна Алексеевна – художественный переводчик, член Союза писателей России. В ее переводах на русском языке выходили произведения М. Митчелл, У. Стайрона, Д. Андайка, Н. Мейлера, А. Мердок, Д. Ле Карре и др. авторов. Лауреат премий Американско-Российской Ассоциации культурного сотрудничества и Ассоциации американских издателей.

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Метрес Филип – американский поэт и переводчик современной русской поэзии, доктор филологии, преподаватель университета John Carrol University. Его стихи публиковались в ряде периодических изданий и включены в антологию *Best American Poetry (2002)*. Автор однотомных сборников.

Некрасова Тамара Петровна – начальник отдела переводов российской юридической компании “Пепеляев, Гольцблат и партнеры”. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза.

Палажченко Павел Русланович – синхронный и письменный переводчик, дипломат, журналист. Многолетний сотрудник ООН. Переводчик М. Горбачева и Э. Шеварднадзе. Окончил МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда книг и словарей.

Шилов Алексей Александрович – синхронный и письменный переводчик, специализирующийся в области информационных технологий. Окончил Московский физико-технический институт.

Восемь вопросов профессионалу

- Отвечает В.О. Бабков. № 4/2004
Отвечает И.А. Беляев. № 1(5)/2005
Отвечает Мишель Берди. № 2/2004
Отвечает Линн Виссон. № 1/2004
Отвечает Л.А. Гуревич. № 4(8)/2005
Отвечает Э.В. Зарубина. № 1/2004
Отвечает Б.Н. Климзо. № 2/2004
Отвечает Филип Метрес. № 3(7)/2005
Отвечает П.Р. Палажченко. № 4/2004
Отвечает М.Я. Цвиллинг. № 1(5)/2005

О нашей профессии

- И.В. Зубанова.* Профессия переводчика: штрихи к портрету. № 1/2004
М.Я. Цвиллинг. Профессиональный путь переводчика. Размышления и воспоминания. № 1/2004

Лицо профессии

- С.А. Бурляй.* Человек-легенда (о В.Ю. Розенцвейге). № 3/2004
С.И. Влахов. Высокое искусство в руках мастера (о Сидре Флорине). № 1(5)/2005
В.Д. Девкин. За что мы любим и ценим В.Г. Гака. № 4/2004
М.И. Зайцева. Слово переводчику – ветерану Великой Отечественной войны. № 2(6)/2005
В.Н. Комиссаров. «Перевод – важная часть моей жизни». № 3/2004
Т.А. Кудрявцева. О положении с переводом художественной литературы. № 4(8)/2005
М.Я. Цвиллинг. Памяти Татьяны Сергеевны Ступниковой. № 2(6)/2005
С.Г. Чернов. Мой отец – Геллий Васильевич Чернов. № 3(7)/2005
Жизнь, посвященная взаимопониманию (о Т.А. Кудрявцевой). № 4(8)/2005
Поздравление юбиляру – М.Я. Цвиллингу. № 3(7)/2005

Наследие

- В.Г. Гак.* Русский язык в сопоставлении с французским. Фрагменты книги. № 4/2004
В.Н. Комиссаров. «Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания (К постановке проблемы). № 2(6)/2005
В.Н. Комиссаров. Слово о переводе. Фрагменты книги. № 4(8)/2005
И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. Фрагменты книги. № 3/2004
Т.С. Ступникова. Ничего, кроме правды. № 2(6)/2005
С.П. Флорин. Муки переводческие. Фрагменты книги. № 1(5)/2005
Г.В. Чернов. Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. Фрагменты книги. № 3(7)/2005

Анализ практики

- Мишель Берди.* Bias-Free and Inclusive English. № 4/2004
Мишель Берди. Communications: Saying What We Mean. № 3/2004
Мишель Берди. Пытки переводчика. № 1/2004, № 2/2004
Ф. Бьяджини. Русско-итальянский перевод в области туризма: общие вопросы. № 3/2004
Линн Виссон. Speaking of Education. № 2/2004
Линн Виссон. Terms for Describing Terrorism. № 1/2004
Линн Виссон. Несколько фраз из повести Достоевского. № 1(5)/2005, № 2(6)/2005
Д.И. Ермолович. Детская болезнь «размазни» в последовательном переводе. № 1(5)/2005
Д.И. Ермолович. Имена и названия в переводе. Из переписки. № 1/2004

Б.Н. Климзо. Словарный перевод. № 2/2004

В.К. Ланчиков. Размах крыльев, или Как не потерять первоисточник цитаты. № 1/2004

В.К. Ланчиков. Русский Н как N французский. № 1(5)/2005, № 3/2004, № 4/2004

Филип Метрес. Some Notes on Translating Arseny Tarkovsky's "Field Hospital". № 4(8)/2005

Т.П. Некрасова. Объекты и субъекты, или Words that lawyers like and translators stumble over. № 3(7)/2005

Т.П. Некрасова. О руссизмах в юридическом переводе, и не только. № 4(8)/2005

П.Р. Палажченко. Пространство английское и русское. № 3(7)/2005

П.Р. Палажченко. Цитата в словарях и в переводе. № 1/2004

Д.В. Псурцев. Не пить чай можно по-разному (Заметки о двух переводах одного стихотворения). № 1(5)/2005

Текст и его окрестности

С.А. Алексеев. Геттисбергское «противостояние»: оригинал vs. перевод. № 2(6)/2005

Мишель Берди. Lincoln's Gettysburg Address: The Song of Abraham. № 2(6)/2005

В.К. Ланчиков. Памятник за языковым барьером. № 2(6)/2005

Языки в меняющемся мире

П.Р. Палажченко. Языки в меняющемся мире. № 2/2004

Давайте говорить правильно/А как это по-русски?

Д.М. Бузаджи. На ту же тему.. № 4(8)/2005

Д.И. Ермолович. Несобственные имена (О названиях международных организаций). № 4/2004

Д.И. Ермолович. Маргарита заговорила языком Коровьсва. № 4(8)/2005

В.К. Ланчиков. Семь заблуждений относительно заимствований (Цитаты с комментариями).
№ 3(7)/2005, № 4(8)/2005

А.Н. Ланьков. Кос-что о транскрипции корейских имен. № 4/2004

В. Смоленский. Суши или суси? Отповедь шепелявящим. № 2/2004

Е.Д. Штефан. «Миншпн импосссыбл» или «миссион импоссибле»? № 4/2004

Заказчик — переводчик

Ю.М. Алексеев. Размышления о рынке переводческих услуг. № 4/2004

Н.К. Дуленский. Проект документа СПР «Заключение и исполнение договоров на выполнение письменных переводов. Нормы и правила». № 1/2004

В.И. Ермолович. Ситуационный перевод или ситуационный произвол? № 4(8)/2005

Б.Н. Климзо. Quality Versus Time. О качестве технического перевода. № 1/2004

В.И. Король. Reality versus Nostalgia. Еще один взгляд на технический перевод. № 3/2004

В.К. Ланчиков. Месть переводчика. № 2/2004

П.Р. Палажченко. Цитата в словарях и в переводе. № 1/2004

Я.И. Рецкер. Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе). № 2/2004

Д. Робинсон. Социальные связи. № 3(7)/2005

И.И. Убин. Немелкие «мелочи» в жизни переводчика. № 3/2004

К. Флик. О чем обычно спрашивают переводчика. Цитата в словарях и в переводе. № 1/2004

Я.В. Фоменко. Ситуационный перевод. № 3(7)/2005

Н.Г. Шахова. Tricks of the Trade: Tips for Finding a Translator. № 3/2004

А.А. Шилов. «Предлагая, можем предложить», или Почему не заплатили переводчику. № 4(8)/2005

Проблемы технического перевода

Б.Н. Климзо. Да — защите качества. Нет — апологетике халтуры. № 4/2004

Б.Н. Климзо. Russian English и другие «инглиши». № 1(5)/2005

Е.К. Масловский. Блеск и нищета научно-технического перевода. № 2(6)/2005

Е.К. Масловский. Чтоб под авторским листом был тебе и стол, и дом. № 3(7)/2005

Рабочее место переводчика/Реплика о стандарте

- И.А. Беляев.* Нормативная документация как источник наиболее строгой терминологии. № 3/2004
В.Н. Гривовский. Технология Translation Memory. № 2/2004
Н.К. Дуленский. «Письменный перевод – Рекомендации переводчику и заказчику». № 3/2004

Переводчик и компьютер

- Ю.Н. Марчук.* Немного о компьютерной лингвистике и машинном переводе. № 4/2004
И.Г. Шахова. Что могут программы машинного перевода? № 4/2004
В.Н. Шевчук. Новые возможности саморедактирования. № 3(7)/2005

Переводя культуру

- Т.В. Ларина.* Выражение побуждения как переводческая проблема. Особенности английского и русского коммуникативного поведения. № 2/2004
Ю.А. Фролова. Малагу можешь ты не пить, но что-то знать о ней обязан (Пидам и переводчикам об испанских терминах виноделия). № 2(6)/2005

Что про нас сочинили

- Д.И. Ермолович.* Синхронный перевод с ангольского. № 1(5)/2005
Д.И. Ермолович. Сказочное пособие по устному переводу. № 4/2004
В.А. Иовенко. Дон Кихот о переводе. № 2(6)/2005
В.К. Ланчиков. Под серым знаменем. № 1(5)/2005

Кинозал

- Д.М. Бузджиги.* Хоть горшком назови? № 1(5)/2005
Д.И. Ермолович. Носители совершенства. Перевод и переводчики в советском кино: образы и сентенции. Статья первая. № 3(7)/2005
Д.И. Ермолович. Так что же упустила переводчица в «Трудностях перевода»? № 2(6)/2005
Д.И. Ермолович. Трагедия таланта. Перевод и переводчики в советском кино: образы и сентенции. Статья вторая. № 4(8)/2005
 «Круглый стол» в редакции «Мостов» (М. Берди, Д.М. Бузджиги, Д.И. Ермолович, М.А. Загоя, В.К. Ланчиков, П.Р. Налажченко). «Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина». № 4(8)/2005

Азбука бизнеса/Азбука деловых отношений

- М.А. Загоя.* О переводческой этике. № 3/2004
Н.Г. Шахова. Как зарабатывать на жизнь переводами. № 2/2004

Слово молодым

- О. Чуракова.* Записки переводчика. О переводе с французского романа Амели Нотомб «Влюбленный саботаж». № 1/2004

Практические занятия

- И.В. Полуян.* Компрессия – осознанная необходимость. № 3/2004
И.В. Полуян. «Персупаковка» с русского на английский. № 4/2004
А.П. Чужакин. С чего начинается скоропись. № 2/2004

Слово – вузам

- Д.С. Мухомтов.* Переводчик в сфере профессиональной коммуникации: плюсы и минусы благой инициативы. № 3/2004

XX век – глазами переводчика

- Д.И. Ермолович.* В гостях у лучшего друга переводчиков всех времен и народов. № 2/2004
Д.И. Ермолович. Переводчик в эпицентре мировой катастрофы. № 2(6)/2005
А.П. Чужакин. Лидеры и их тени (фрагменты истории). № 1/2004
А.П. Чужакин. Политико-переводческий алфавит, или Сентиментальное путешествие в недавнее прошлое. № 2/2004, № 3/2004, № 4/2004, № 1(5)/2005, № 2(6)/2005

Читая прессу

Д.И. Ермолович. Непереводимость как плавательный пузырь. № 3/2004

Cum grano salis/Почти серьезно

В.О. Бабков. Психологический портрет идеального переводчика. № 2/2004

А.И. Бересневич. Размышления в наушниках. № 2(6)/2005

М.А. Загот. Как я не переводил Фиделя Кастро. № 3(7)/2005

М.А. Загот. Мужской шовинизм, или Мой первый опыт художественного перевода. № 1(5)/2005

В.Д. Карбошкин. Борьба с сенулькой. № 4(8)/2005

В.Д. Карбошкин. Жанром по гендеру. № 3(7)/2005

Я. Карчев. Переводчик на производстве: испутевые заметки. № 1(5)/2005

Я. Карчев. Расценки на перевод с английского на русский. № 4(8)/2005

И.В. Квасюк. Снова на фронт. № 2(6)/2005

А.И. Никольская. Письмо юному другу. № 4/2004

М.Я. Цвилинг. Советы синхронистам, и не только. № 4/2004

Издательство «Р. Валент» предлагает/Рецензии

Линн Виссон. New Insights into Teaching Interpretation. № 3(7)/2005

М.А. Загот. Ищите и найдете (о книге «Ищите и найдете, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого»). «Мосты» № 1/2004

И.В. Квасюк. В начале было слово (о «Словаре религиозной и возвышенной лексики» Д.И. Ермоловича). № 3/2004

А.А. Кафиров. Семанτικο-синтаксические процессы и перевод (о книге И.В. Полаяна «Семанτικο-синтаксические процессы и перевод»). № 4(8)/2005

Т.П. Кнюкина, М.Ю. Кнюкина-Витюк, В.К. Ланчиков. О «Поэтике и крылатике» (Мысли, не уместившиеся в предисловии). № 2/2004

П.Р. Пашкевичко. Теория, необходимая практику (о книге Я.И. Рецкера «Теория и переводческая практика»). № 1(5)/2005

И.И. Уйин. С именем — Иван, без имени — болван (о книге Д.И. Ермоловича «Имена собственные: теория и практика межъязыковых соответствий»). № 3(7)/2005

Дайджест

И. Байбаст, М. Юсин. Места надо знать. («Известия» от 07.11.2003.) № 1/2004

С. Барсукова. Зачем банки меняют лица. (Журнал «Финанс» № 36. 17 -23.11.2003.) № 1/2004

В. Белодровцева. Рядный дом в ряду других переводческих ошибок. («Молодежь Эстонии» от 22.06.2002.) № 2(6)/2005

И. Бернштейн. «Из статьи "Английские имена в русских переводах"» («Иностранная литература», 1998, №4). № 3(7)/2005

Дж. Боджер. ФРБ завлечено непереверенными пленками с разговорами террористов. («Гардиан» от 29.09.2004.) № 2(6)/2005

Ю. Камешник. Неправильная фамилия. («Известия» от 24.08.2005.) № 3(7)/2005

М. Рюрикова. «Женский роман спасли женские слезы» (о переводе романа М. Митчелл «Унесенные ветром») («Новая газета» № 90 от 10.12.2001.) № 4(8)/2005

В украинских судах русскоязычным нужен будет переводчик («Росбалт» от 01.09.2005). № 4(8)/2005

Владимир Путин попал меж двух речей. (Газета «Коммерсантъ» № 191, 2004.) № 4/2004

За переводчиками следит и губернатор Петербурга. (По материалам статьи Е. Григорьевой «Путин с коллегами очистили Балтику».) («Известия» от 23.09.2005.) № 3(7)/2005

«Знаете ли вы, что...» № 3/2004

Путин советует внимательно следить за переводчиками... (По материалам репортажей НТВ.) № 3(7)/2005

... и Лавров следует совету президента. (По материалам репортажей НТВ.) № 3(7)/2005

- Из выступлений на презентации книги Дж. Мэтлока «Рейган и Горбачев». № 4(8)/2005
 Личный переводчик Хусейна снова в строю. (MIGnews.com 22.10.2005.) № 4(8)/2005
 «“Оскара” подчистили». (По материалам газеты «Известия».) № 3/2004
 Правительство Зимбабве обвинило создателей фильма «Переводчица» в заговоре против Мугабе.
 (Newsru.com 7.09.2005.) № 4(8)/2005
 «Принято думать, что суффикс -nik...». № 2(6)/2005
 «Репетируя в Лондоне с английским оркестром...» № 3/2004

Из коллекции Виктора Карболкина

- Азиатские «инглиши». № 1(5)/2005
 Еще один образчик русского «инглиша». № 3(7)/2005
 Маршалы без лампасов. № 4(8)/2005
 «На приеме после окончания конференции...». № 4/2004
 Не в той роли, не в том наряде. № 2(6)/2005
 Образчик русского «инглиша». № 1(5)/2005
 Перевод с червоточиной. № 1(5)/2005
 «Солидная международная организация планировала...». № 4/2004
 Украинский «инглиш» № 4(8)/2005
 Чем питаются черви. № 1(5)/2005

Об искусстве перевода /Просто цитата

- С.Н. Булгаков.* «Если всякий перевод...» «Мосты» № 1/2004
К. Ваннегут. «Переводчикам следует платить столько же...». № 1(5)/2005
П.А. Вяземский. «Или не переводы автора...». № 1/2004
Н.М. Карамзин. «Совершенство удаляется от нас...». № 1/2004
О. Миндельштам. «Качество переводов в данной стране...». № 2(6)/2005
М.Л. Михайлов. «Переводчику», 1847 № 4(8)/2005
Плиний Младший. «Ты спрашиваешь меня...». № 1(5)/2005
А.П. Чехов. «Зачем я не знаю языков...». № 3(7)/2005
 «Не сетуй же на перевод...» (Краткое описание комментариев Академии наук, 1728). № 1/2004
 «Конечно, такая форма выборов...» (Радио «Свобода»). № 2(6)/2005
 «Переводчик» (Из сонника Миллера). № 4(8)/2005

На заметку переводчику

- А.П. Чужакин.* Переводческая страшилка, или Грабли все те же. № 4/2004

Приглашение к дискуссии

- А.П. Чужакин.* Приглашение к дискуссии. № 3/2004
А.П. Чужакин. Русский язык... не уйдет ли он тоже по-английски? № 1(5)/2005

Поэзия

- Александр Володин.* «А что природа делает без нас?» № 4(8)/2005
Вячеслав Иванов. Переводчику. № 2(6)/2005
Новелла Матвеева. Компьютер. № 4/2004
Новелла Матвеева. Обратное превращение. № 4/2004
Новелла Матвеева. Переводчик (В.Левику). № 4/2004

По техническим причинам в набор и вёрстку журнала «Мосты» №2 (6) вкрались некоторые досадные ошибки и опечатки.

На 1-й и 4-й с. обложки журнала его номер ошибочно указан как «2 (5)/2005». Должно быть:
2 (6)/2005

На с. 1 в названии статьи М. Берди следует читать:
Lincoln's.

На с. 2 в заметке «От редакции» последняя строка должна выглядеть так:
We try to bridge the communication gap!

На с. 21 в переводе Вл. Набокова в первом абзаце следует читать:
Восемьдесят семь лет тому назад...

На с. 22 в переводе В. Ланчикова в последнем абзаце в 6-й строке следует читать
Мир едва и услышит произнесенные здесь слова...

На с. 45 в «Дайджесте» в 1-й строке следует читать:
Принято думать, что суффикс pik- (reacenic, beatnik) – далее по тексту.

На с. 62 в левой колонке подпись под фотографией следует читать:
Режиссёр разъясняет мизансцену

На с. 62 в правой колонке подпись под фотографией следует читать:
Режиссёр раздражён непонятливостью Боба.

На с. 68 в материале под рубрикой «Дайджест» в 1-й строке следует читать:
(Продолжение. Начало см. стр. 59, 64)

На с. 91 под рубрикой «Дайджест» в 1-й строке следует читать:
(Окончание. Начало см. стр. 59, 64, 68)

По техническим причинам в набор и вёрстку журнала «Мосты» №3 (7) вкрались некоторые досадные ошибки и опечатки.

На с. 8 в правой колонке подпись под фотографией следует читать:
С Джавахарлалом Неру (Дели, 1956 г.).

На с. 14 в списке вместо *target language* должно быть:
target language

На с. 23 в заметке «Ещё один образчик русского инглиша» 2-й абзац должен выглядеть так:
Приводим ещё один образчик русского «инглиша», вывешенный в зале вылета Нижегородского аэропорта.

На с. 30 в правой колонке первый абзац снизу следует читать:
Как пространство может интерпретироваться не только время, но и событие.

На с. 42 в левой колонке 7-я строка снизу следует читать:
вызвано не желанием

На с. 45 в левой колонке первый абзац сверху следует читать
С распадом СССР резко сократились объемы перевода технической литературы, коренным образом изменилась структура потока переводов ВЦП.

На с. 55 первый абзац сверху дополнительные данные:
В этом номере публикуется перевод главы из второго издания книги американского профессора Дугласа Робинсона (Douglas Robinson) "Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation" (2003). Полностью книга «Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода» вышла в издательстве «КУДИЦ-ОБРАЗ» (Москва, 2005). Перевод выполнен агентством EnRus: переводчики Марьяна Скуратовская, Диар Туганбаев и Наталья Шахова, редактор Сауле Туганбаева.

На с. 69 в левой колонке 24-я строка сверху следует читать:
ИЯ – Это гречка. А ведь раньше ею на Руси свиней кормили.

На с. 85 в правой колонке 23-я строка сверху следует читать:
générale

Bridging the Communication Gap

4(8)/2005

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

Round-table on film translation at Mosty

V.I. Yermolovich: Situational translation or transgression?

V.D. Karbolkin struggles with high-tech gobbledegook

V.K. Lanchikov on borrowing trouble in Russian

T.P. Nekrasova on Russianisms in legal translation

ISBN 5-93439-187-9

9 785934 391875